

сящаго тяжело раненаго ¹⁾ и убитаго на спинѣ; въ двухъ случаяхъ амазонка поддерживаетъ подругу ²⁾, а въ одномъ — даже вступается за павшаго врага ³⁾; наконецъ мы имѣемъ упомянутый выше мотивъ поддерживанія изнемогающаго колѣномъ (см. рис. 2). Поза раненаго отличается отъ изображеннаго на чертомлыцкихъ ножнахъ главнымъ образомъ въ томъ, что ноги его занимаютъ нѣсколько иное положеніе, а именно, — подогнута только правая нога, а лѣвая вытянута; голова припала не къ плечу, а на грудь. Эта группа заслуживаетъ вниманія не только благодаря выразительному мотиву, но и художественной передачѣ обезсиленнаго тѣла юноши, представляющаго собою чуть-ли не лучшую фигуру всего фриза. Защитникъ сдвинуть нѣсколько вправо, такъ что рука павшаго перевѣшивается не черезъ лѣвое его колѣно, а черезъ правое; между этою группою и амазонкой вставлена еще фигура юнаго грека, подоспѣващаго на помощь къ товарищу, поддерживающему раненаго, вслѣдствіе чего защитникъ въ состояніи лучше прикрыть павшаго щитомъ, но зато движеніе его болѣе связано.

Очень похожая группа представлена и на фризѣ изъ Гельбаши, находящемся нынѣ въ Вѣнѣ (см. рис. 1); но въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ того характернаго поддерживанія колѣномъ ⁴⁾: здѣсь подъ правую рукою мы видимъ возвышеніе почвы, что, конечно, является менѣе удачнымъ; лучше, правда, чѣмъ на чертомлыцкихъ ножнахъ, защищаетъ павшаго показанный въ ракурсѣ щитъ; но и въ фиалійскомъ фризѣ щитъ поставленъ круче, чѣмъ на чертомлыцкой обивкѣ.

Тѣмъ же мотивомъ воспользовался скульпторъ дошедшей до насъ фрагментированной группы Ніюбида и Ніюбиды въ Римѣ ⁵⁾.

¹⁾ См. Reinach. Répertoire de Reliefs Grecs et Romains, t. I, стр. 222 (14); J. Overbeck. Geschichte der griechischen Plastik, I⁴, fig. 131, вост. стор. 18 (14).

²⁾ См. Reinach. Тамъ же, стр. 222 (11) и 224 (3); Overbeck, тамъ же, fig. 131, вост. стор. 15 (20); fig. 132, западн. стор. 1 (23).

³⁾ См. Reinach, тамъ же, стр. 224 (3); Overbeck, тамъ же, fig. 132, западн. стор. 1 (23).

⁴⁾ Варіантъ воина, защищающаго товарища, см. „Das Heroon von Giölbasci-Trysa“, XIV, В. 14.

⁵⁾ Baumeister. Denkmäler des klassischen Altertums. München und Leipzig 1888, В. III, табл. LXIV, рис. 1752; см. также „Moderner Ciceroen. Rom I, 2. Antike Kunst. Die Antiken — Sammlungen von W. Amelung. 2. Aufl. 1913, стр. 86—87.

ли сравнить группу на чертомлыцкой золотой обивкѣ съ соответствующими группами на привлеченныхъ памятникахъ скульптуры, окажется, что описываемая группа ближе къ болѣе древней изъ трехъ изваяній. Помимо того, что отмѣченный характерный мотив встрѣчается только на ножнахъ и фризѣ фигалійскаго ама, воинъ чертомлыцкихъ ноженъ болѣе схожъ съ древнѣйшимъ памятникомъ и въ томъ отношеніи, что оба воина, если не считать щита и попожей защитника, обнажены (и у защитника на фигалійскомъ фризѣ надѣтъ шлемъ); во фризѣ же изъ Гельбаша сдѣланы уступки позднѣйшему вкусу, сказывающемуся въ болѣе реальной передачѣ костюма, какъ это мы видимъ и въ декоративныхъ изваяніяхъ другого ликійскаго памятника, — такъ назыв. памятника съ фризами изъ Ксаноса (Британскій музей) ¹⁾. На бородаutomъ и на защитникѣ — хитонъ, а на головѣ — остроконечная шапка (капюшонъ); одѣтъ и павшій.

Итакъ, мы видимъ, что группа на обивкѣ чертомлыцкихъ ноженъ тѣснѣе примыкаетъ къ первоначальному типу, а не къ преобразованному промежуточнаго времени, т. е. то-же явленіе, которое отмѣчено Залисомъ по отношенію къ фигурѣ дѣвушки, приведенной нами выше.

И къ слѣдующей группѣ чертомлыцкихъ ноженъ можно было указать параллели въ фигалійскомъ фризѣ. Поза грека, правда, не только обыкновенна, что она нѣсколько разъ повторяется приблизительно въ томъ же видѣ. Взглянемъ хотя бы на вторую группу изображенной здѣсь плиты фриза, — только движеніе правой руки у грека здѣсь иное, нежели на ножнахъ; положеніе амазонки, защищающейся отъ него съкирою, точно также похоже на позу перса на чертомлыцкой обивкѣ. Если въ послѣднемъ случаѣ фигура представлена опустившеюся на колѣно, то это вызвано формою ноженъ; если бы фигура поднялась на ноги, то она очень походила бы на позу перса рядомъ съ Мильтіадомъ, который, какъ было указано въ первомъ моемъ описаніи ²⁾, не является подходящимъ про-

¹⁾ См. Reinach. Répertoire de Reliefs..., т. I, стр. 475 (2).

²⁾ Кургая Карагодеуашъ, стр. 185.

тивникомъ перса; на вазѣ съ амазонамахіей¹⁾ мы противъ перса видимъ воина въ положеніи, только что упомянутомъ въ третьей группѣ ноженъ.

И падающая лошадь чертомлыцкой обивки имѣетъ свою аналогію въ фигалійскомъ фризѣ; мотивъ бѣгущей лошади (на самомъ ковиѣ ноженъ), влекущей за собою сваливагося всадника, мы имѣемъ въ гравированномъ на кости рисункѣ²⁾, на такъ называемомъ ликійскомъ саркофагѣ изъ Сидона въ Константинополь³⁾ и вазовомъ рисункѣ⁴⁾.

Къ примѣрамъ шлема, заполняющаго свободное пространство, приведеннымъ мною въ описаніи Кургана Карагодеуашхъ⁵⁾ и въ изслѣдованіи «Древне-греческія фронтоныя композиціи⁶⁾, укажу еще на вазовый рисунокъ, изображающій бой грековъ съ амазонками и относящійся еще къ V в. 7).

Въ фигалійскомъ фризѣ мы имѣемъ интересную группу воина, сзади срывающаго съ коня за волосы амазонку⁸⁾; эта группа затѣмъ повторяется и въ другихъ памятникахъ греческаго искусства⁹⁾. На ножнахъ ея нѣтъ, можетъ быть, потому, что противниками грековъ являются не амазонки, а, какъ я думаю, персы¹⁰⁾; но, кромѣ того, для подобной группы было бы слишкомъ мало мѣста. — Вѣдь и въ двухъ изображеніяхъ лошадей на ножнахъ чувствуется недостатокъ свободного пространства, что въ одномъ случаѣ отразилось главнымъ образомъ на всадникѣ, въ другомъ — на естественномъ бѣгѣ лошади.

¹⁾ Вагшеистер. Denkmäler des klassischen Altertums. B. II, рис. 2151. Часть рисунка повторена въ «Курганъ Карагодеуашхъ», рис. 28, и въ моей статьѣ въ «Сборникѣ въ честь проф. Д. А. Корсакова», рис. 1.

²⁾ Древности Босфора Киммерійскаго, табл. LXXIX, 9.

³⁾ O. Hamdy Bey et Th. Reinach. Une nécropole royale a Sidon. Paris, 1892 табл. XX и XXII.

⁴⁾ См. Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, II. Serie, табл. 99.

⁵⁾ Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 179.

⁶⁾ Древне-греческія фронтоныя композиціи. С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 336.

⁷⁾ Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, II, текстъ (Hauser), табл. къ стр. 314.

⁸⁾ Brunn-Bruckmann. Denkmäler griechischer und römischer Sculptur, табл. 87; Reinach. Répertoire de Reliefs..., т. I, стр. 222 (12), Overbeck, тамъ же, fig. 131, вост. стор. 16 (17).

⁹⁾ Напр. во фризѣ Мавсола; Reinach. Répertoire de Reliefs..., т. I, стр. 155 (1). Overbeck, тамъ же, т. II, fig. 171, IV, 2.

¹⁰⁾ Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 187.

Интересно, что на одной изъ двухъ группъ на недавно найденномъ Н. П. Веселовскимъ серебряномъ горитѣ въ курганѣ юноха Таврической губ., Мелитопольскаго уѣзда ¹⁾, пока еще не слѣдованномъ и не изданномъ достойнымъ образомъ, бородастый всадникъ по своей позѣ и по движенію лошади очень близокъ къ изображеніямъ амазонки ²⁾, срываемой съ коня, на фигалійскомъ (изъ ³⁾; лошадь другого всадника солохскаго горита припала на переднія ноги, какъ въ фигалійскомъ фризѣ ⁴⁾ и въ большомъ фризѣ мятника съ Нереидами ⁵⁾. На послѣднемъ юноша приподнялъ правое колено, чтобы перекинуть ногу черезъ голову лошади и встать наземь ⁶⁾; этотъ мотивъ затѣмъ повторяется много разъ, между прочимъ и на знаменитой мозаикѣ съ Александромъ Македонскимъ въ битвѣ съ Даріемъ изъ Помпей; на солохскомъ горитѣ представленъ дальнѣйшій моментъ, — и правая нога видна по эту сторону лошади.

Нѣсколько странно, что на солохскомъ горитѣ съ этимъ мотивомъ слѣзанія съ лошади соединенъ мотивъ стаскиванія противникомъ всадника за волосы. Это, по-моему, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что послѣдній мотивъ, придуманный для схемы этой группы, примѣненъ здѣсь ко второй.

Итакъ, мастеръ этого горита или скорѣе художникъ, у котораго мастеръ горита заимствовалъ свои сцены, измѣнилъ по-своему извѣстные типы, въ чемъ, конечно, обнаружилъ стремленіе къ самостоятельности, но, въ сущности, ухудшилъ композицію.

Вл. Мальмбергъ.

¹⁾ См. предварительное описаніе гр. А. А. Бобринскаго «Вновь открытая могила скинскаго царя» («Новое Время» отъ 19-го іюля 1913 г.) и Н. Веселовскаго «Парадный колчанъ скинскаго царя» (иллюстрированное приложеніе къ «Новому Времени» отъ 30-го ноября 1913 г., № 13550, 378, рис. на стр. 376. Затѣмъ см. гр. А. А. Бобринскаго въ переводѣ, съ болѣе крупнымъ, но тоже съ неудовольствительнымъ изображеніемъ, появился въ Illustrated London News отъ 3-го января 1914 г., № 3898. Болѣе подробное описаніе всего вклада г-жи Половцовой должно появиться въ Revue Archéologique.

²⁾ См. прим. 25.

³⁾ Overbeck, тамъ-же, т. I, fig. 132, южн. стор. 22 (18); ср. Giölbасchi-Trysa, I, A, 2.

⁴⁾ См. Reinach. Répertoire de Reliefs..., т. I, стр. 224 (I).

⁵⁾ См. Reinach. Répertoire de Reliefs..., т. I, стр. 473 (E).

⁶⁾ Ср. промежуточный моментъ на фризѣ храма безкрылой Побѣды: Reinach. Répertoire de Reliefs..., т. I, стр. 15; Overbeck, тамъ-же, т. I, fig. 124, o.

Мозаики монастыря преподобнаго Луки.

Получивъ отъ пифіи пророчество, что ему предстоитъ убить родного отца и жениться на собственной матери, юный Эдипъ изъ священныхъ Дельфовъ вышелъ не на западъ, въ Итею, къ морю, по которому быстрый корабль въ нѣсколько часовъ могъ его доставить въ родной Коринѣ къ милому отцу Поливу, а на востокъ. Хотѣлъ онъ добровольно уйти въ изгнаніе, убѣжать отъ судьбы своей, направиться въ Фокиду, въ Беотію. Дошелъ онъ до мѣста, носившаго названіе *σχιττή ὁδός*: тутъ въ тѣсной долинѣ сходились узломъ дороги съ запада, съ сѣвера, съ юга, съ востока. На распутьѣ повстрѣчался Эдипу старикъ, спѣшившій къ той же пифіи, отъ которой уходилъ Эдипъ. Встрѣтились, поссорились, ссора кончилась дракой, въ дракѣ Эдипъ убилъ старика и его спутниковъ. Свершилось первое пророчество пифіи: старикъ былъ Лаій, царь Фиванскій, истинный отецъ Эдипа. Дальше пошелъ Эдипъ, черезъ Ливадію, Алиартъ, Онхестъ. Близъ Онхеста, на скалѣ, сохранившей надолго названіе Сфингія, Эдипъ нашелъ чудовище—Сфинксъ, наводившую ужасъ и трепеть на всю страну. Эдипъ разгадалъ энигму Сфинкса, Сфинксъ бросилась внизъ со скалы и разбилась. Въ награду за освобожденіе страны отъ чудовища Эдипъ получилъ руку царской вдовы Іокасты и воцарился въ Семивратныхъ Фивахъ. Такъ исполнилось второе пророчество пифіи: Іокаста была родная мать Эдипа.

Вся старая легенда локализуется на той проѣзжей дорогѣ, которая и теперь, какъ встарь, соединяетъ Фивы и Дельфы. Проѣзжая дорога и теперь проходить, между Ливадіей и Дельфами, по тому ущелью, гдѣ въ древности была *σχιττή ὁδός*. Но есть изъ Ливадіи въ Дельфы и тропинка, обходящая это ущелье. Она проходитъ черезъ Стириду и Дистомо, по мѣстамъ, прославленнымъ

легендами древности, но благочестивыми преданіями средне-ковья: здѣсь, недалеко отъ Стириды, на скалѣ, возвышающейся на вершинѣ зеленой, окруженной высокими горами котловины, подвизался в срединѣ X вѣка преподобный Лука.

Византия почитала святыхъ или за мученичество, или за глубокую богословскую мудрость, или за суровый аскетизмъ. Преподобный Лука не былъ мученикомъ, онъ отрицалъ богословіе и науку, и даже суровымъ аскетомъ его нельзя назвать. Правда, и онъ былъшельникомъ, дѣвственникомъ, постникомъ, но не было въ немъ суровости и замкнутости. Природа, которая египетскимъ пустынножителямъ представлялась измышлениемъ дѣвольскимъ, преисполненнымъ искушеній,—для преподобнаго Луки она была Божьимъ садомъ; не тѣнь и суету и прелесть адову видѣлъ онъ въ ней, а проявленіе милости и благодати Господнихъ. Онъ любилъ бесѣдовать и съ оленями и съ птичками небесными, любилъ благоуханные цвѣты, любовался лѣсами и горами и журчащими водами ручьевъ. На три столѣтія ранѣе Франциска Ассизскаго, преподобный Лука осуществлялъ тотъ же идеалъ смиренія, благодати и безконечной любви, къ которому вѣлъ своихъ учениковъ и западный святой.

У могилы Преподобнаго основался монастырь, который существуетъ и донынѣ. Какъ во всѣхъ монастыряхъ Греціи, и тутъ жилища зданы вокругъ двора, посреди котораго стоитъ храмъ. Храмъ двойной, т. е. состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ церквей, только соприкасающихся одна съ другою. Обѣ церкви богато украшены. Большая церковь, монастырскій соборъ, сохранила и мраморный узорный полъ и стѣны, и пеструю каменную облицовку стѣнъ, и почти всю мозаичную живопись. Съ точки зрѣнія исторической науки, соборъ представляетъ очень большой интересъ, и какъ памятникъ архитектуры, и какъ памятникъ живописи; чрезвычайно важно, поэтому, было бы опредѣлить соборъ хронологически. Въ настоящей статьѣ мы не будемъ заниматься архитектурой ¹⁾: въ печатаемомъ XVII т. Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ мы издаемъ чертъ собора хіосскаго Новаго монастыря и привлекаемъ, въ числѣ

¹⁾ Ср. *O. Wulff*, Das Katholikon von Hosios Lukas und verwandte byzantinische Kirchenbauten. Die Baukunst, hgg. v. R. Borrmann und R. Graul, II Serie, II Heft. Stuttgart, s. a, p. 1—11.

другихъ памятниковъ, и стиридскую церковь, обсуждая ея конструктивныя особенности. Мы хотѣли бы здѣсь только пересмотрѣть вопросъ о стиридскихъ мозаикахъ.

Мозаики эти принято относить «къ самому началу XI вѣка». Такъ какъ датировка эта не основана ни на какихъ несомнѣнныхъ хронологическихъ свидѣтельствахъ — мы не располагаемъ ни точными лѣтописными извѣстіями, ни надписями, а только преданіями, — и опредѣляется иконографическими и стилистическими особенностями самихъ мозаикъ, то необходимо подвергнуть ее внимательной провѣркѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ X вѣка мы на Востокъ не имѣемъ ни одного датированнаго комплекса мозаикъ, а изъ XI имѣемъ всего три, и изъ этихъ трехъ росписей автору, предложившему ставшую общепринятою датировку, была извѣстна — и то неудовлетворительно — одна никейская! Значить, стиридскія мозаики сравнивать ему было не съ чѣмъ, а опредѣлена дата того или другого памятника можетъ быть, конечно, лишь на основаніи сравненія съ датированными памятниками. Нужно удивляться и тому, что на столь шаткомъ основаніи можно было рѣшиться строить столь категорическіе выводы, и тому, что выводы эти, несмотря на всю явную недостаточность и недоказанность ихъ, стали общепринятыми и повторяются во всѣхъ учебникахъ въ качествѣ догмата.

Къ сожалѣнію, значительная часть мозаикъ собора св. Луки до сихъ поръ ждетъ своего издателя, часть воспроизведена совершенно неудовлетворительно, и только нѣсколько отдѣльныхъ композицій сфотографированы надлежащимъ образомъ. Грустно вспомнить по этому поводу, что еще въ февралѣ 1885 года въ И. Русскомъ Археологическомъ обществѣ былъ заслушанъ докладъ А. В. Прахова, въ которомъ излагалась необходимость изслѣдованія и изданія росписей монастыря Дафни, монастыря св. Луки, церквей Мистры и другихъ греческихъ храмовъ; Отдѣленіе классической и византійской археологіи Общества, признавая полезность предложенія А. В. Прахова для успѣховъ отечественной археологіи, постановило просить общее собраніе ходатайствовать объ ассигнованіи 6000 рублей для предпринятія экспедиціи въ Грецію¹⁾; общее собраніе избрало особую комиссію для обсужденія проекта экспедиціи; и когда комиссія

¹⁾ См. протоколы засѣданій въ Запискахъ, и. с., II, 1887, стр. XXI—XXVI.

представила свой докладъ, то рѣшено было по недостатку средствъ склонить пока предложеніе коммисіи» ¹⁾. Въ результатѣ: Дафни и Истра были изданы и изслѣдованы Габріэлемъ Милье, а всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о монастырѣ препод. Луки, мы обязаны Эрлю Дилу ²⁾, Р. В. Шультцу и С. Г. Барнсли ³⁾ и другимъ западноевропейскимъ ученымъ и учрежденіямъ ⁴⁾.

Мы, въ настоящей статьѣ, конечно, не можемъ ни издать монетскую роспись монастыря св. Луки, ни дать полное ея описание ни изслѣдовать ее такъ, какъ она того несомнѣнно заслуживаетъ. Въ разборѣ вопроса о датѣ ея мы будемъ основываться преимущественно на изданномъ матеріалѣ. Мы имѣли возможность亲自 посѣтить самый памятникъ, но предпочитаемъ, для убѣдительности, не привлекать такихъ наблюденій, которыя могутъ быть сдѣланы только путемъ демонстрированія фотографій и копій.

По вопросу о датѣ росписи исходить надо отъ двухъ неоспоримыхъ фактовъ: 1) вся роспись слѣлана одновременно, и 2) среди росписи находится изображеніе св. Никона Метанойта, умершаго въ 88 году. Естественно думать, что между смертью святого и его представленіемъ въ церковной иконографіи прошло нѣсколько времени. Выводъ отсюда тотъ, что роспись стиридскаго храма должна быть отнесена ко времени не болѣе раннему, чѣмъ самый конецъ IX вѣка. Это выяснено Ш. Дилемъ ⁵⁾. Онъ же формулировалъ и тѣ иконографическіе аргументы, которые опредѣляютъ созданіе росписи,

¹⁾ Тамъ же, стр. XXXIX—XLIX.

²⁾ Ch. Diehl, L'église et les mosaïques du couvent de Saint Luc en Phocide. Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, LV. Paris, 1889, p. 1—73; Ch. Diehl, Mosaïques byzantines de Saint Luc. Fondation E. Piot, Monuments et Mémoires, III, 1896, p. 231—246, pl. XXIV—XXV; Ch. Diehl, Etudes byzantines. Paris, 1905, p. 370—391; Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin. Paris, 1910, p. 476—479.

³⁾ R. W. Schultz and S. H. Barnsley, The monastery of St. Luke of Stiris and the dependent monastery of St. Nicolas in the Fields near Skripou (Theotia). London, 1901, p. 1—76, pl. I—LX. Объ этомъ изданіи я имѣлъ случай говорить въ статьѣ: Памятники византийскаго искусства въ Греціи. Ж. М. Н. П., XL, 1912, Совр. летопись, стр. 56—59.

⁴⁾ Фотографіи имѣются въ парижской Collection des Hautes Etudes (G. Millet), 12—285 и C 1288—1295, и въ серіяхъ берлинской K. Messbildanstalt (ср. Zeitschrift der K. Messbildanstalt, I: Griechenland. Berlin, 1912, p. 17—18); ни парижская, ни берлинская коллекція снимковъ не достаточно полна и технически совершенна.

⁵⁾ Ch. Diehl, L'église et les mosaïques, p. 5—12.

по его мнѣнію, временемъ и не болѣе позднимъ, чѣмъ самое начало XI вѣка.

Въ своемъ описаніи росписи III. Диль начинаеть съ мозаикъ нарѣйка, переходитъ къ нижнимъ мозаикамъ каѳоликона, затѣмъ говоритъ о тѣхъ, которыя помѣщены повыше, описываетъ остатки росписи купола и кончаетъ мозаиками апсиды. Такой порядокъ описанія неудовлетворителенъ даже съ точки зрѣнія сколько нибудь взыскательнаго туриста и совершенно недопустимъ для ученаго: онъ показываетъ, что Диллю и на умъ не пришла мысль о томъ, что византійская церковная роспись есть не случайный наборъ тѣхъ или иныхъ сюжетовъ, а органическое цѣлое, которое, смотря по эпохѣ, можетъ быть такъ или иначе скомпановано и самымъ своимъ составомъ характеризуетъ время своего созданія. Этимъ упущеніемъ онъ себя лишилъ очень важнаго подспорья при опредѣленіи даты росписи собора св. Луки.

Расположеніе мозаикъ въ интересующемъ насъ соборѣ слѣдующее. Въ центрѣ главнаго купола было колоссальное погрудное изображеніе Пантократора, въ медальонѣ, окруженномъ шестью фигурами во весь ростъ: Богородицы, Предтечи и четырехъ архангеловъ. Ниже, между окнами купола, шестнадцать фигуръ пророковъ во весь ростъ; въ четырехъ подкупольныхъ нишахъ — трюмпахъ, замѣняющихъ въ соборѣ св. Луки, какъ и въ хіосскомъ Новомъ монастырѣ и въ Дафни, подкупольные паруса, сохранились Благовѣщеніе, Рождество, Срѣтеніе и Крещеніе. Въ алтарѣ, въ шатровомъ сводѣ надъ престоломъ, Сочествіе св. Духа. Въ полукуполѣ апсиды Богородица съ Младенцемъ. Въ нарѣикѣ — Омовеніе ногъ, Распятіе, Сочествіе во адѣ, Невѣріе Ѳомы. Всѣ остальные мозаики представляютъ отдѣльныя фигуры святыхъ.

Не таково расположеніе сюжетовъ въ сохранившихся росписяхъ, навѣрное принадлежащихъ къ XI вѣку; не таково расположеніе сюжетовъ, которое мы, на основаніи общаго хода развитія системы византійскихъ церковныхъ росписей, имѣемъ право предполагать въ храмѣ конца X или начала XI вѣка.

Система византійскихъ росписей развивается изъ основной композиціи Вознесенія = Второго Пришествія подъ вліяніемъ непрерывнаго уменьшенія церковнаго купола. Въ храмахъ VI—VII вѣка,

которыхъ громаднѣйшій куполъ доминируетъ надъ всѣмъ зданіемъ: принято было помѣщать въ куполѣ полное изображеніе Вознесенія, въ вершинѣ—Христосъ, сидящій на радугѣ, въ славѣ, песомой ангелами; подъ Христомъ—оранта съ двумя ангелами по сторонамъ; дѣе, по краю купола, —двѣнадцать апостоловъ, съ Петромъ и Павломъ въ главѣ, со включеніемъ въ число апостоловъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Вознесеніе завершаетъ земную жизнь Спасителя, изображеніе Вознесенія завершаетъ церковную роспись ранневизантійскую, которая имѣла повѣствовательный характеръ и рассказывала житіе Христа.

Но, по точному смыслу священнаго писанія, Вознесеніе Христова прераобразуетъ и Второе Его Пришествіе. Этотъ пророческій элементъ подчеркивается византійскими иконописцами: Христосъ въ правой рукѣ держитъ свитокъ съ жестомъ судіи; окружаютъ его не двѣнадцать апостолы, которые въ дѣйствительности присутствовали при историческомъ Вознесеніи; введена въ композицію и поставлена на главное мѣсто сопровождаемая двумя ангелами фигура женщины—Мадонны, олицетворяющей Церковь... Вся эта преисполненная глубочайшаго символика композиція должна была исчезнуть изъ храмовой росписи, какъ только перестали возводить громадныя купола. При уменьшеніи купола живописецъ или долженъ былъ сокращать масштабы фигуръ—это возможно только въ извѣстныхъ предѣлахъ, но долженъ былъ переработать всю композицію, иначе распредѣлить фигуры ея.

Переработка началась съ того, что Спаситель въ ореолѣ занимаетъ весь куполъ, а оранта съ ангелами и апостолами помѣщаются въ барабанѣ. Но въ барабанѣ полагается четное число фигуръ (четыре, восемь, двѣнадцать, шестнадцать), слѣдовательно—нечетное число простѣнковъ, и распредѣлить на нихъ пятнадцать фигуръ затруднительно: поэтому, надо дополнить число фигуръ еще одною—для этой цѣли прекрасно подходила фигура Іоанна Крестителя, который олицетворяетъ ветхозавѣтную Церковь.

Разъ центральный медальонъ отдѣленъ отъ апостоловъ, цѣльность композиціи Вознесенія нарушена. Препятствій къ замѣнѣ фигуръ во весь ростъ погруднымъ изображеніемъ Вседержителя не возникаетъ. Между тѣмъ, такая замѣна необходима, и для того, чтобы ближе къ Христу приходился въ вершинѣ купола, т. е. не терялся

въ ракурсѣ въ сводѣ, и для того, чтобы этотъ ликъ могъ имѣть достаточно крупныя размѣры и быть различимымъ снизу.

При дальнѣйшемъ уменьшеніи купола въ барабанѣ нельзя устраивать шестнадцать простѣнковъ, а приходится дѣлать ихъ двѣнадцать. Тогда оранта съ ангелами выдѣляется и переносится въ алтарь оранта—въ полукуполъ главной апсиды, отожествляясь съ обычно въ этомъ мѣстѣ Богородицею, ангелы—въ полукупола жертвенника и діаконика, отожествляясь съ архангелами Михайломъ и Гавріиломъ. Таково именно устройство росписей: полностью—въ кievской св. Софіи и въ Новомъ монастырѣ на Хіосѣ, сокращенно—въ нарѣикѣ никейской церкви Успенія, т. е. во всѣхъ трехъ достоверно датированныхъ росписяхъ XI вѣка.

Въ томъ же XI вѣкѣ, какъ показываютъ памятники, происходитъ дальнѣйшее измѣненіе системы росписи: шестикрылые серафимы, которые помѣщены были въ подкупольныхъ парусахъ еще въ отстроенной тещею Алексѣя I Комнина церкви монастыря Хоры, замѣняются четырьмя фигурами евангелистовъ; въ хіосскомъ храмѣ въ восьми парусахъ помѣщены и серафимы, и евангелисты; въ четырехъ парусахъ въ Никейѣ и въ Кіевѣ помѣщены одни евангелисты. При исключеніи евангелистовъ въ барабанѣ купола нужно или дополнить число апостоловъ до двѣнадцати, какъ это сдѣлано въ Кіевѣ, или уменьшить число простѣнковъ до восьми, какъ это сдѣлано въ Новгородской св. Софіи.

Уменьшеніе числа простѣнковъ необходимо, вслѣдствіе непрекращающагося уменьшенія поперечника купола. Но цифра восемь въ представленіи вѣрующихъ уже не будила воспоминанія объ апостолахъ. Въ восьми простѣнкахъ естественно было помѣстить шестнадцать пророковъ. И пророки дѣйствительно, появляются въ куполахъ: въ новгородской св. Софіи, роспись которой много разъ обновлялась, обнаружены фигуры пророковъ «стариннаго письма»—весьма возможно, что эти фигуры повторяютъ первоначальныя, написанныя въ началѣ XII вѣка ¹⁾; есть пророки въ соборѣ

¹⁾ По извѣстію такъ называемой Третьей новгородской лѣтописи, фигуры пророковъ—современны построенію храма въ серединѣ XI в. Но рассказъ о росписи лишь по недоразумѣнію попалъ подъ 1045 годъ: въ три лѣтописи единогласно свидѣтельствуютъ, что росписывалась новгородская Митрополія въ 1107—1144 годахъ. Во всякомъ случаѣ находимый въ Третьей лѣтописи подробный рассказъ не соврѣмененъ первоначальной росписи св. Софіи.

Луки, въ Дафни, и въ пѣломъ рядѣ датированныхъ росписей и слл. вѣковъ.

Въ храмѣ того архитектурнаго типа, къ которому принадлежъ соборъ св. Луки, куполь достаточно великъ, чтобы вмѣстить старинную купольную композицію. Но она, видимо, уже отна свой вѣкъ, и о ней не вспомнили. Въ XI вѣкѣ, однако, естественно бы сохранить хоть схему росписи двѣнадцатиконнаго абана—такъ и поступили мозаичисты въ хіосскомъ Новомъ монастырѣ, гдѣ куполь имѣетъ то же устройство, что и въ Стиридѣ. Если въ Стиридѣ мозаичисты отступили отъ традиціи, совершенно живой еще въ серединѣ XI вѣка, то лишь потому, что въ время традиція уже прекратилась, т. е. что они работали не самомъ началѣ XI, а въ началѣ XII вѣка, приблизительно тогда когда дѣлалась роспись Дафнійская.

Вѣдь и въ Дафни въ центрѣ главнаго купола помѣщенъ бюстъ императора, только мы не знаемъ, вслѣдствіе разрушенія значительной части купольной мозаики, какими фигурами центральный купольный былъ окруженъ; и тамъ между окнами купола помѣщены двѣнадцать фигуръ пророковъ во весь ростъ; и тамъ въ нишахъ — въ нишахъ мы видимъ Благовѣщеніе, Рождество, Крещеніе (вмѣсто Крещенія) и Преображеніе; и тамъ въ алтарѣ надъ престоломъ—мѣстие св. Духа (сохранилась только центральная часть, изображающая Престоль уготованный); и тамъ въ полукуполѣ алтаря апсиды—Богородица съ Младенцемъ, сидя. Въ Дафни Поклоны волхвовъ, Срѣтеніе, Воскрешеніе Лазаря, въѣздъ въ Іерусалимъ, Распятіе, Сошествіе во адъ, Невѣріе Ѳомы, а сверхъ того Рождество Богородицы, помѣщены въ сѣверномъ и южномъ концахъ креста, образуемаго въ планѣ коробовыми сводами, примыкающими къ четыремъ изъ восьми подкупольныхъ арокъ; на западной стѣнѣ каооликона, надъ выходомъ въ нарѣкъ (надъ царскими дверями), мы видимъ Успеніе Богородицы, а въ нарѣкѣ Тайную вечерю, Омовеніе ногъ, Предательство Іуды и нѣкоторыя сцены изъ жизни Богородицы: Молитву Іоакима и Анны, Благословеніе іереями, Вознесеніе во храмъ и нѣсколько другихъ, которыя, за разрушеніемъ мозаики ближе опредѣлены быть не могутъ.

Системы росписи въ обоихъ храмахъ, въ Дафни и въ монастырѣ св. Луки, настолько тожестественны, что предполагать между обѣими росписями чуть не столѣтній промежутокъ времени можно только при одномъ условіи: не признавать развитія самой идеологии, обуславливающей росписи византійскихъ храмовъ. Едва ли найдется византинистъ, способный на такое непризнаніе.

Особо отмѣтить должно, что и въ соборѣ св. Луки, и въ Дафни мозаичистъ отказался отъ помѣщенія въ алтарныхъ апсидахъ Нерушимой Стѣны (оранты) и ангеловъ. Нельзя объяснять этотъ отказъ тѣмъ, что въѣдъ и оранта, и ангелы въ соборѣ св. Луки уже имѣются въ главномъ куполѣ, и что ихъ повторять не было нужды. Уже въ IX вѣкѣ, въ «Новой» царя Василия I, оранта появилась въ полукуполѣ главной апсиды. Она на этомъ мѣстѣ такъ упрочилась, что этотъ образъ сталъ необходимымъ именно въ этомъ мѣстѣ. Въ нарѣикѣ никейскаго храма Успенія мозаичистъ начала XI в. счелъ нужнымъ воспроизвести именно на восточной стѣнѣ (въ lunettes надъ дверью) оранту, потому что въ главной апсидѣ хотя и было болѣе древнее изображеніе Богородицы, но въ иномъ типѣ. Оранту мы видимъ и въ Кіевѣ, и на Хіосѣ и еще въ серединѣ XII вѣка въ Чефалу (фотографія Alinari 19880). Только въ XII вѣкѣ окончательно утратилось представленіе о томъ, почему первоначально появилась въ апсидѣ оранта, и стало возможнымъ вернуться временно къ старымъ иконографическимъ типамъ (Дафни, Палатинская капелла, Монреале), пока въ концѣ XII вѣка не выработалась новая редакція оранты — Знаменіе, которая опредѣленно выражала старую литургическую символику Непорочнаго зачатія, рассматриваемаго какъ прораобразъ евхаристическаго чуда.

Былъ выдвинутъ еще и слѣдующій аргументъ для доказательства ранняго происхожденія росписи собора св. Луки: малочисленность повѣствовательныхъ мозаикъ и преобладаніе въ росписи отдѣльныхъ фигуръ святыхъ. Аргументъ этотъ, несомнѣнно, имѣлъ бы большое значеніе при условіи, что можно было бы доказать, что дѣйствительно втеченіе XI вѣка происходитъ количественное наравненіе повѣствовательнаго элемента въ церковныхъ росписяхъ. Но этого-то доказать нельзя. Изъ начала XI вѣка въ никейскомъ храмѣ Успенія въ нарѣикѣ сохранились только жалкіе фрагменты

писи: о томъ, что было изображено въ теперь облаженныхъ прочихъ
здахъ, мы ничего не знаемъ. Въ кievской св. Софiи сохранилась мо-
щная роспись только подкупольной и алтарной частей; если пред-
лагать, что первоначально вся церковь была украшена мозаиками
мы о первоначальной росписи бoльшей части храма ничего не
знаемъ, а если считать фресковую роспись продуктомъ еще XI вѣка,
она своимъ разнообразiемъ сюжетовъ опровергаетъ утверждение,
что въ церковныхъ росписахъ XI в. преобладали отдѣльныя фи-
ры святыхъ. Въ хiосскомъ Новомъ монастырѣ, вслѣдствiе иного
устройства зданiя, въ кафоликонѣ можно было помѣстить не четыре,
а въ св. Лукѣ, а восемь повѣствовательныхъ мозаикъ; и въ нар-
текѣ, одноэтажномъ, а потому болѣе высокомъ и удобномъ, по-
мѣстился нѣсколько болѣе подробный циклъ повѣствовательныхъ
мозаикъ. Едва ли эти факты можно считать доказательствами для
риса Дили. Есть и такой фактъ, который опровергаетъ этотъ
мисъ: система росписи палермитанской Мартораны. Въ кафоликонѣ
Мартораны, въ срединѣ XII в., были изображены тоже только
четыре сюжета: Благовѣщенiе, Рождество, Срѣщенiе, Успенiе Бого-
матери; если были другiя повѣствовательныя мозаики, онѣ могли
быть только въ нартекѣ, значить—въ томъ же, приблизительно,
количествѣ какъ въ соборѣ препод. Луки.

Всѣ эти разсужденiя подготовили уже почву для детальнаго
иконографическаго разбора отдѣльныхъ композицiй, украшающихъ
стѣны фокидскаго собора преподобнаго Луки.

Мозаика Благовѣщенiя не сохранилась. Съ точки зрѣнiя иконо-
графической съ этою потерей легко мириться, ибо Благовѣщенiе
уже очень рано кристаллизовалось въ опредѣленныхъ и неизмѣн-
ныхъ формахъ, такъ что на иконографическихъ примѣтахъ именно
этой композицiи основывать хронологическiй выводъ едва-ли можно
(см. примѣч. 1).

Мозаика Рождества Христова характеризуется большою слож-
ностью и нагроможденiемъ подробностей 2); сцена Рождества соеди-
нена со сценою Поклоненiя волхвовъ. Такое соединенiе только еще

1) R. W. Schultz and S. H. Barnsley, l. c., p. 62, pl. XXXIX.

2) Ch. Diehl, L'église etc., p. 65—66; R. W. Schultz and S. H. Barnsley, l. c.,
fig. 42, pl. XLVIII 1; фототипiя G. Millet в 275, 276.

намѣчено въ миниатюрѣ греческаго парижскаго евангелія № 74, л. 4 ¹⁾, тогда какъ на второй миниатюрѣ Рождества той же рукописи, л. 108 ²⁾, волхвовъ вовсе нѣтъ. Иконографическими изслѣдованіями Н. Кехрера ³⁾ установлено, что только въ XI вѣкѣ начинается происходить тотъ процессъ, который привелъ къ соединенію въ одну картину разныхъ элементовъ, такъ или иначе связанныхъ съ Рождествомъ. Единственный памятникъ XI еще вѣка, который Ш. Диль приводитъ въ качествѣ аналогіи къ описываемой мозаикѣ собора св. Луки, миниатюра парижскаго евангелія № 75, л. 1, по всему вѣроятію вовсе къ XI вѣку отнесенъ быть не можетъ, а принадлежитъ XII вѣку ⁴⁾, равно какъ флорентинская мозаика ⁵⁾, берлинскій «барбериновскій» рельефъ ⁶⁾ и пр. Замѣтимъ еще, что въ монументальномъ искусствѣ ни въ Дафни ⁷⁾, ни въ Марторанѣ ⁸⁾, ни въ Монреалѣ ⁹⁾, ни даже въ Кахріэ-джами ¹⁰⁾ волхвовъ въ мозаикахъ Рождества нѣтъ, и что мозаика Палатинской капеллы ¹¹⁾, фреска кievскаго Кирилловскаго монастыря ¹²⁾ и др., гдѣ они есть, представляютъ рѣдкое даже еще и въ XII в. исключеніе. При такихъ условіяхъ отнести мозаику Рождества въ монастырѣ св. Луки «къ самому началу XI вѣка» едва ли возможно.

1) Bibliothèque Nationale, Département des manuscrits: Évangiles avec peintures byzantines du XI siècle, reproduction des 361 miniatures du manuscrit grec 74 de la Bibliothèque Nationale (p. p. H. Oumont). Paris, s. a., pl. 6.

2) [H. Oumont], l. c., pl. 96.

3) H. Kehrер, Die Heiligen Drei Könige in Literatur und Kunst, II. Leipzig, 1909, p. 85—89.

4) Описана у H. Bordier, Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1883, p. 136—137; воспроизведена у H. Kehrер, l. c., p. 88, fig. 77.

5) Н. П. Лихачевъ, Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія, I. СПб., 1906, табл. 4; cf. H. Kehrер, l. c., p. 85, fig. 72: «aus dem Ende des XI Jahrhunderts».

6) K. Museen zu Berlin, Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epochen. III: Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, bearb. v. O. Wulff, II. Berlin, 1911, № 1853, p. 62, pl. IV.

7) Фотографія Alinari 24696.

8) Фотографія Alinari 19866.

9) D. B. Gravina, Il duomo di Monreale. Palermo, 1859, pl. XVII B.

10) О. Шмитъ, Кахріэ-джами, I. Изв. Р. Археол. Инст. въ К-поль, XI, 1906, стр. 180, табл. XXXIII.

11) Фотографія Alinari 33117; Incorpora 122.

12) А. В. Праховъ, Кіевскіе памятники византийско-русскаго искусства. Древности, Труды И. М. А. о., XI 3, 1886, стр. 15.

О мозаикѣ Срѣтенія трудно, на основаніи иконографическихъ
дѣлъ, дать хронологическій отзывъ, потому что эта композиція,
точно какъ и Благовѣщеніе, менѣе остальныхъ и медленнѣе остальныхъ
видоизмѣнялась съ теченіемъ времени. Повидимому, мозаики
въ Стиридѣ и на Хіосѣ ¹⁾ существенно не различаются.

Мозаика Крещенія ²⁾ характеризуется слѣдующими иконогра-
фическими подробностями: въ водѣ Іордана стоитъ столбъ, на ко-
торомъ водруженъ крестъ, на берегу изображено дерево, къ корню
котораго приставлена сѣкира, ангеловъ на берегу два. Въ своей
работѣ объ иконографіи Крещенія І. Стржиговскій выставилъ по-
ложеніе, что крестъ въ водѣ Іордана долженъ почитаться вѣрнымъ
знакомъ принадлежности даннаго памятника къ XI вѣку ³⁾ и въ
цѣль доказательства цитируетъ изображенія интересующей насъ
темы на рельефѣ бронзовыхъ дверей римскаго San Paolo fuori le mura,
XV вѣка, константинопольской работы ⁴⁾, на эмали венеціанской
работы, которую Лабартъ относитъ къ 1105 году ⁵⁾, и, наконецъ, на
дверяхъ Суздальскаго собора, которыя Н. П. Кондаковъ
относитъ ко времени «не ранѣе второй половины XII вѣка» ⁶⁾. Не
исключены въ этомъ списокѣ ни мозаика Палатинской капеллы ⁷⁾,
созданная серединою XII в., ни фреска Спасо-Нередицкой церкви,
конца XII вѣка ⁸⁾; на мозаикѣ въ Монреале ⁹⁾, второй по-
ловины XII вѣка, креста въ водѣ Іордана, повидимому, нѣтъ. Но
есть на миниатюрѣ сирійскаго евангелія 355 парижской На-
циональной библіотеки, самаго конца XII или начала XIII вѣка ¹⁰⁾.

¹⁾ J. Strzygowski, Nea Moni auf Chios. Byz. Ztschr., V, 1896, p. 149.

²⁾ Ch. Diehl, L'église etc., p. 67—69; R. W. Schultz and S. H. Barnsley, l. c.,
fig. 43; фотографія G. Millet В 279, 280; р. я не знаю ни удовлетворительнаго
опредѣленія, ни научнаго описанія этой мозаики.

³⁾ J. Strzygowski, Iconographie der Taufe Christi. München, 1885, p. 21.

⁴⁾ Seroux d'Agincourt, Histoire de l'art par les monuments, IV. Paris, 1823,
écriture, pl. XIII—XIV.

⁵⁾ J. Labarte, Histoire des arts industriels au Moyen-âge et à l'époque de la Renais-
sance, III. Paris, 1865, p. 397—419; Album, II, 1864, pl. CIV; фотографія Naya 3482.

⁶⁾ Н. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства,
СПБ., 1899, стр. 70 и рис. 101 на стр. 66.

⁷⁾ Фотографія Alinari 33119.

⁸⁾ Н. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, VI, стр. 141, рис. 175.

⁹⁾ D. B. Gravina, l. c., pl. XVII C.

¹⁰⁾ H. Omont, Peintures d'un évangélaire syriaque du XII ou XIII siècle. Mon.
XIX, 1911, pl. XVI.

Хронологическіе предѣлы этого иконографическаго явленія опредѣляются, такимъ образомъ, не совсѣмъ такъ, какъ себѣ это представлялъ Ш. Диль: крестъ въ водѣ Іордана появляется въ концѣ XI вѣка и встрѣчается въ памятникахъ всего XII вѣка, хоть и не обязательно.

Вторая особенность нашей мозаики—сѣкира у корня дерева—обычно встрѣчается въ памятникахъ не XI-го, а XII вѣка и позднѣе: напимѣръ, на фрескѣ 1156 года въ исковскомъ Спасомирожскомъ монастырѣ ¹⁾, на только-что названной мозаикѣ въ Монреале, на мозаикѣ венеціанской крещальни ²⁾, на латрской фрескѣ середины XIII вѣка ³⁾ и во множествѣ миниатюръ и рельефовъ слововой кости XII и слѣдующихъ вѣковъ ⁴⁾. Очень немногочисленны памятники, болѣе или мѣнѣе достовѣрно относящіеся къ XI вѣку, гдѣ бы фигурировало дерево съ сѣкирою у корня. Что касается, наковнець, двойственнаго числа ангеловъ, присутствующихъ при Крещеніи, то І. Стржиговскій считалъ и его исключительною особенностью искусства XI вѣка; но ангеловъ всего два и въ Палатинской капеллѣ, и въ Монреале, и даже еще въ XIII вѣкѣ во флорентинской крещальнѣ ⁵⁾.

Переходимъ къ мозаикамъ нарвика.

Омовеніе ногъ ⁶⁾ скомпановано не по обычному типу, въ которомъ всѣ апостолы представлены сидящими на длинной скамьѣ, и фигура Христа помѣщена въ правомъ или лѣвомъ концѣ рядъ апостоловъ, а по иному: Христосъ и апостолъ Петръ помѣщены въ серединѣ картины, остальные апостолы группируются справа и слѣва отъ двухъ центральныхъ фигуръ. Такое построеніе встрѣчается и въ очень старыхъ памятникахъ — напимѣръ, въ кембриджской

¹⁾ И. Толстой и Н. Кондаковъ, ук. с., VI, стр. 180, рис. 220.

²⁾ G. Clausse, *Basiliques et mosaïques chrétiennes, Italie—Sicile*, II. Paris, 1893, p. 183; фотографія Alinari 13766.

³⁾ Th. Wiegand, *Milet, Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899*, Bd. III 1. Berlin, 1913, pl. VIII 2 (O. Wulff).

⁴⁾ Н. В. Покровский, *Евангелие*, стр. 169 и 180.

⁵⁾ Фотографія Alinari 17239.

⁶⁾ Ch. Diehl, l. c., p. 49; R. W. Schultz and S. H. Barnsley, l. c., pl. XXXVIII 1; G. Schlumberger, *L'Épopée byzantine à la fin du X siècle*, I. Paris, 1896, p. 121; O. M. Dalton, *Byzantine art and archaeology*. Oxford, 1911, p. 392, fig. 229; фотографія G. Millet В 265—267.

иатюрѣ ¹⁾, но нужно отмѣтить, что оно свойственно и дафній-
ей ²⁾, и монреальской ³⁾ мозаикамъ. Къ опредѣленнымъ хроноло-
гическимъ выводамъ иконографическій анализъ стиридской мозаики
да-ли можетъ привести, вслѣдствіе сравнительной рѣдкости типа ⁴⁾.

Распятіе въ соборѣ преподобнаго Луки ⁵⁾ представлено опять
же, какъ въ Дафни ⁶⁾, т. е. съ двумя предстоящими (Бого-
ицею и Иоанномъ). По собственному отзыву Ш. Дилля, эта мо-
заика «paraît plutôt appartenir au milieu du onzième siècle». Иконо-
графически—едва-ли. Изъ середины XI вѣка мы вѣдь имѣемъ да-
нованное монументальное Распятіе въ хіосскомъ Новомъ мона-
хѣ: тамъ, какъ показываетъ фотографія І. Стржиговскаго ⁷⁾
и оригиналѣ, въ настоящее время, голова Спасителя уже не
существуетъ), глаза Христа еще открыты, тогда какъ въ Дафни,
Сридѣ и прочихъ позднѣйшихъ памятникахъ глаза неизмѣнно
закрыты. Далѣе, тѣло Христа въ соборѣ преп. Луки сильно изо-
гнуто, опять гораздо сильнѣе, чѣмъ въ памятникахъ XI вѣка..
Въ стиридской мозаикѣ G. Millet отмѣтилъ черту, которая, по его
мнѣнію, говоритъ въ пользу ранняго происхожденія мозаики: въ
ней еще есть диски солнца и луны, и еще вѣтъ ангеловъ ⁸⁾. Но
и солнца и луны встрѣчаются и въ XII, и въ слѣдующихъ
вѣкахъ ⁹⁾, и ангелы не обязательны: въ одной изъ латрскихъ пе-
чекъ мы находимъ, въ первой половинѣ XII в., фреску Распятія,
иконографически тождественную съ стиридскою мозаикою ¹⁰⁾, съ
двумя предстоящими, безъ ангеловъ, съ дисками солнца и луны.

¹⁾ R. Garrucci, Storia dell' arte cristiana, III, pl. 141, 2.

²⁾ G. Millet, Le monastère de Daphni. Paris, 1899, pl. XV 2.

³⁾ Фотографія Alinari 33281.

⁴⁾ Ср. иконографическіе перечни у Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятни-
кахъ иконографія, стр. 296—298; A. Haseloff, Codex purpureus Rossanensis. Berlin—
Leipzig, 1898, p. 100—102; E. Dobbert, Zur byzantinischen Frage. Jahrb. d. k. Preuss.
Museum, XV, 1894, p. 151.

⁵⁾ Ch Diehl, l. c., p. 46—48; R. W. Schultz and S. H. Barnsley, l. c., p. 45,
pl. XXXV; фотографія G. Millet B 263.

⁶⁾ Фотографія Alinari 24686; G. Millet, Le monastère de Daphni pl. XVI.

⁷⁾ J. Strzygowski, Nea Moni auf Chios, Taf III 1; ср. Изв. Русск. Археол.
Общества въ Константинополѣ, XVII, 1914, табл. LII.

⁸⁾ G. Millet, l. c., p. 151, n. 2.

⁹⁾ O. M. Dalton, l. c., p. 659.

¹⁰⁾ Th. Wiegand, l. c., pl. VII 1; комментирована таблица О. Θ. Вульфомъ,
1917—219, который и опредѣляетъ фреску хронологически первой половиною XII вѣка.

Сшествіе во адъ ¹⁾ въ соборѣ св. Луки представлено въ той редакціи, по которой Христосъ схватилъ Адама за руку и влечетъ его за собою, т. е. въ той именно, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ почти позднѣйшихъ росписяхъ—въ Торчелло ²⁾, въ венеціанскомъ соборѣ св. Марка ³⁾ и др. Но не въ этомъ характерная особенность стиридской мозаики, а въ чрезвычайной несложности композиціи. Она замѣчательно похожа (даже въ второстепенныхъ подробностяхъ, каковы форма креста въ рукахъ Христа и пр.) на фреску 1156 года въ Спасомирожскомъ монастырѣ ⁴⁾.

Наконецъ, Невѣріе Θомы въ средневѣковомъ искусствѣ далеко не такой рѣдкій сюжетъ, какъ полагаетъ Ш. Диль. Оно представлено на рельефахъ саркофаговъ въ Равеннѣ ⁵⁾ и Миланѣ ⁶⁾, на рельефахъ слоновой кости въ Миланѣ же ⁷⁾ и въ Британскомъ музеѣ ⁸⁾. На двухъ ампуллахъ, изъ которыхъ одна хранится въ сокровищницѣ собора въ Монцѣ ⁹⁾, а другая въ Британскомъ музеѣ ¹⁰⁾, и на одной изъ мозаикъ равеннского св. Аполлинарія Новаго ¹¹⁾ сюжетъ представленъ уже со всѣми тѣми подробностями, которыя характеризуютъ его въ послѣдствіи: Спаситель по срединѣ на фонѣ закрытыхъ дверей, а по обѣ стороны симметричныя группы апостоловъ. Эволюционируетъ композиція медленно, если вообще эволюционируетъ уже въ древнѣйшее время: правая рука Христа то поднята, какъ

¹⁾ Ch. Diehl, l. c., p. 41—43; R. W. Schultz and S. H. Barnsley, l. c., p. 47—48, fig. 39; Ch. Diehl, Les mosaïques, p. 232—236, pl. XXIV; фотографія G. Millet В 256.

²⁾ Н. В. Покровский, Страшный судъ въ памятникахъ византийскаго и русскаго искусства. Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ, III. Одесса, 1887, табл. II. Н. П. Лихачевъ, Матеріалы, I, табл. V—VI.

³⁾ Фотографія Naya 3619.

⁴⁾ И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, стр. 182, рис. 224.

⁵⁾ Santi Muratori, La più antica rappresentazione della Incredulità di San Tommaso. N. Bull. di arch. cr., XVII, 1911, p. 40—58.

⁶⁾ R. Garrucci, Storia, V, pl. 315, 5.

⁷⁾ R. Garrucci, Storia, VI, pl. 450, 2; J. Labarte, l. c., Album, I, pl. XII. A. Venturi, Storia dell'arte italiana, I. Milano, 1901, p. 426, fig. 390.

⁸⁾ R. Garrucci, Storia, VI, pl. 446, 4; O. M. Dalton, Catalogue of the early christian antiquities and objects from the christian East in the British Museum. London, 1901, pl. VI d.

⁹⁾ R. Garrucci, Storia, VI, pl. 434, 6.

¹⁰⁾ O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology, p. 627, fig. 399.

¹¹⁾ C. Ricci, Ravenna. Bergamo, 1906, p. 81, fig. 82.

монастырь св. Луки¹⁾, то опущена, какъ въ Равеннѣ и въ
они²⁾; и я не думаю, чтобы сходство стиридской мозаики съ
истинною извѣстною Ш. Дилу монументальною аналогіею, мо-
ною въ Монреале³⁾, давало возможность хронологическаго опре-
енія ея. Желая доказать древность фокидской мозаики и при-
ежность ея еще искусству XI в., Ш. Диль долженъ былъ
ывать не на сходство этихъ двухъ мозаикъ, а подчеркнуть,
отивъ, ихъ различіе: въ мозаикѣ собора св. Луки, нѣтъ еще
характернаго для иконографіи Невѣрія *Θομῆ* въ XII вѣкѣ
итектурнаго фона, который мы видимъ и въ Дафни, и въ Спасо-
ожскомъ монастырѣ⁴⁾, и въ вилеямской базиликѣ Рождества
стова⁵⁾, и въ Монреале. Въ Соместіи во адѣ нѣтъ еще фи-
и Іоанна Крестителя, а въ Невѣріи *Θομῆ* нѣтъ архитектурнаго
и—вотъ единственныя двѣ черты въ иконографіи собора св. Луки,
ерия Ш. Диль могъ бы и долженъ былъ бы подчеркнуть, для
зательства своего тезиса о раннемъ происхожденіи мозаикъ
Луки. Конечно, это доказательство было бы слабо: ибо консер-
му, проявленному въ двухъ мозаикахъ, можно было бы противо-
вить новаторство въ остальныхъ, главнымъ образомъ въ Крещеніи.
Въ византійской иконографіи мы можемъ очень часто хроно-
ически опредѣлить появленіе новыхъ формъ, но почти никогда
ожемъ утверждать, что послѣ такого-то года такое-то явленіе
невозможно. Мы видѣли: въ концѣ IX в. была создана такая
церковной росписи, которая упразднила старое «Вознесеніе»
куполѣ, но еще въ XII вѣкѣ «Вознесеніе» пишется въ купо-
въ цѣломъ рядѣ храмовъ! Разсматривая иконографію Благо-
двія Богородицы, мы констатируемъ, что до шестого вѣка ангель
ищется направо, всегда безъ исключенія, а въ шестомъ вѣкѣ
и ангель мѣняются мѣстами,—но это не значитъ, что

¹⁾ *Ch. Diehl, L'église et les mosaïques*, p. 40—41; *R. W. Schultz and S. H. Sney*, l. c., p. 49, pl. XXXVIII; фотографія *G. Millet* B 254.

²⁾ Фотографія *Alinari* 24688.

³⁾ *D. B. Gravina, Il Duomo di Monreale*. Palermo, 1859, pl. XX A; фотографія *Alinari* 33287.

⁴⁾ *И. Толстой и Н. Кондаковъ*, ук. соч., VI, стр. 183, рис. 225.

⁵⁾ *The church of the Nativity at Bethlehem* by *W. Harvey* and others, ed. by *R. W. Schultz*. London, 1910, pl. XI.

послѣ шестого вѣка уже невозможны исключенія, гдѣ бы было сохранено старое расположеніе фигуръ¹⁾.

Итакъ, если пожелать стать на твердую почву иконографическихъ фактовъ, единственную, на которую я, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время могу стать, то оказывается, что отнесеніе мозаикъ монастыря св. Луки «къ самому началу XI вѣка» не только ни на чемъ не основано, но противорѣчитъ и всему тому, что мы знаемъ о развитіи византійскихъ церковныхъ росписей въ цѣломъ, и тому, что позволяетъ установить иконографическій анализъ отдѣльныхъ композицій. Роспись собора св. Луки только и можетъ быть отнесена къ самому концу XI вѣка или, гораздо еще правдоподобнѣе, къ первой половинѣ XII вѣка. Ближайшимъ образомъ мѣсто, занимаемое этой росписью въ рядѣ памятниковъ византійскаго монументальнаго церковнаго искусства, можетъ быть опредѣлено только путемъ стилистическаго анализа и сравненія съ прочими памятниками приблизительно того же времени. Этотъ анализъ пока не можетъ быть произведенъ съ надеждою на успѣхъ, потому что мы не имѣемъ даже подробнаго и научнаго описанія мозаикъ, не то что изданія ихъ.

Не пора ли позаботиться о томъ, чтобы дать историкамъ византійскаго искусства въ руки описаніе, изданіе и изслѣдованіе мозаичной росписи собора преподобнаго Луки? Мессинскія мозаики такъ и погибли во время послѣдняго землетрясенія, не дождавшись даже фотографа. Въ Греціи землетрясенія тоже бываютъ; старій соборъ св. Луки очень и старъ, и ветхъ. Позорно будетъ, если мы и тутъ будемъ медлить, пока не погибнетъ драгоцѣннѣйшій историческій документъ.

Теодоръ Шмитъ.

¹⁾ *Θ. И. Шмитъ*, Благовѣщеніе. Извѣстія Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ, XV, 1911, стр. 41 и 56.

ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ

Псевдо — Ксенофонта.

(Введение и переводъ).

Какъ извѣстно, относительно Аѳинской Политіи, помѣщающейся въ сочиненіи Ксенофонта, былъ высказанъ въ ученой литературѣ нѣкій рядъ мнѣній. Всѣ изслѣдователи теперь признаютъ, что она не могла принадлежать Ксенофонтѣ, и что текстъ ея сохранился таковъ, но въ дальнѣйшихъ выводахъ ихъ взгляды рѣзко расходятся¹⁾. Одни считаютъ, что текстъ, какъ мы его имѣемъ, представляетъ собою цѣлое, хотя и испорченное. Противорѣчія въ немъ можно считать тѣмъ, что «авторъ соединяетъ безпристрастіе историка и приверженность къ программѣ своей партіи» (Roscher). Другіе считаютъ въ трактатѣ неумѣло сопоставленные экскериты изъ произведеній, написаннаго первоначально въ діалогической формѣ, гдѣ бывающими лицами выступали защитникъ и противникъ демократіи (Cobet, Wachsmuth). Кирхгофъ видѣлъ объясненіе противорѣчій, встрѣчаемыхъ у автора, въ томъ, что рукопись рано (еще въ александрійскихъ ученыхъ) была въ очень плохомъ состояніи, главы были разорваны и перепутаны²⁾, почему и необходимо, исходя изъ внутренней связи, переставить параграфы въ другомъ порядкѣ. Schöll, изложивъ содержаніе сочиненія, приходитъ къ заключенію, что die Schrift hat eben keine praktische Tendenz, sondern ist wissenschaftliche; авторъ его стоитъ на точкѣ зрѣнія демокра-

¹⁾ Я отмѣчаю здѣсь только главнѣйшія мнѣнія въ ихъ общихъ чертахъ, съ которыми, русскій читатель можетъ по введенію къ изслѣдованію Шварца [Ξενοφώντος] Ἀθηναίων Πολιτεία Москва, 1891. Тамъ же читатель найдетъ подробныя указанія на заглавія сочиненій приводимыхъ авторовъ.

²⁾ Это, какъ увидимъ ниже, можно предположить только относительно самаго нашего трактата, въ другихъ же мѣстахъ нѣтъ надобности въ такомъ предположеніи.

ти, хотя и не сочувствует ей. При этомъ Schöll, подчеркивая научный характеръ трактата, выражается очень опредѣленно: *Der Verfasser will nicht Stimmung machen, nicht reformiren, nicht einmal tadeln oder loben* (!?) А. Н. Шварцъ считаетъ возможнымъ выдѣлить въ трактатѣ двѣ части: одну основную, принадлежащую умѣренному олигарху, а другую, которая состоитъ изъ замѣчаній, приписанныхъ къ первой въ болѣе позднее время въ видѣ возраженій однимъ изъ крайнихъ олигарховъ. Этимъ и объясняются, по его мнѣнію, всѣ противорѣчія, кромѣ того конецъ сочиненія сохранился вообще плохо.

Мы прежде всего остановимся на томъ, на сколько многочисленны противорѣчія въ трактатѣ, и дѣйствительно ли ихъ можно объяснить только или принимая авторство двухъ лицъ, или передѣлку изъ діалога, или такую порчу текста, которая для исправленія требовала бы перестановки отдѣльных мѣстъ всего сочиненія.

Прослѣдимъ общую мысль всего сочиненія, посмотримъ, какія цѣли ставитъ себѣ авторъ, и какъ онъ выполнилъ свою задачу.

Цѣль своего труда авторъ объясняетъ въ самомъ началѣ, гдѣ онъ указываетъ и свое отношеніе къ предмету работы. „Аѳинское государственное устройство я не хвалю, т. к. при немъ *οἱ πολλοὶ* играютъ видную роль, а *οἱ ἄριστοι* не имѣютъ никакого значенія. Но самимъ аѳинянамъ оно кажется хорошимъ, и я укажу, какъ цѣлесообразно они поддерживаютъ его, и какъ хорошо они справляются со всѣмъ прочимъ, въ чемъ по мнѣнію другихъ эллиновъ поступаютъ ошибочно (*ἀμαρτάνουσι*).—Итакъ, все сочиненіе должно дѣлиться на двѣ части.

Какъ же авторъ развиваетъ свою тему?

Аѳиняне желаютъ поддержать свой демократическій строй, поэтому вполне справедливо, что они предпочитаютъ бѣдныхъ и народъ (*οἱ πένητες καὶ ὁ δῆμος*) знатнымъ и богатымъ (*οἱ γέννηται καὶ οἱ πλοῦστοι*), такъ какъ народъ, служа во флотѣ, придаетъ могущество государству (I § 2), а разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то естественно, что право активнаго участія въ государственномъ управленіи предоставлено всѣмъ. Но народъ не стремится безъ разбора ко всѣмъ должностямъ, онъ старается занимать только выгодно

начиваемыя должности; тѣ же, гдѣ большую пользу ¹⁾ могутъ принести *χρηστοὶ καὶ δυνατοτάτοι*, онъ предоставляетъ послѣднимъ.

А. Н. Шварцъ начало и конецъ § 3 приписываетъ крайнему олигарху. Между тѣмъ, мнѣ кажется, весь этотъ § могъ написать и не человѣкъ, враждебно относящійся къ демократіи, но признающій, что она дѣйствуетъ цѣлесообразно ²⁾.

Къ этому же ряду мыслей можно присоединить дальнѣйшее (II 3 s. f.) указаніе, что народу выгодно, если богачи становятся нянями, и съ этой цѣлью онъ налагаетъ на нихъ хорегіи и цѣря литургіи.

Все это могъ написать врагъ *τῶν πονηρῶν*, къ какой бы фракціи олигарховъ онъ ни принадлежалъ.

Равнымъ образомъ, по моему мнѣнію, и послѣдующіе §§ I. 4—9 касаются возможности опредѣлить, что принадлежитъ крайнему, а разумѣнному олигарху. Всѣ они представляютъ развитіе темы, заключающейся вездѣ (*πανταχοῦ*) дають преимущество *τοῖς πονηροῖς καὶ κακοῖς καὶ ἀφροσύνησι*, а не *τοῖς χρηστοῖς*, руководствуясь тѣмъ, что политика всегда должна поддерживать себѣ подобныхъ ³⁾.

Наиболѣе рѣзки §§ I, 8—9, гдѣ авторъ выражается очень резко; онъ прямо говоритъ, что хорошіе законы (*εὐνομίαι*) обозначаютъ рабство для народа. А. Н. Шварцъ видитъ здѣсь иронію по отношению олигарховъ (А. Н. Шварцъ стр. 23) и что отъ «олигархіи» онъ, во всякомъ случаѣ, не ожидаетъ большихъ благъ для города (Id. 163); мнѣ кажется, что ироніи здѣсь нѣтъ: для города, конечно, онъ не ожидаетъ благъ, но ожидаетъ ихъ для своей партіи. Скорѣе, кажется, такое рѣзкое формулированіе должно служить или выраженіемъ безпредѣльной ненависти, а ненависть къ демократіи вовсе не составляла особенность только крайнихъ олигарховъ ⁴⁾, или (если допустить, что памфлетъ долженъ быть распространенъ въ широкихъ кругахъ и что онъ имѣлъ уже обработанный видъ) провоцированіемъ олигархическихъ плановъ. Это мѣсто

¹⁾ П съ которыми, можно прибавить, связана большая отвѣтственность, какъ стратегіей и гиппархіей.

²⁾ Ср. переводъ этого §.

³⁾ Это утвержденіе авторъ повторяетъ далѣе въ II, 19 и III, 10.

⁴⁾ См. примѣры и литературу, приведенную Цельманомъ въ началѣ XI главы «Истории греческой исторіи».

можетъ навести даже на мысль, что здѣсь, пожалуй, мы имѣемъ вставку, но не крайняго олигарха, а его злѣйшаго врага, поставившаго цѣлью скомпрометировать олигархію и, доведя до крайности олигархическія посылки, формулировать мысль такъ, чтобы возбудить народъ противъ олигарховъ. Хотя мы знаемъ, что въ дѣйствительности олигархи не останавливались передъ самыми рѣшительными дѣйствіями противъ демоса, все же трудно повѣрить, чтобы они такъ откровенно могли изложить свои (пусть дѣйствительныя) мысли въ письменномъ документѣ. Одной только неотдѣланностью трактата и можно объяснить признаніе о желаніи поработить народъ¹⁾. Или, можетъ быть, здѣсь сказалось партійное увлеченіе, которое часто доводитъ до рѣзкихъ выраженій?

До сихъ поръ рѣчь шла о положеніи свободнаго населенія, теперь авторъ переходитъ къ характеристикѣ положенія рабовъ и метѣковъ.—Раба въ Аѳинахъ не отличить отъ свободнаго: оба ходятъ въ одинаковой одеждѣ, раба въ Аѳинахъ нельзя побить. Такое потворство рабочимъ очень понятно, оно коренится въ самыхъ условіяхъ развитія аѳинскаго могущества, основаннаго на денежно-торговомъ хозяйствѣ, при которомъ рабы платятъ своимъ господамъ оброкъ, и чѣмъ богаче рабъ, тѣмъ выгоднѣе для господина (I, 11). Поэтому рабъ не долженъ никого бояться, такъ какъ изъ-за страха онъ можетъ отдать все свое имущество и перестать быть доходной статьей. Эти же условія заставили дать равноправіе и метѣкамъ (I, 12). Равноправіе обоихъ этихъ классовъ ограничено лишь въ одномъ: они не могутъ заниматься музыкой и гимнастикой...

Здѣсь ходъ мыслей, какъ правильно указалъ А. Н. Шварцъ, прерывается: авторъ вдругъ начинаетъ говорить о томъ, что богачи активно участвуютъ въ литургіяхъ, а бѣдняки—пассивно, а затѣмъ переходитъ къ описанію положенія союзниковъ. Все это мѣсто (I, 18), въ общемъ контекстѣ, производитъ впечатлѣніе вставки, несвязанной съ предыдущимъ и послѣдующимъ. И Фальтинъ, и Кирхгофъ замѣтили его неумѣстность и считаютъ его какъ бы собраніемъ отдѣльныхъ фрагментовъ, переписанныхъ а *diligenti librario ex exemplari multifariam pessumdato*. А. Н. Шварцъ видитъ въ этомъ

¹⁾ Калинка объясняетъ употребленіе такихъ рѣзкихъ выраженій тѣмъ, что трактатъ не предназначался для обнародованія, см. ниже.

тѣ вставку яраго противника демократіи. Всѣ комментаторы являются, какъ авторъ могъ не замѣтить, что обѣднѣніе богачей влекло вредъ для государства ¹⁾. Между тѣмъ, здѣсь авторъ, можетъ быть, отмѣтилъ ту же черту афинянъ, на которую указываетъ и Лисій: «Всѣмъ извѣстно, что пока въ кассѣ есть достаточно денегъ, совѣтъ не нарушаетъ закона, когда же государство находится въ денежной нуждѣ, тогда совѣтъ не можетъ не пользоваться законами, не конфисковать имущества гражданъ и не давать хода предложеніямъ самыхъ негодныхъ ораторовъ» ²⁾. Мнѣ кажется, что первую половину указаннаго мѣста, не отрицая пропуска послѣдней фразы ἐπιτιθεμένων, можно объяснить довольно легко. Авторъ внесъ замѣчаніе по ассоціаціи съ предыдущимъ; послѣдняя же фраза представляетъ или вставку или также связана съ предыдущимъ по ассоціаціи. Выше указывается, что народъ, налагая на богачей лишіи, разоряетъ ихъ; это обстоятельство стороннику τῶν πλουσίων кажется, какъ само собою понятно, крайней несправедливостію, и онъ прибавляетъ, что несправедливость народа проявляется не только въ этомъ, но что она вообще господствуетъ въ нихъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ мѣстѣ есть неполнота и обрывчатость, которую я скорѣе объяснилъ бы неотдѣляемостію текста, чѣмъ тѣмъ, что листы рукописи были перепутаны или что она подверглась интерполированію со стороны какого то читателя, приписавшаго свои возраженія. Другого примѣра такой интерполяціи не имѣемъ, а вѣдь, нѣкоторыя мѣста хотя бы Фукидиду несомнѣнно, могли бы вызвать возраженія со стороны читателей того или другого политическаго лагеря.

Указавъ (I, 14—18), какъ послѣдовательно проводятъ афиняне своей своей ἀρχή демократическую политику, и какъ такое поведение выгодно для нихъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ силъ афинскаго государства. Онъ отмѣчаетъ, какъ полезны для развитія мореплаванія отдаленныя владѣнія (I, 19—20), и насколько господство на морѣ выгодно гегемоніи на сушѣ не только въ военное, но и въ мирное время. Государству, господствующему на морѣ,

¹⁾ См. А. Н. Шварцъ, 99 и 113.

²⁾ Lys. (30) adv. Nicom. 22. Противоположное мнѣніе, правда, вложенное въ уста Эрасибула и обращенное къ οἱ ἐν ᾧσιν, находимъ у Xen. Hell. II, 4, 40.

не страшень неурожай: оно привезетъ хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ; помимо хлѣба въ Аѳины привозятъ и изысканныя лакомства (II, 3—7). Частыя сношенія съ разными племенами помогли аѳинянамъ выработать очень богатый языкъ, разнообразную одежду и образъ жизни (II, 8). Любопытно, что здѣсь разнородныя вещи: *φουρή*, *δίκιτα* и *εὐχάρι* упоминаются вмѣстѣ; повидимому, это смѣшеніе должно обозначать иронию надъ жизнью и языкомъ аѳинянъ. Кирхгофъ и Ланге думаютъ, что текстъ здѣсь сильно испорченъ. Но почему бы автору при бѣгломъ набрасываніи своихъ мыслей не помѣстить все это вмѣстѣ, съ намѣреніемъ впослѣдствіи подробнѣе развить это мѣсто?

Дальше слѣдуетъ мѣсто, совершенно не связанное съ общимъ контекстомъ и прерывающее ходъ мысли писателя. Трудно даже сказать, что хотѣлъ писавшій его выразить, говоря о невозможности *ἐχάστω τῶν πενήτων* приносить жертвы, справлять праздники и строить себѣ отдѣльныя бани, гимназій и раздѣвальни, и о томъ, что червь (*ὄχλος*) строить все это сообща. Если допустить (вмѣстѣ съ А. Н. Шварцемъ) интерполяцію крайняго олигарха, то неужели послѣдній не видѣлъ, что свое замѣчаніе онъ писалъ совершенно ни къ мѣсту. Такая злобная выходка могла бы стоять гдѣ-нибудь въ первой главѣ, гдѣ говорится о господствѣ *τῶν πενήτων*, а не здѣсь. Поэтому или придется перенести § 9—10 куда-нибудь выше (напр., къ § 13, гдѣ кстати есть тоже нѣкоторая несложность текста), или же признать вмѣстѣ съ Кирхгофомъ и Ланге о совершенной портѣ даннаго мѣста.

Послѣ этой вставки продолжается развитіе мысли о выгодахъ господства на морѣ (II, 11—13) и отмѣчается единственная, по мнѣнію автора трактата, слабая сторона Аѳинъ—ихъ материковое положеніе, благодаря которому враги могутъ по сушѣ вторгнуться въ страну и измѣной захватить городъ. (II, 14—16).

Въ §§ 17—20 второй главы мы опять встрѣчаемъ какія то вставки, не связанные съ предыдущимъ, и притомъ плохо сохранившіяся въ рукописяхъ.

Общій смыслъ перваго отрывка (II, 17) тотъ, что олигархи должны соблюдать союзы и клятвы, такъ какъ при этомъ образѣ правленія обиженные знаютъ, отъ кого терпятъ обиды, а при демократіи виновныхъ въ изданіи того или другого постановленія

ть. — Второй отрывок говорить, что афиняне не позволяют выйти на сценѣ народъ, за исключеніемъ его отдѣльныхъ представителей, которые вмѣшиваются не въ свои дѣла и стараются вывинуться изъ среды демоса. А. Н. Шварцъ (стр. 33) по поводу этого мѣста замѣчаетъ: «присматриваясь ближе, нельзя не замѣтить, что и эта замѣтка..... носитъ на себѣ характеръ не столько собственнаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительной жизни, сколько заимствованнаго съ чужихъ словъ замѣчанія, которымъ, безъ твердаго убѣжденія въ подробности, воспользовался его авторъ для подтвержденія своихъ упрековъ афинской демократіи..... замѣтка эта могла возникнуть нѣсколько позже того времени, къ которому..... относить возникновеніе другихъ частей текста въ нашемъ произведеніи (стр. 33). Но можетъ быть, заявленіе автора *οὐκ ἔστι κομφοδεῖν καὶ κακῶς εἶναι τὸν δῆμον* близко къ истинѣ и къ 424 году. Законъ Сиракозъ 414 г. не былъ такимъ мертворожденнымъ закономъ, какъ утверждаетъ Шварцъ, и тому же Фриниху, на котораго ссылается исследователь, принадлежитъ стихъ *ἀπέλετο γὰρ κομφοδεῖν οὐς ἔστιν ὁ δῆμος*. Этотъ законъ однако не запрещалъ поэтамъ выводить на сцену *ἰδιώτας ἀνδρωπίστους*¹⁾.

Вѣроятно и законъ Антимаха 440 г. былъ такого же содержания, но постепенно онъ былъ забытъ и потребовалъ возобновленія. Если бы такого закона не было²⁾, или если бы авторъ зналъ о немъ только по смутнымъ слухамъ, то въ виду общеизвѣстныхъ злоупотребленій осмѣянія демоса и демагоговъ въ комедіяхъ олигархически настроенному писателю выгоднѣе было бы представить, какъ демократія позволяетъ насмѣхаться надъ собой и подрывать такимъ бѣсомъ свои основы. Наоборотъ, онъ опредѣленно говоритъ о томъ, что эти насмѣшки не позволялись (все равно возьмемъ ли мы въ виду омежающимъ при *οὐκ ἔστι οἱ Ἀθηναῖοι* или *οἱ δημαγωγοί* по Bergk'y) и т. д., слѣдовательно, и здѣсь демократія дѣйствовала очень по-мѣтательно.

Въ § 19 авторъ повторяетъ уже сказанное ранѣе въ I, 4 (и опять повторяемое ниже въ III, 10) о взаимной ненависти *τῶν πλουσίων* и *τῶν χρηστῶν* и объ ея причинахъ и приходитъ къ заклю-

¹⁾ Θ. Ф. Зѣлинскій. Фил. Обоз. II. 31—32.

²⁾ Ср. А. Н. Шварцъ. 28 сл. и возраженія Θ. Ф. Зѣлинскаго I. I.

ченію, что самому народу можно простить его демократичность, «потому что всякому извинительно дѣлать себѣ полезное, но кто, будучи враждебенъ народу, предпочитаетъ жить въ демократическомъ управляемомъ государствѣ, а не въ олигархическомъ, тотъ дѣлаетъ это съ злымъ умысломъ, зная, что злодѣю легче остаться безымяннымъ въ первомъ. Я не хвалю», повторяетъ авторъ: «аѳинское государственное устройство, но, разъ они рѣшили ввести демократію, мнѣ кажется, что они ее хорошо охраняютъ, примѣняя выше указанныя средства».

Такова первая часть трактата. Авторъ показалъ, какъ цѣлесообразно (съ точки зрѣнія демократіи) управляютъ аѳиняне какъ своимъ πόλις, такъ и ἀρχή, поддерживая вездѣ низшіе классы населенія (οἱ πονηροί, δημοτικοί) и преслѣдуя высшіе (ἄριστοι, τὸ βέλτιστον, δυνατώτατοι). Теперь онъ долженъ былъ бы показать, «какъ хорошо аѳиняне справляются и со всѣмъ прочимъ, въ чемъ, по мнѣнію другихъ эллиновъ, ошибаются (I, 1)». Мы ожидали бы рядъ указаній на то, въ чемъ же аѳиняне ἀμαρτάνουσι, но вмѣсто этого находимъ только обвиненія противъ аѳинскаго судопроизводства. Между тѣмъ А. Н. Шварцъ говоритъ: «Не менѣе послѣдовательно затѣмъ изложеніе мыслей и во второмъ, хуже сохранившемся, отлѣлѣ (стр. 8). Судя по его (автора Аѳ. Пол.) возраженіямъ, главнымъ пунктомъ этихъ упрековъ были нападки на медленность административной машины (ib.)». Далѣе (стр. 9) онъ удивляется, что Lange указываетъ на неполноту этого отлѣла, и прибавляетъ, что «авторъ и не собирался давать подробностей».—Но откуда это можно знать?—Изъ того, что осталось, сдѣлать такого заключенія никакъ нельзя. Кромѣ неудовлетворительнаго состоянія второй части, есть кажется прямое указаніе, что авторъ предполагалъ коснуться и другихъ подробностей: ἔτι δὲ καὶ τότε τινὰς ὅρῳ μεταφωμένους Ἀθηναίους..... (III 1). Поэтому правильнѣе, можетъ быть, сказать, что изъ этой части до насъ сохранился только одинъ экскурсъ о судопроизводствѣ, въ которомъ изложеніе довольно послѣдовательно.

Начавъ съ того, что аѳиняны порицаютъ за медлительность ихъ судопроизводства, авторъ развиваетъ мысль, что она происходитъ отъ массы дѣлъ, общественныхъ и частныхъ жалобъ и ответовъ, а также и отъ множества праздниковъ (III. 1. 2). Даже

тки, съ помощью которыхъ иногда можно ускорить дѣло, остаются въ результата (III, 3). Перечисляя примѣры разнаго рода дѣлъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ они не могутъ не быть избираемы. (III, 4—6). Но могутъ сказать, что нужна реформа; въ чемъ ова должна бы заключаться и противъ чего возражать авторъ, нельзя сказать опредѣленно по причинѣ пропусковъ въ § 7, но общій смыслъ таковъ: «если увеличить число судей, то ляжетъ бременемъ на государственную казну, если же увеличить число отдѣльныхъ дикастеріевъ, то въ каждомъ изъ нихъ судей будетъ меньше прежняго и ихъ легче будетъ подкупать. Кроме того нужно помнить, что въ Афинахъ вдвое больше праздниковъ, чѣмъ въ другихъ городахъ (III, 8; повтореніе III, 2), и вслѣдъ за этимъ утвержденіемъ слѣдуетъ фраза: ἀλλ' ἐγὼ μὲν τῶντιν ἵστας τῇ πόλει ἀρούσθι πόλει. Эта фраза единственное, какъ мнѣ кажется, что, относительно котораго теорія А. Н. Шварца несомнѣнна, такъ какъ ова прямо является полемикой противъ автора трактата, гла дѣйствительно быть приписана въ видѣ возраженія.

Конецъ § 8-го и § 9-ый являются заключеніемъ разсужденія о совершенствѣ афинскаго суда, реформа котораго не можетъ быть введена безъ нарушенія демократическаго строя. Можно найти и другой строй, свободный отъ вышеуказанныхъ недостатковъ, но это не будетъ демократія.

Этимъ заканчивается экскурсъ о судопроизводствѣ, и относительно послѣдующихъ параграфовъ можно вполне присоединиться къ мнѣнію А. Н. Шварца, видящаго въ нихъ (согласно съ прочими издателями) только отдѣльные фрагменты¹⁾. Но повтореніе въ § 10 и 11 уже сказаннаго въ I, 4 и II, 19 о томъ предпочтеніи, а именно афиняне отдають τοῖς χείροισι, можно, мнѣ кажется, объяснить только тѣмъ, что крайнему олигарху, приписывавшему свои замышлѣнія, «оно понадобилось для того, чтобы ввести случайно примѣніе ему на умъ историческіе примѣры, доказывающіе невыгоду демократіи съ олигархіей²⁾». Плохая сохранность конца и начала многихъ рукописей дѣлаетъ возможнымъ, помимо догадки вообще необработанности всего трактата, вотъ еще какое

¹⁾ А. Н. Шварцъ стр. 168 сл.

²⁾ Ibid. стр. 169.

объясненіе. Мюллеръ-Штрибингъ указаль, что всего удобнѣе сопоставить эти замѣтки съ III, 9. Ибо разъ писатель заговориль о невозможности коренныхъ реформъ въ афинскомъ государствѣ, безъ нарушенія самаго принципа демократическаго устройства, онъ легко могъ добавить, конечно, что такихъ перемѣнъ нечего и ожидать, за немѣнѣемъ для того подходящихъ лицъ. Что въ такой связи онъ притомъ именно заговориль объ *ἄριστοι*, понятно для всякаго, такъ какъ повсюду въ греческихъ государствахъ какъ разъ этотъ классъ людей составляль главный контингентъ, на который разсчитывали руководители революціонныхъ движеній и который самъ верѣно являлся начинателемъ той *μετακίνησις*¹⁾. Если мы примемъ во вниманіе это указаніе, то перестановка §§ 12 и 13 на мѣсто §§ 10 и 11, вполне допустимая съ логической точки зрѣнія, допустима и фактически. Здѣсь можно присоединиться къ взгляду Кирхгоффа, что рукопись, съ которой были сдѣланы копія, сохранилась въ концѣ очень плохо (можетъ быть въ видѣ отдѣльныхъ лоскутковъ), переписчикъ перемѣшалъ ихъ и написалъ въ ошибочномъ порядкѣ²⁾. При этомъ условіи §§ 10 и 11, можетъ быть, принадлежали къ какому нибудь новому экскурсу, не дошедшему до насъ.

Такимъ образомъ во всемъ трактатѣ можно признать двѣ части: первую можно было бы озаглавить «о цѣлесообразной политикѣ афинянъ, направленной къ поддержанію демократіи»; вторая же часть представляетъ экскурсъ о несовершенствѣ афинскаго судопроизводства и о связи его съ демократическимъ строемъ. Нѣкоторая обрывочность текста не противорѣчитъ общему тону изложенія, и трудно видѣть въ трактатѣ какія либо ясныя противорѣчія вопреки Belot, который видитъ ихъ на каждой страницѣ³⁾. Трактатъ дошелъ до насъ въ плохомъ видѣ, но авторъ всюду выражаетъ свое негодованіе противъ демократіи, хотя ясно представляеть, какъ послѣдовательны демократы въ своихъ дѣйствіяхъ. Если мы признаемъ, что нашъ памятникъ имѣеть единство содержанія, то едва ли нужно будетъ подробно останавливаться на томъ

1) Цитата по А. Н. Шварцу стр. 170.

2) Какъ на примѣръ небрежности переписчика можно указать на начало 33. Пол. Аристотеля.

3) Belot, La republique d'Athènes стр. 3.

нии, которое видить въ АѢ. Пол. результатъ неискусной пере-
сти изъ діалога.

Всѣ тѣ мѣста, которыя вводятся словами εἶποι δ' ἄν τις (I. 6, 7,
εἰπάτω γάρ τις (III. 6), οἱ δὲ ἀντιλογίζονται (I. 16) и т. д. и въ
рыхъ можно видѣть слѣды первоначальной діалогической формы,
ѣе всего являются простыми риторическими вопросами, встрѣ-
ыми и у другихъ авторовъ, въ монологической формѣ произведеній
рыхъ никто не сомнѣвался ¹⁾.

Переходя къ выясненію личности автора, мы прежде всего
сны отмѣтить, что имѣемъ въ текстѣ нашего памятника ясныя
анія на его аѣнское происхожденіе. Нѣсколько разъ встрѣ-
ся выраженіе αὐτόθι (1, 2, 10, 11) ²⁾; въ другихъ мѣстахъ
въ употребляетъ выраженія: «мы», «у насъ» (ἵνα λαμβάνωμεν I, 11;
πρίν ἐποιήσαμεν I, 12; ἀντίπαλοι ἡμῖν εἰσιν и т. д.). Аѣнское про-
сжденіе автора такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, гораздо
нѣе опредѣлить точно ту партію, къ которой онъ принадлежалъ
какова была цѣль разбираемаго сочиненія.

Характерной чертой является сходство многихъ мыслей автора
мъ, что мы находимъ въ исторіи Фукидида, и многіе изслѣ-
тели уже давно обращали вниманіе на то обстоятельство. Одинъ
нихъ (Roscher) даже утверждаетъ, dass er (авторъ нашего пам-
) mit diesem (т. е. Фукидидомъ) identisch gewesen, behauptete
nicht; wollte ich es behaupten, man würde mich schwerlich direct
belegen können ³⁾. И дѣйствительно, сходство между обоими пи-
ями очень велико. Оба они не сторонники демократіи, и ихъ
ка послѣдней различна не столько по качеству, сколько по тону.
въ Аѣнской Политіи съ враждой отзывается объ этой формѣ
сненія, но и Фукидидъ иногда выражается почти такъ же рѣзко.

¹⁾ Blass. Att. Bereds. 12 p. 276 приводитъ примѣры изъ Демосѣена и Ари-
стофи.

²⁾ Busolt, G. G. III, 2 p. 612 видитъ въ указанныхъ мѣстахъ, что они были
саны въ Аѣинахъ, тогда какъ другія мѣста могли быть написаны въ изгнаніи,
мы припомнимъ II, 20, гдѣ авторъ говоритъ о невозможности честному чело-
вѣку, враждебному къ демократіи, жить въ государствѣ, имѣющемъ этотъ образъ
сненія, то можно было бы думать, что авторъ и самъ жилъ въ изгнаніи. Но,
мало, указанное мѣсто (II, 20) можетъ выражать общую сентенцію. Ср. А. Н.
147 и приведенныя тамъ мнѣнія изслѣдователей.

³⁾ Цитата у А. Н. Шварца, 57, ср. Müller Strübing. 25 сл.

“Οπερ φιλεῖ ὄμιλος ποιεῖν (II, 65, 4) говорить онъ о непостоянствѣ афинянъ по отношенію къ Периклу (ср. IV, 28, 3: οἷον ὄχλος φιλεῖ ποιεῖν; VI, 63, 2: οἷον δὲ ὄχλος φιλεῖ θαρσύνει ποιεῖν; VIII, 1, 3). Довольно рѣзко характеризуется афинская демократія въ рѣчи Клеона (III, 37, 38): «О будущихъ предпріятіяхъ, объ осуществимости ихъ вы судите по рѣчамъ ловкихъ ораторовъ; о событіяхъ уже совершившихся вы заключаете не столько потому, что сдѣлано и что вы видите сами, сколько по тому, что слышите отъ ораторовъ, искусныхъ въ обличеніи. Вы въ совершенствѣ умѣете обольщаться новизной въ рѣчахъ и не слѣдовать вашимъ же собственнымъ рѣшеніямъ: вы, рабы всего необычайнаго, презираете обыденное». Въ другомъ мѣстѣ демократія называется «общепризнаннымъ безуміемъ» (ἐπεὶ δημοκρατίας γε καταγινώσκουμεν οἱ φρονούντες τι, καὶ αὐτὸς οὐδένος ἢ χειρόν, ὅσω καὶν (поправка Hudé cod. καὶ) λοιδορήσιν αἰὶνὰ περὶ ἐπιλογουμένης ἀνοίας οὐδὲν ἂν καινὸν λέγοιτο. Thus. VI, 89, 6). Последняя характеристика вложена въ уста Алкивіаду, по Белохъ (Гр. Ист. II, 22—23) считаетъ это мнѣніемъ вообще образованныхъ классовъ¹⁾. Самъ Θουкиδидъ, какъ извѣстно, признавалъ наилучшимъ строемъ демократію 5000 (VIII, 97, 2); но тѣмъ характернѣе это мѣсто для обнаруживанія изгладовъ одной изъ партій того времени, партіи, можетъ быть, близко подходящей по своей программѣ къ партіи Псевдо-Ксенофонта.

Не менѣе близко къ характеристикѣ отношеній афинянъ къ союзникамъ, сдѣланной авторомъ разбираемаго сочиненія, подходитъ характеристика этихъ же отношеній у Θουкидида. «Власть ваша», говоритъ Периклъ афинянамъ: «имѣетъ видъ тираніи (II, 63; то же въ рѣчи Клеона III, 37, 2; ср. Аθ. Пол. II, 8), насъ (афинянъ) ненавидятъ и тяготятся нами, это общая участь всѣхъ, кто пожелалъ властвовать надъ другими (II, 64, 57; ср. Аθ. Пол. I, 14). Во всѣхъ государствахъ народъ благоволяетъ къ вамъ или вовсе не возмаетъ вмѣстѣ съ меньшинствомъ, или же, если бываетъ вынужденъ примкнуть къ возстанію, тотчасъ становится во враждебныя отношенія къ возставшимъ, и потому, начиная войну, вы имѣете союзни-

¹⁾ Хотя едва ли это такъ: Алкивіада надо считать представителемъ крайне реакціонной партіи, и въ его уста Θουкидидъ могъ вложить мысль, которую не раздѣлялъ ни онъ самъ, ни масса образованныхъ людей той эпохи.

въ народѣ (τὸ πλῆθος) враждебнаго горста (III, 47, 2 ср. Пол. III, 10).

Еще ближе можно провести параллель между описаніемъ Афинскаго морского могущества у обоихъ авторовъ. Въ Афинской политіи, какъ мы видѣли, морское могущество является главной силой для демократіи. Господствуя надъ моремъ, она можетъ не боясь враговъ, сама приводить всѣхъ въ ужасъ и, благодаря своему флоту, пользуется всѣми выгодами морской торговли. Такую картину мы встрѣчаемъ и у Фукидида: «Изъ двухъ элементовъ, предоставленныхъ въ пользованіе людямъ, суши и моря, однимъ вы можете вполнѣ не только на томъ пространствѣ, на какомъ пользуетесь имъ, но и дальше если бы пожелали. И въ настоящее время нѣтъ такого царя и такого народа, которые были бы въ состояніи задержать плаваніе вашего флота (II, 62, 2). Если бы персисцы вторглись въ нашу страну по сушѣ, мы пойдемъ на ихъ землю моремъ, а опустошеніе одной какой-либо части Персидскаго вѣса не можетъ сравниться съ опустошеніемъ цѣлой Аттики, и въ замѣнъ этой области они не смогутъ получить безъ борьбы и другой, тогда какъ у насъ есть много земли и на островахъ и на материкѣ; въ самомъ дѣлѣ, сила моря велика. Подумайте только, ставъ островными жителями, развѣ не были бы мы сильнѣе всѣхъ? (I, 143, 4—5). Благодаря обширности города и тѣмъ со всѣхъ земель стекается все, такъ что мы пользуемся плодами всѣхъ другихъ народовъ съ такою легкостью, какъ и плодами собственной земли (II, 38, 2, ср. 'Аѳ. Пол. II, 6, 7). Точно такъ же повторяющимися въ году играми и жертвоприношеніями мы обеспечиваемъ душѣ возможность многообразнаго отдохновенія отъ трудовъ» (II, 38, 1 ср. 'Аѳ. Пол. II, 9).

Мнѣ кажется, что приведенныхъ отрывковъ достаточно, чтобы указать тѣ точки соприкосновенія, которыя существуютъ между Фукидомъ и Псевдо-Ксенофонтомъ ¹⁾. Конечно, нельзя думать,

¹⁾ Это сходство при первомъ чтеніи трактата невольно наводитъ на мысль, не былъ наше произведеніе сочиненіе ученика какой-нибудь риторской школы (testimonium относится къ III в. по Р. Х.), составленное по Фукидиду и другимъ источникамъ, напр., комедіямъ (составленіе у Müller-Strübing'a, А. Н. Шварца и др.) и перешедшее до насъ партійной литературѣ. Но обдуманность плана и мѣткость многочисленныхъ дѣлають мало вѣроятнымъ это предположеніе.

что одинъ авторъ списалъ у другого: указанныя мѣста интересны тѣмъ, что показываютъ, какое впечатлѣніе на современниковъ произвелъ быстрый ростъ аѳинскаго морскаго могущества. Олигархическій авторъ (какъ и Фукидидъ) вѣрно указалъ всѣ выгоды, представляемыя Аѳинамъ ихъ положеніемъ, и можно считать правильнымъ выводъ Gomperz'a (Gr. Denk. I, 398), что ненависть автора къ демосу сообщила какъ бы особую остроту его зрѣнію. Онъ указалъ и единственную слабую сторону Аѳинъ, ихъ материковое положеніе, позволяющее партіи, враждебной существующему строю, призвать враговъ для его ниспроверженія. И мы знаемъ, что олигархи постоянно обращались за поддержкой къ Спартѣ. Въ авторѣ, какъ видно изъ всего произведенія, мы должны признать олигарха, вѣрно понимавшаго положеніе дѣлъ, но тѣмъ съ большей ненавистью относившагося къ нему. Ближе приписывать авторство какому-нибудь опредѣленному лицу едва ли возможно, да это и не представляетъ особаго интереса. Важно не то, кто написалъ какое произведеніе, а то, что въ Аѳинахъ того времени такъ ясно сознавали современное положеніе. При этомъ нужно обратить вниманіе, что разъ разбираемое произведеніе сохранилось до нашего времени, а не погибло какъ другія произведенія того же рода, то надо предположить, что мысли, высказанныя въ немъ, встрѣтили извѣстный интересъ.

И дѣйствительно, нашъ трактатъ заслуживалъ полнаго вниманія тѣмъ, что авторъ правильно отмѣтилъ и подчеркнул какъ сильныя, такъ и слабыя стороны аѳинскаго государства. Приписывать эту Политію Критію едва-ли вѣроятно, такъ какъ немногочисленные фрагменты его сочиненія подъ этимъ заглавіемъ (F. H. G. p. 70—71 fr. 8—13), повидимому, показываютъ, что онъ касался главнымъ образомъ культурной и политической исторіи, тогда какъ методъ Псевдо-Ксенофонта можно назвать соціологическимъ.

Теперь мы поставимъ вопросъ, кому могло быть адресовано разбираемое произведеніе и какую цѣль преслѣдовалъ авторъ при его составленіи.

Высказывалось мнѣніе, что это письмо Ксенофонта къ Агезилаю. Выставлялось мнѣніе, что это вообще письмо, написанное къ какому-нибудь спартанцу. Думали, что, можетъ быть, это про-

едеіе написано для обращенія среди олигарховъ, товарищей по иіи, или что это научный трактатъ, что, наконецъ, это λόγος, политическая рѣчь, преслѣдующая опредѣленную цѣль ¹⁾).

На первомъ мнѣніи можно не останавливаться, такъ какъ при- тежность трактата Ксенофону теперь никѣмъ (кроме Belot) не держивается. Кроме того, съ какой цѣлью могъ бы Ксенофонъ ровать письмо къ Агезилаю или какому-нибудь другому спар- кому государственному дѣятелю? Неужели они не знали, въ состоятъ сила Аѣинъ?—Уже первые годы Пелопоннесской ѣы показали спартамцамъ, что жители Аттики не боятся напа- ній съ суши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, допуская авторство Ксено- а (434—359 г.г.), пришлось бы отнести трактатъ къ болѣ е своему времени, тогда какъ по общему мнѣнію изслѣдователей а написанъ до 424 г. ²⁾). Авторъ изображаетъ морское могу- го Аѣинъ и господствующую демократію. У него нѣтъ нигдѣ ній на то, что это было, наоборотъ, всѣ его нападенія на истный строй объясняются только тѣмъ, что этотъ строй живъ. Болѣе вѣроятна гипотеза письма олигарха къ своему спартан- другу; тогда объяснима была бы и цѣль сочиненія. Авторъ, порядки демократіи, указываетъ, какъ прочно она пустила во всемъ стрѣѣ государства и какъ ничего въ немъ нельзя нить безъ нарушенія этой любезной народу формы правленія, послѣдній, конечно, не допустить.

Гипотеза научнаго трактата, выставленная Scholl'емъ, мало оподобна. Какъ могъ человѣкъ, задавшійся мыслью научно опи- ть строй аѣинскаго государства sine ira et studio (nicht tadeln и loben, по выраженію изслѣдователя) допустить такіа выраженія πονηροί, ὄχλος и т. п. Видѣть оправданіе въ томъ, что авторъ иципальный противникъ демократіи, едва ли возможно. Если бы адался цѣлью научно описать строй аѣинскаго государства съ оли- ческой точки зрѣнія, то для исполненія своего замысла, послѣ ованія о несогласіи съ этой формой правленія, авторъ долженъ бы подчеркивать свое безпристрастіе. Если же онъ все время рено борется съ ненавистнымъ ему строемъ, то такое сочиненіе

¹⁾ А. Н. Шварцъ, стр. 54.

²⁾ Busolt. Gr. Gesch. III, 2 p. 609 сл.

автора уже не будет научнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ практическаго значенія, а памфлетомъ, преслѣдующимъ ту или иную практическую цѣль ¹⁾.

Такимъ образомъ мы приходимъ ко взгляду на Аѳинскую Политію, какъ на памятникъ политической партійной борьбы. — Изъ цѣлаго ряда указаній мы знаемъ, что Аѳины V в. и послѣдующаго времени изобиловали политическими трактатами, написанными по преимуществу въ олигархическомъ духѣ и имѣвшими внѣшнюю форму рѣчей (λόγοι), Андокидъ въ это время писалъ свой λόγος συμβουλευτικός πρὸς τοὺς ἐταίρους, въ которомъ старался возмутить противъ демократіи своихъ товарищей по клубу. Къ этому же времени относятся тѣ партійныя олигархическія сочиненія, которыми пользовался Аристотель въ своей Ἀθηναίων Πολιτεία. Рядъ политическихъ памфлетовъ съ рѣзкой тенденціозной окраской писали софисты ²⁾. Наше произведеніе также принадлежитъ къ этой Flugschriftenlitteratur, отъ которой до насъ не дошло ничего болѣе.

Оно имѣетъ внѣшнюю форму въполнѣ опредѣленнаго ораторскаго произведенія. Lange (Leipziger Studien V. 426 сл.) и А. Н. Шварцъ (стр. 60) считаютъ даже возможнымъ, что весь нашъ трактатъ написанъ по опредѣленной ораторской схемѣ, хотя знатоки греческаго ораторскаго искусства Blass смотрятъ на наше сочиненіе «какъ на черновой, не приготовленный къ изданію» набросокъ, въ который безъ всякаго порядка занесены разныя случайныя мысли, касающіяся аѳинскаго государственнаго устройства ³⁾. Последняго мнѣнія держался ранѣе и Виламовицъ, полагая, что «мы имѣемъ дѣло не съ цѣльнымъ произведеніемъ, а съ какими то фрагментарными выписками, только случайно и въ безпорядкѣ приписанными къ тексту Ксенофоновой Λακεδαιμονίων πολιτεία». Позднѣе онъ измѣнилъ этотъ взглядъ и видитъ въ авторѣ Аѳинской Политіи стараго олигарха, непримиримаго врага демоса, который не хочетъ отрѣчься отъ погибшаго ancien régime—съ одной стороны, а съ другой—признавая послѣдовательность и непреодолимость демократіи и без-

¹⁾ О грубомъ тонѣ публичныхъ рѣчей см. Rhode въ Rhein Mus XLVIII (1893) стр. 119.

²⁾ Подробности у А. Н. Шварца 58 сл.; Busolt. G. G. III. 2, 606. Wilamowitz. Ar. u. Atten I. 161 сл.

³⁾ Attische Beredsamkeit I² s. 279.

ность борьбы против нея, призывает бурную молодежь своей
ии къ самоотверженію, которое прилично только старцу, и
рому молодежь внимала тогда такъ же мало, какъ и во всякое
ое время ¹⁾). Довольно близко къ этому и мнѣніе Эд. Мейера,
ающаго, что авторъ соединяетъ теоретическій анализъ съ прак-
ской цѣлью показать своимъ сторонникамъ, что для нихъ нѣтъ
кого компромисса съ демократическимъ государствомъ ²⁾).

Мнѣ кажется, что, дѣйствительно, трудно отрицать предвзятую
и извѣстную схему въ разбираемомъ трактатѣ. Хотя въ немъ
нѣсколько вставокъ, попавшихъ, повидимому, не на должное
о ³⁾, однако онѣ нисколько не противорѣчатъ этому и указы-
тъ только на неотдѣланность трактата.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, для какой публики предназна-
н этотъ λόγος. Друзьямъ олигарховъ за границей и сотоварищамъ
на по клубамъ положеніе афинской демократіи, конечно, было
мно извѣстно и безъ него. Для произнесенія передъ народомъ
едва ли могла предназначаться: какъ бы терпимо не относи-
народное собраніе къ критикѣ своихъ дѣйствій, все же было
искованнымъ такъ рѣзко нападать на τοὺς πονηροὺς (сволочь,
idel, какъ переводить Müller-Strübing), изъ которыхъ и состояла
сия ⁴⁾. Остается предположить, что сочиненіе назначалось для
остраненія въ письменномъ видѣ, какъ прокламація извѣстной
атической партіи. Съ этой точки зрѣнія были бы вполне объяснимы
рѣзкія выраженія, какія мы находимъ у Псевдо-Ксенофонта.

Предлагаемый ниже переводъ сдѣланъ по тексту, данному въ
омѣ изслѣдованіи А. Н. Шварцемъ; въ I. 14, начало, принята
ставка Мюллера Штриубинга: χρηστοὺς [γνώμη καὶ τοῦτο ποιοῦσι]; въ II. 1,
мно, принята вставка Кирхгофа: [γνώμη] οὕτω καθεύσθηκε; въ II. 4 по
адину: παραπλεῖν γὰρ [καὶ ἀποβαίνειν] ἔξεστιν; II. 5, чтеніе рукописи
и терминологія Кирхгофа: ἔξεστι ἀποβῆναι ἐν ταῦτα τῆς γῆς, οὗ δ' ἂν μὴ
ἀποβῆναι ἀλλὰ παραπλεῦσαι; II. 17 переведенъ по конъектурѣ Ланге:
πλήρει по Мюллеру Штриубингу; εἰ μὴ δόξειε [τῷ δῆμῳ, σύμφορα]
ταῦτα по Кирхгофу; III. 7, переданъ только вѣроятный смыслъ.

¹⁾ Aristoteles und Athen I p. 171.

²⁾ Gesch. d. Alt. III. 250.

³⁾ II. 9—10; 17—19; I. 13 (?); III. 8.

⁴⁾ Ср. однако рѣчь Клеова у Thuc. III. 37—40.

Новѣйшимъ комментированнымъ изданіемъ сочиненія Псевдо-Ксенофонта ¹⁾ я могъ воспользоваться, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно для того, чтобы внести его результаты въ соотвѣтствующія мѣста введенія. Общіе выводы изслѣдователя въ нѣсколькихъ словахъ таковы: сочиненіе относится ко времени перваго аттическаго морскаго союза (стр. 16), и объ авторѣ его съ достовѣрностью можно сказать только одно, что онъ былъ аѳинскій гражданинъ и олигархъ (стр. 21). Внѣшней формой сочиненія, по мнѣнію Калинки, является рѣчь (λόγος), притомъ рѣчь импровизированная и записанная при самомъ произношеніи однимъ изъ слушателей (стр. 58). Импровизаціей легче всего объясняется и тотъ недостатокъ связи между отдѣльными частями сочиненія, который такъ подчеркиваютъ другіе изслѣдователи, и та неполнота изложенія, при которой авторомъ опущена, напр., такая важная для поддержанія демократіи мѣра, какъ остракизмъ (стр. 39). Эта импровизація могла быть произнесена на συμπόσιονъ какой-либо олигархической гетеріи, при чемъ аудиторія состояла не только изъ аѳинскихъ олигарховъ, но и изъ олигарховъ другихъ греческихъ городовъ. Такое собраніе могло состояться въ Аѳинахъ въ одинъ изъ большихъ праздниковъ, на которые въ городъ всегда собиралась масса народа. Что συμπόσιον въ Аѳинахъ V в. охотно трактовали за столомъ о «матеріяхъ важныхъ», можно видѣть изъ сочиненій Платона и Ксенофонта (стр. 56 сл.).

Позднимъ знакомствомъ съ указаннымъ изданіемъ объясняется и то, что я не могъ исправить по рецензированному Калинкой тексту своей переводъ, сдѣланный по тексту А. Н. Шварца, который, сообразно своей основной идеѣ, можетъ быть излишне подчеркиваетъ несложность отдѣльныхъ частей сочиненія. Подробнѣе объ изданіи Э. Калинки см. въ этомъ же Сборникѣ статью Е. Г. Кагарова.

¹⁾ Die pseudoxenophontische 'Αθηναίων πολιτεία. Einleitung, Übersetzung, Erklärung von Ernst Kalinka. Teubner 1913.

[КСЕНОФОНТА]

Афинское государственное устройство.

I.

Объ афинскомъ же государственномъ устройствѣ, которое они избрали для себя, этотъ родъ устройства я не хвалю, потому что, выбравъ себѣ его, они выбрали, что подлая чернь находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ честные граждане: поэтому то я и не хвалю его. Но разъ оно кажется имъ такимъ, какъ хорошо они поддерживаютъ свое государственное устройство и какъ хорошо справляются они со всѣмъ прочимъ, въ чемъ по мнѣнію прочихъ Эллиновъ поступаютъ ошибочно, это я покажу.

Прежде всего я буду говорить, что вполне правильно здѣсь (т. е. въ Аѣинахъ) бѣдные и народъ имѣютъ большее значеніе, чѣмъ знатные и богатые, ибо народъ служитъ во флотѣ и придаетъ государству могущество: кормчіе, начальники гребцовъ, пентеконтархи, помощники кормчихъ, кораблестроители, всѣ они придаютъ государству его мощь гораздо въ большей степени, чѣмъ гоплиты, благородные и честные. А разъ положеніе дѣлъ таково, то кажется справедливымъ, что въ занятіи высшихъ государственныхъ должностей и въ жеребьевкѣ и въ голосованіи участвуютъ всѣ. И всякому желающему изъ гражданъ предоставлена свобода слова.

Далѣе, ни одна изъ должностей, которыя, будучи занимаемы знатыми людьми, приносятъ пользу всему народу, а занимаемая не знатыми—вредъ, не составляетъ предмета притязаній народа, и афиняне не думаютъ, что имъ слѣдуетъ занимать должности стратеговъ или гишпарховъ, такъ какъ народъ знаетъ, что боль-

шую пользу получить онъ въ томъ случаѣ, когда не самъ будетъ занимать эти должности, а лица наиболѣе могущественныя. Какія же должности оплачиваются жалованьемъ и выгодны съ имущественной стороны, эти должности народъ стремится занять.

4. Затѣмъ нѣкоторые удивляются, что вездѣ афиняне даютъ преимущество подлой черни, бѣднякамъ и сторонникамъ демократіи, а не честнымъ людямъ, но въ этомъ-то и обнаруживается ихъ стремленіе къ поддержкѣ демократіи. Вѣдь, бѣдняки, люди толпы и дурные люди, имѣя успѣхъ и сдѣлавшись многочисленными, возвышаютъ демократію. Если же богатые и достойные люди имѣютъ успѣхъ, то сторонники демократіи оказываютъ имъ сильное противодѣйствіе.
5. Во всякой странѣ существуетъ противодѣйствіе демократіи со стороны лучшихъ гражданъ, потому что среди нихъ существуетъ наименьшая распущенность и несправедливость и наибольшее стремленіе къ доблестнымъ дѣламъ, въ народѣ же существуетъ величайшее невѣжество, отсутствіе дисциплины и лѣнь: ибо бѣдность болѣе побуждаетъ ихъ къ постыднымъ дѣламъ, чѣмъ невоспитанность и невѣжество, которыми вслѣдствіе недостатка средствъ страдаютъ нѣкоторые изъ людей.
6. Могутъ сказать, что слѣдуетъ, чтобы не всѣ вмѣстѣ могли выступать съ рѣчами и быть членами совѣта, но самые умные и лучшие. Они и теперь даютъ самые лучшие совѣты, позволяя говорить и дурнымъ людямъ. Потому что то, что говорили бы и совѣтовали честные люди, было бы для лицъ подобныхъ имъ хорошимъ, а для сторонниковъ демократіи не хорошимъ. Теперь же дурной человѣкъ, поднявшись съ желаніемъ (говорить), изыскиваетъ хорошее для него и для ему подобныхъ.
7. Кто-нибудь скажетъ: итакъ что же хорошаго для себя или для народа можетъ придумать такой человѣкъ? Но они полагаютъ, что его невѣжество, порочность и ласкательство выгодны добродѣтели, мудрости и непріязни честнаго человѣка.
8. Государство можетъ сдѣлаться могущественнымъ не такими средствами, но демократія въ громадномъ большинствѣ слу-

чаевъ такимъ образомъ спасается. Вѣдь, когда государство находится въ благопріятномъ положеніи, народъ не желаетъ быть рабомъ, а свободнымъ и властвовать; дурные же законы мало его заботятъ. То, что мы считаемъ отсутствіемъ хорошихъ законовъ, это самое укрѣпляетъ народъ и дѣлаетъ его свободнымъ.

Если же ты ищешь хорошихъ законовъ, то прежде всего увидишь, что достойнѣйшіе люди устанавливають законы для себя затѣмъ честные люди будутъ сдерживать негодяевъ, совѣщаются о государствѣ и не позволяютъ безумцамъ не участвовать въ совѣтѣ, ни произносить рѣчи, ни принимать участія въ народномъ собраніи. Именно, благодаря этимъ хорошимъ средствамъ народъ всего скорѣе попадаетъ въ рабство.

Съ другой же стороны распушенность рабовъ и метѣковъ въ Афинахъ достигаетъ высшей степени. Здѣсь нельзя побить раба, или и онъ не уступить вамъ. Я объясню, ради чего это вошло въ обычай. Если бы законъ позволялъ, чтобы рабъ, или метѣкъ, или вольноотпущенникъ получалъ побои отъ своего, то много разъ, подумавъ, что это рабъ, били бы ивнянина, ибо народъ здѣсь носить одежду не лучше рабовъ и метѣковъ и по виду нисколько не лучше ихъ.

Если же удивятся тому, что здѣсь позволяютъ рабамъ быть измученными и что нѣкоторые изъ нихъ ведутъ роскошный образъ жизни, то это также имѣетъ основаніе. Вѣдь, гдѣ существуетъ морское могущество, основанное на деньгахъ, тамъ господамъ необходимо покоряться рабамъ, чтобы мы получали оброкъ съ ихъ труда, и предоставлять имъ свободу дѣйствій. Гдѣ же есть богатые рабы, тамъ вовсе невыгодно, чтобы могъ рабъ тебя бить. Въ Лакедемонѣ же мой рабъ тебя боится.

Если же твой рабъ меня боится, то будетъ опасность, что онъ отдастъ и свое имущество, лишь бы не бояться за себя, поэтому мы ввели и равноправіе для рабовъ сравнительно съ свободными, а для метѣковъ—съ гражданами, такъ какъ благодаря множеству ремеслъ и морскому дѣлу государство нуждается и въ метѣкахъ. Поэтому то мы, естественно, и метѣкамъ дали равноправіе.

13. Если же народъ запрещаетъ имъ занятіе музыкой и гимнастическимъ искусствомъ, то потому, что считаетъ эти занятія не хорошимъ дѣломъ, свойственнымъ только людямъ могущественнымъ; въ хорегіяхъ же, гимназіархіяхъ и тріерархіяхъ, какъ извѣстно, богатые принимаютъ активное участіе, а народъ пассивное, тріерархами и гимназіархами бываютъ богатые, а народъ служить на тріерахъ подъ ихъ начальствомъ и упражняется въ гимназіяхъ подъ ихъ руководствомъ. Вѣдь народъ считаетъ для себя достойнымъ брать деньги за исполненіе пѣсенъ, за состязанія въ бѣгѣ, за пляску и плаваніе на корабляхъ, чтобы самому имѣть ихъ, и чтобы богатые становились бѣднѣе.
Въ судахъ же народъ менѣе заботится о справедливости, чѣмъ о собственной выгодѣ.
14. Относительно же того, что, плавая, аѣиняне доносятъ о настроеніи союзниковъ, и ненавидятъ честныхъ людей, то и это они дѣлаютъ разумно, зная, что правитель по необходимости вызываетъ ненависть со стороны управляемаго; если же въ государствахъ будутъ имѣть значеніе богатые и честные люди, то господству аѣинскаго народа наступитъ весьма скоро конецъ. Поэтому то аѣиняне и подвергаютъ честныхъ людей атиміи, отнимаютъ у нихъ имущества, изгоняютъ и убиваютъ. Негодяевъ же возвеличиваютъ. Честные же аѣинскіе люди спасаютъ честныхъ людей въ союзныхъ государствахъ, зная что для нихъ всегда полезно спасать самыхъ выдающихся лицъ въ государствахъ.
15. Могутъ сказать, что само аѣинское государство сильно, если союзники будутъ въ состояніи вносить деньги, но сторонникамъ демократіи кажется лучшимъ, чтобы каждый въ отдельности аѣинянинъ имѣлъ союзническія состоянія, а союзники только необходимое для жизни и работы, и чтобы они не были въ состояніи злоумышлять.
16. По видимости аѣинскій народъ, принявъ дурное рѣшеніе и тогда, когда принудилъ союзниковъ являться на судъ въ Аѣины. Но сторонники демократіи принимаютъ въ расчетъ, сколько въ этомъ заключается выгоды для аѣинскаго народа. Прежде

всего онъ получаетъ въ теченіе года жалованіе изъ судебныхъ пошлинъ; затѣмъ, сидя дома, и не посылая кораблей, аѣиняне управляютъ союзными государствами, и сторонниковъ демократіи спасаютъ, а противниковъ ея губятъ въ судахъ: если бы, каждый изъ союзниковъ имѣлъ судъ дома, то въ досадѣ на аѣинянъ, они губили бы тѣхъ изъ своихъ согражданъ, которые наиболѣе расположены къ аѣинскому народу.

Сверхъ того, аѣинскій народъ получаетъ и слѣдующія выгоды отъ разбора въ Аѣинахъ дѣлъ союзниковъ: вѣдь, прежде всего въ пользу города получается большое количество пирейскихъ пошлинъ въ $\frac{1}{100}$, затѣмъ выгоду получаютъ отдающіе въ наймы квартиры, экипажи или наемныхъ рабовъ; затѣмъ благодаря пребыванію въ городѣ союзниковъ въ лучшемъ положеніи находятся глашатаи.

Кромѣ того, если бы союзники не являлись въ судъ, то они уважали бы только аѣинянъ, приплывающихъ къ нимъ: стратеговъ, тріерарховъ и пословъ; теперь же каждый изъ союзниковъ въ отдѣльности принужденъ льстить аѣинскому народу, зная, что ему должно рѣшать свои споры, пріѣзжая въ Аѣины, не передъ кѣмъ другимъ, какъ передъ народомъ, влающимъ закономъ въ Аѣинахъ, и они принуждены бить челомъ въ судахъ и, являясь туда опираться на толпу. Благодаря этому союзники болѣе становятся рабами аѣинскаго народа.

Кромѣ того, благодаря имуществу въ чужихъ странахъ и владѣніямъ, посылаемыхъ въ чужую страну, и сами аѣиняне и ихъ слуги незамѣтно пріучаются служить гребцами на корабляхъ: вѣдь необходимо, чтобы человекъ, плавающій много разъ, брался за весло и самъ онъ и его слуги и чтобы онъ изучилъ названія, употребляющіяся въ морскомъ дѣлѣ.

Благодаря же опытности и упражненію въ мореплаваніи они становятся хорошими кормчими; одни стали опыты въ управленіи транспортными судами, другіе—грузовыми, оные отсюда переходятъ въ тріеры. Многіе же могутъ прямо, явившись на корабль, взяться за весла, такъ какъ заранѣе привыкли ко всякимъ жизненнымъ условіямъ.

II.

1. Тяжело вооруженное войско, которое, кажется, у Афинъ находится въ наименѣ хорошемъ положеніи, въ такомъ положеніи находится съ намѣреніемъ. Они полагаютъ, что сами они и многочисленнѣе и малочисленнѣе враговъ; изъ союзниковъ, вносящихъ подать, они на сушѣ самые сильные, и они считаютъ достаточнымъ свое тяжеловооруженное войско, если они будутъ сильнѣе союзниковъ.
2. Сверхъ того, и обстоятельства случайно сложились для нихъ удачно: властвующимъ на сушѣ возможно сражаться, объединившись изъ малыхъ городовъ подъ одно начальствованіе; для властвующихъ же на морѣ, сколько бы ни было островитянъ, невозможно сѣдинить свои государства въ одно цѣлое, потому что море находится на срединѣ, господами же положенія являются господствующіе на морѣ. Еслибы и возможно было для островитянъ тайно собраться на одинъ островъ, то они погибнуть отъ голода.
3. Изъ государствъ же на материкѣ, управляемыхъ афинянами, крупныя управляются съ помощью страха, мелкія съ помощью выгодъ. Потому что нѣтъ ни одного государства, которое не нуждалось бы во ввозѣ и вывозѣ чего либо. А этого не будетъ у него, если оно не будетъ подвластно владыкамъ моря.
4. Затѣмъ государствамъ, господствующимъ на морѣ возможно всегда дѣлать то, что господствующія на сушѣ могутъ дѣлать лишь иногда, именно грабить страну болѣе сильныхъ; вѣдь, возможно приплыть и высадиться тамъ, гдѣ нѣтъ никакого врага или гдѣ онъ малочисленъ, если же придетъ болѣе многочисленный непріятель, то отплыть, сѣвши на корабли. И дѣлающій это менѣе нуждается, чѣмъ являющійся на помощь на сушѣ.
5. Затѣмъ господствующимъ на морѣ возможно отплывать отъ своей страны на столько, на сколько они хотятъ плыть; господствующимъ же на сушѣ нельзя удаляться отъ своей страны на много дней пути, потому что передвиженіе по сушѣ медленно и пѣхотѣ невозможно имѣть хлѣбъ на продолжительное время. Пѣхотѣ приходится идти по дружественной странѣ или

побѣдить въ сраженіи, морскому же войску, когда оно сильнѣе, возможно высадиться на сушу, а въ противномъ случаѣ, плыть мимо, пока придуть въ дружественную страну или къ уступающимъ имъ (силой).

Затѣмъ неурожай, который бываетъ отъ Зевса, государства, сильныя на сушѣ, переносятъ съ трудомъ, господствующія же на морѣ—легко. Вѣдь не вся же земля одновременно даетъ неурожай, такъ что господствующимъ на морѣ (припасы) привозятся изъ урожайныхъ мѣстъ.

Если же должно вспомнить и о менѣе важномъ, то благодаря господству на морѣ прежде всего встрѣчаясь въ разныхъ мѣстахъ и съ разными... они узнали всяческія вещи для пировъ

... что есть сладкаго въ Сициліи или въ Италіи, или на Кипрѣ, или въ Египтѣ, или въ Лидіи, или на Понтѣ, или въ Пелопоннесѣ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, все это собирается въ одно мѣсто благодаря господству на морѣ.

Затѣмъ, слушая всякую рѣчь, аѣиняне выбрали изъ одной одно, изъ другой другое. И въ то время какъ прочіе Элліны болѣе пользуются и собственнымъ говоромъ и собственнымъ образомъ жизни, и собственной одеждой, у аѣинянъ все смѣшанное отъ эллиновъ и варваровъ.

Жертвы оиміамоу, жертвоприношенія, праздники и святыни, народъ, зная, что нельзя каждому изъ бѣдныхъ приносить жертвы, пировать, приобрѣтать жертвенныхъ животныхъ и населять прекрасный и богатый городъ, нашелъ какимъ образомъ это будетъ. Государство на общественный счетъ приносить обильныя жертвы, народъ же является пирующимъ и дѣлящимъ по жребію жертвы.

И гимназіи, и бани, и раздѣвальни есть особыя у нѣкоторыхъ богачей, самъ же народъ себѣ воздвигаетъ много собственныхъ палестръ, раздѣваленъ и бань, и болѣе пользуется ими чернь, чѣмъ немногіе состоятельныя лица.

Изъ эллиновъ и варваровъ, одни только аѣиняне могутъ имѣть богатство. Вѣдь если какой нибудь городъ богатъ кораблестроительнымъ лѣсомъ, куда будетъ онъ сбывать его, если не убѣдить господь моря купить? Если же какой нибудь городъ

богатъ желѣзомъ, мѣдью или льномъ, куда онъ будетъ сбывать все это, если не убѣдить владыкъ моря. Изъ этого то у насъ и корабли: отъ одного дерево, отъ другого желѣзо, отъ третьяго мѣдь, отъ четвертаго льняная матерія, отъ пятого воскъ.

12. Кромѣ того тѣ, кто является нашими противниками, мы или воспрепятствуемъ продажѣ на сторону, или они будутъ пользоваться не моремъ. А я, не дѣлая ничего, изъ чужой страны все это имѣю благодаря морю, вѣдь ни одно государство не имѣетъ одновременно двухъ изъ этихъ вещей, въ немъ не бываетъ сразу лѣсъ и ленъ, но та страна, гдѣ всего больше льна, ровна и безлѣсна; въ одномъ и томъ же государствѣ не бываетъ желѣза и мѣди, или чего другого два или три въ одномъ государствѣ, но въ одномъ бываетъ одно, въ другомъ другое.
13. При этомъ еще вдоль всякаго берега бываетъ или выдающійся впередъ мысъ или лежащій вблизи островъ, или какое нибудь узкое мѣсто, такъ что господствующій на морѣ, блокируя здѣсь, можетъ вредить жителямъ материка.
14. Въ одномъ только у нихъ недостатокъ: если бы афиняне были господами моря, живя на островахъ, то они могли бы дѣлать зло по желанію, безъ всякаго риска, пока они господствуютъ надъ моремъ, и не бояться, чтобы ихъ земля была опустошена высадившимися врагами, теперь же землевладѣльцы, богатые афиняне, болѣе лѣстятъ врагамъ; а народъ, такъ какъ хорошо знаетъ, что враги у него ничего не сожгутъ и не разрушатъ, живетъ безъ страха и не лѣстятъ имъ.
15. Кромѣ того, афиняне освободились бы и отъ другого страха, если бы жили на островѣ, именно, ихъ городъ никогда не былъ бы измѣннически выданъ немногими, ворота не были бы открыты и врагъ не напалъ бы на нихъ врасплохъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло бы случиться это съ жителями острова? Ни одна часть гражданъ не бунтовала бы противъ народа, если бы они жили на островѣ; тогда какъ теперь, если бы стали враждовать, то враждовали бы въ надеждѣ на помощь со стороны враговъ, рассчитывая призвать ихъ себѣ по сушѣ. Если же

они жили бы на островѣ, то и съ этой стороны они были бы спокойны.

Такъ какъ съ начала имъ не пришлось жить на островѣ, то они теперь дѣлаютъ слѣдующее: все свое могущество они возлагаютъ на острова, вѣря въ господство на морѣ, и равнодушно смотрятъ на разграбленіе Аттики, зная, что, если они будутъ жалѣть о ней, то лишатся бѣльшаго количества другихъ благъ. Еще же для государствъ, имѣющихъ олигархическій образъ правленія, необходимо твердо соблюдать союзы и клятвы; вѣдь если они не остаются вѣрными договорамъ или переступаютъ клятвы, то терпящій несправедливость знаетъ, отъ кого онъ ее терпитъ, потому что невозможно прикрываться именами другихъ лицъ или отвратить обвиненіе отъ немногихъ, которые сдѣлали постановленіе. Все же, что постановляетъ народъ, возможно ему тотчасъ уничтожить одной исефизмой, приписать вину оратору или внесшему предложеніе и отрицать свою вину, въ другихъ случаяхъ они не были тогда въ собраніи и имъ не нравится то постановленіе. И если это окажется невыгодно для народа, то является тысячи предлоговъ, чтобы не дѣлать того, чего не хотятъ. И если случится какое нибудь несчастіе отъ народнаго постановленія, то народъ обвиняетъ, что немногіе люди, дѣлая вопреки ему, причинили вредъ, если же произойдетъ что хорошее, то онъ приписываетъ это себѣ.

И они не позволяютъ выводить въ комедіяхъ и злословить народъ, чтобы самимъ не слушать злословія, частныя же нападки поощряютъ: если кто нибудь захочетъ вывести въ комедіи кого нибудь, то они хорошо знаютъ, что представленный въ комедіи будетъ по большей части не изъ народа и не изъ толпы, но или богатый, или знатный, или могущественный. Изъ бѣдныхъ и сторонниковъ демократіи въ комедіи выводятся только немногіе, которые мѣшаются не въ свои дѣла и стараются чѣмъ нибудь выдаваться надъ народомъ, такъ что они не огорчаются, что въ комедіи представляются подобныя лица.

Итакъ я утверждаю, что афинскій народъ знаетъ, кто изъ гражданъ честные люди и кто негодяи, и, зная это, они любятъ людей удобныхъ и полезныхъ для нихъ самихъ, даже

если тѣ негодяи, честныхъ же людей болѣе ненавидятъ, такъ какъ думаютъ, что добродѣтель у нихъ служить для собственной пользы, но не зло народу.....

И наоборотъ, нѣкоторые, узнавъ, какова въ дѣйствительности природа демократіи, являются ея противниками.....

20. Я прощаю самому народу его демократичность, потому что всякому извинительно дѣлать себѣ полезное. Кто же, не будучи расположенъ къ народу, предпочитаетъ жить въ демократическомъ государствѣ, а не въ олигархическомъ, тотъ дѣлаетъ это съ злымъ умысломъ, зная, что злодѣю легче остаться безнаказаннымъ въ демократическомъ государствѣ, чѣмъ въ олигархическомъ.

III.

1. И относительно аѳинскаго государственнаго устройства, этотъ родъ его я не хвалю; но разъ они рѣшили ввести демократію, то, мнѣ кажется, что они хорошо охраняютъ ее, примѣняя выше указанныя средства.

Нѣкоторыя, я замѣчаю, порицаютъ аѳинянъ еще и за то, что иногда здѣсь нельзя человѣку, ожидающему даже годъ, вступить въ сношеніе съ совѣтомъ или народнымъ собраніемъ. И это въ Аѳинахъ происходитъ ни по чему другому, какъ потому, что вслѣдствіе множества дѣлъ занимающіеся ими не могутъ удовлетворить всѣхъ.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это можетъ быть, когда прежде всего нужно справлять столько праздниковъ, сколько не справляетъ ни одно греческое государство; въ праздники же съ меньшимъ удобствомъ можно исполнять только нѣкоторыя изъ государственныхъ дѣлъ. Затѣмъ должно разсмотрѣть столько общественныхъ и частныхъ жалобъ и отчетовъ, сколько не разсматриваетъ никто. А совѣтъ рѣшаетъ много дѣлъ и о войнѣ, и о денежныхъ доходахъ, и о законодательствѣ, и текуція городскія и государственныя дѣла, и дѣла о союзникахъ, о приѣмѣ подати, заботится о верфяхъ и о храмахъ. Что же удивительнаго, если при такомъ количествѣ дѣлъ невозможно удовлетворить всѣхъ людей?

Нѣкоторые говорятъ, что если кто явится въ совѣтъ или народное собраніе съ деньгами, дѣло того рѣшается. Я бы согласился съ ними, что въ Аѣинахъ многое совершается съ помощью денегъ, и еще больше бы совершилось, если бы давали больше денегъ. Однако я хорошо знаю, что городъ не способенъ удовлетворить всѣмъ нуждающимся въ судѣ, сколько бы кто ни давалъ аѣинянамъ золота и серебра.

Должно судить и въ тѣхъ случаяхъ, если кто не снарядилъ должнымъ образомъ свой корабль или если истратилъ на постройки что нибудь изъ общественныхъ суммъ. Кромѣ того надо произвести докимасію хореговъ при Діонисіяхъ, Оаргеліяхъ, Панаѣиніяхъ..... Прометейхъ и Гефестейхъ каждый годъ. Каждый годъ назначается 400 тріерарховъ и нужно относительно желающихъ изъ нихъ произвести докимасію изъ года въ годъ. Кромѣ того, надо произвести докимасію относительно властей, произвести развѣдки относительно сиротъ и назначить стражу для узниковъ.

По временамъ приходится судить дѣла по войску или если случится какое нибудь другое внезапное несправедливое дѣло, если кто нибудь совершить необычайное преступленіе или если явятся безбожники. Очень многое я еще пропускаю. Главнѣйшимъ дѣломъ затѣмъ считается назначеніе дани, и это бываетъ, какъ большая часть дѣлъ, каждый пятый годъ.

Что же? всего этого не должно, вы думаете, разбирать? Въ самомъ дѣлѣ пусть скажутъ, чего не слѣдовало подвергать разбирательству здѣсь, въ Аѣинахъ? Если же придется согласиться, что все это нужно подвергать разбирательству здѣсь, то это необходимо (дѣлать) въ теченіи года, а не какъ теперь, когда, творя судъ въ теченіи года, дѣлаютъ такъ, что въ виду массы людей отпускаютъ на свободу поступающихъ несправедливо.

На это кто нибудь скажетъ, что производить судъ, конечно, надо, но судей слишкомъ мало. Итакъ необходимо, если оказывается мало дикастеріевъ, увеличить ихъ число, если же увеличить ихъ число, то въ каждомъ судѣ будетъ мало судей, такъ что легче будетъ и хитростью приготовляться къ немно-

численнымъ судьямъ и подкупить, ибо надо согласиться, что меньшее число судей судить гораздо несправедливѣе.

8. Кромѣ того нужно подумать и о томъ, что аѳинянамъ приходится справлять праздники. въ которые нельзя производить судъ, а они справляютъ праздниковъ вдвое больше чѣмъ— другіе.

А я причисляю Аѳины къ городамъ справляющимъ наименьшее число праздниковъ.

Разъ обстоятельства находятся въ такомъ положеніи, я утверждаю, что въ Аѳинахъ нельзя вести дѣла инымъ образомъ, чѣмъ теперь, исключая самыхъ незначительныхъ измѣненій; значительнаго же ничего нельзя измѣнить безъ того, чтобы чего нибудь не отнять у демократіи.

9. Вѣдь дѣйствительно можно найти многое, чтобы улучшить государственный строй, но чтобы могла оставаться демократія въ достаточной степени, и чтобы при этомъ улучшился и государственный строй, это не легко придумать, развѣ, какъ я только что сказала, что нибудь отнять или прибавить изъ мелочей.
10. Мнѣ кажется, что аѳиняне не правильно постановляютъ рѣшенія, что въ возмущившихся государствахъ принимаютъ сторону худшихъ людей; они дѣлаютъ это съ намѣреніемъ, потому что, если бы они становились на сторону лучшихъ, то они принимали бы сторону лицъ, нисколько не заботящихся о нихъ самихъ. Вѣдь ни въ одномъ государствѣ лучшая часть населенія не сочувствуетъ демократіи..... но во всякомъ государствѣ ей сочувствуетъ самая худшая часть, потому что свой своему поневолѣ брать.
11. Поэтому аѳиняне выбираютъ подходящее для самихъ себя; всякій же разъ какъ они пытались принимать сторону лучшей части населенія, это не приносило имъ пользу, но..... скоро народъ сталъ рабомъ..... Беотійцамъ..... Когда они приняли сторону лучшихъ людей Милета, вскорѣ они, отложившись, ниспровергли демократію..... Когда же они приняли сторону лакедемонянъ противъ мессенцевъ, то лакедемоняне, подчинивъ мессенцевъ, вскорѣ начали войну съ аѳинянами.

11. Ктонибудь может предположить, что никто въ Афинахъ не лишился несправедливо гражданскихъ правъ. Я же утверждаю, что есть нѣкоторые люди, которые были лишены правъ несправедливо, хотя они и немногочислены. Но нѣтъ недостатка въ многихъ нападавшихъ на афинскую демократію.

Такъ какъ обычно не обращаютъ никакого вниманія на людей, которые справедливо подверглись лишенію правъ, а обращаютъ вниманіе на подвергнувшихся этому несправедливо, то несправедливо можетъ подумать ктонибудь, что въ Афинахъ многіе лишаются правъ, когда народъ является господиномъ власти. Въ Афинахъ лишены правъ бывають за злоупотребленіе властью и за несправедливые слова или поступки. Нужно принять это во вниманіе, чтобы не считать, что въ Афинахъ есть что то ужасное со стороны лишенныхъ правъ.

А. Захаровъ.

Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора.

Большая научная работа, произведенная въ послѣднее время для выясненія того, какъ работалъ и какими источниками пользовался великій греческій географъ Августовскаго времени, привела уже теперь къ ряду положительныхъ результатовъ ¹⁾.

Все болѣе и болѣе выясняется, что самъ Страбонъ ѣздилъ и наблюдалъ сравнительно мало, черпая почти весь свой матеріалъ изъ частью современныхъ ему, частью болѣе раннихъ географическихъ и историческихъ трудовъ. Такъ какъ Страбонъ единственный точно и хорошо освѣдомленный писатель, дающій полную картину *οἰκουμένης* въ географическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніи, причемъ для многихъ фактовъ онъ является единственнымъ свидѣтелемъ, то представляется настоятельно необходимымъ для каждой отдѣльной части его описанія по возможности выяснить, изъ какого источника то или другое описаніе взято и какъ эти источники другъ съ другомъ соединены. Надо помнить, что Страбонъ большія части своей работы беретъ изъ очень разновременныхъ источниковъ. Отвлекаясь отъ древнѣйшихъ, укажемъ, что наряду съ Эфоромъ онъ многое беретъ изъ александрійцевъ Эратосфена и Аполлодора, ближайшимъ образомъ связанъ съ Артемидоромъ изъ Эфеса, писавшимъ въ самомъ концѣ II в., и сверхъ того черпаетъ обильнѣйшимъ образомъ изъ исторической литературы II и I в. до Р. Хр. (Полибій, Посидоній, историки Миорадата и т. д.).

Абсолютно невозможно поэтому безъ подробнаго изслѣдованія каждаго даннаго случая пользоваться матеріаломъ, даваемымъ Страбономъ, если для насъ не безразлично, относится ли данное извѣстіе къ IV, III, II и I в.в. до Р. Хр. Не думаю, однако, чтобы

¹⁾ См. *M. Dubois*, Examen de la géographie de Strabon Paris 1891, стр. 153—285; *Christ—Schmid—Stählin*, Gesch. der gr. Literatur 5 изд. (1911), 316; *O. Steinbrück*, Die Quellen des Strabo im fünften Buche seiner Erdbeschreibung, Halle, 1909, 7 сзз.

вось много ученыхъ, для которыхъ вопросъ о датѣ извѣстія не имѣетъ бы рѣшающаго значенія для его использованія.

Части VII-ой и XI-ой книгъ Страбона, гдѣ онъ говоритъ объ европейской и азіатской части побережья Чернаго моря, поскольку входить въ предѣлы Россіи, а также отдѣльныя замѣчанія объ этихъ частяхъ Понтійскаго побережья, разсѣянные въ другихъ книгахъ нѣсколько разъ подвергнуты были болѣе или менѣе детальному вниманію съ интересующей насъ точки зрѣнія. Довольно тощая цитата Heilmann'a ¹⁾, интересное изслѣдованіе К. J. Neumann'a ²⁾, содержательная диссертация W. Fabricius'a ³⁾ дали довольно много количества матеріала для выясненія вопроса о составѣ интересующихъ насъ частей описанія Страбона, хотя рядъ вопросовъ остается, конечно, открытымъ и по сей часъ.

Не скажу, однако, чтобы ихъ работы оставили замѣтный слѣдъ въ историческихъ трудахъ, которыя посвящены изслѣдованію юга Россіи и вѣдѣ ея. Совершенно не считается, напримѣръ, основнымъ составомъ описанія Страбона даже новѣйшій англійскій вѣдѣ по исторіи юга Россіи Ellis H. Minns'a ⁴⁾.

Считаю поэтому нелишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ тѣ работы, къ которымъ привело меня внимательное чтеніе Страбона указанной точки зрѣнія и изученіе существующей по этому вопросу современной литературы.

Прежде всего надо отмѣтить, что во всемъ описаніи Страбона нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы Страбонъ былъ лично

¹⁾ C. Heilmann, Quibus auctoribus Strabo usus sit in describenda ora maris ab Asia Byzantio usque ad Tanain, Diss., Halle, 1885.

²⁾ K. J. Neumann, Strabos Landeskunde von Kaukasien, Jahrb. f. cl. Phil., (84), 319—354).

³⁾ W. Fabricius, Theophaues und Q. Dellius als Quellen der Geographie des Alterthums, Strassburg, 1888.

⁴⁾ Ellis H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge 1913. На этотъ недостатокъ Миннса я указалъ уже въ рецензій на его работу въ Ж. М. Н. Пр., 1914, ноябрь, 173 сл., ср. Philipp, Berl. phil. Woch., 1914, 371 сл. На правильной точкѣ зрения стоитъ Э. Р. Фокъ-Штернъ, О мѣстоположеніи древняго Херсонеса, Одесса 1913, 28 сл., но онъ беретъ для своего анализа только небольшой отрывокъ и даже объ источникахъ Страбона не касаются. Не задается вопросомъ объ источникахъ Страбона даже такой осторожный и осмотрительный изслѣдователь какъ П. П. Рыбниченко, Разысканія въ области готославянскихъ отношеній Спб. 1899, особ. стр. 176. Не видно, чтобы знакомъ былъ съ подлежащей литературой и А. А. Малиновскій, Замѣтки по географіи древней Таврики, Ж. М. Н. Пр., 1913, ноябрь, 474 сл.

знакомъ съ сѣвернымъ и восточнымъ побережьемъ Чернаго моря. Самъ онъ также нигдѣ этого не утверждаетъ. Хотя онъ и былъ родомъ изъ Понта и былъ знакомъ съ Черноморьемъ вообще, но врядъ ли есть основаніе предполагать, чтобы его тянуло въ эти отдаленныя и дикія мѣста¹⁾. Освѣдомленность его здѣсь чисто литературная. Нельзя сказать также, чтобы Страбону въ интересующихъ насъ частяхъ его труда удалось органически слить въ одно цѣлое разные его источники: швы видны вездѣ, и я не скажу даже, чтобы Страбонъ очень заботился о томъ, чтобы ихъ скрыть и загладить. Наконецъ, Страбонъ имѣетъ похвальную привычку довольна часто называть свои источники, хотя, конечно, не тамъ, гдѣ это намъ было бы особенно желательно.

Для нашей цѣли намъ особенно интересно разобраться въ слѣдующихъ отдѣлахъ работы Страбона: 1) описаніи побережья отъ Истра до Перекопскаго перешейка (VII, 3, 15—19, С 305—308), 2) описаніи Таврическаго полуострова (VII, 4, С 308—312) и 3) описаніи азіатской части Боспорскаго царства (XI, 2, С 492—499). Наиболѣе характерны и наименѣе изслѣдованы первыя двѣ части.

Построеніе всѣхъ этихъ частей одинаково. Вездѣ мы находимъ 1) периплъ, т. е. описаніе берега, рѣкъ, городовъ и гаваней, прилегающихъ племень; 2) историческія справки по поводу отдѣльных городовъ и племень; 3) общее описаніе страны, почти всегда также съ историческими справками.

Строеніе описанія сѣвернаго берега Чернаго моря до Таврическаго полуострова очень прозрачно. Отъ § 14 до § 17 (С 305 до С 307) вплоть до словъ: τῶν δὲ νομάδων αἱ σκηναὶ πλωταὶ κτλ. мы имѣемъ довольно скудный периплъ отъ Истра до Борисфена съ указаніемъ разстояній и названіемъ рѣкъ, городовъ и племень. Историческихъ справокъ двѣ: одна § 14, гдѣ вспоминаются походы Дарія и Лисимаха, другая въ § 17 по поводу Роксоланъ, гдѣ разсказывается о ихъ помощи Палаку въ борьбѣ съ Миорадатомъ и характеризуется ихъ вооруженіе (отъ словъ: οἱ δὲ Ῥωξολαννοὶ καὶ πρὸς τοῦ Μιθριδάτου Εὐπάτορος στρατηγούς ἐπολέμουν и до словъ: τοιοῦτοι δὲ καὶ τὸν ἄλλων οἱ πλείους). Къ периплу присоединено общее описаніе страны: обзоръ жизни кочевниковъ (конецъ § 17) и данныя о климатѣ

¹⁾ Strabo, II, 5, 11 С 117, ср. Dubois, I, I., 71 слл.

ны (§ 18), причемъ для иллюстраціи берется, главнымъ образомъ, истинность не около Ольвіи, а около Пантикапея. Здѣсь же два историческихъ экскурса: одинъ въ связи съ наблюденіями о замерзности Керченскаго пролива изъ исторіи Миорадата (битвы Неоптолема на проливѣ, лѣтомъ морская, зимою конная) и указаніе концы §: 'Ατέας δὲ δοκεῖ τῶν πλείστων ἄρχει τῶν ταύτῃ βαρβάρων ὁ Φίλιππον πολεμήσας τὸν Ἀρύντου. Наконецъ, § 19 содержитъ прощание перипла отъ Борисфена до Тамираки и Каркинитскаго залива.

Въ этомъ отрывкѣ характерно то, что очень скудный периплъ отмѣчаетъ Ольвію, не давая никакой исторической справки и вообще ничего ни о характерѣ города, ни о качествѣ его какъ порта. Любопытно и малое количество указанныхъ населенныхъ мѣстъ. Не входя пока въ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ периплъ и кто авторъ историческихъ справокъ, остановлюсь только на отрывкѣ, дающемъ общее описаніе страны.

Весь этотъ отрывокъ плохо соединенъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ и, уже на первый взглядъ, взятъ изъ другого источника. Этотъ источникъ, несомнѣнно, какъ на это указалъ уже Геродотъ¹⁾, Эратосфенъ. Это явно слѣдуетъ изъ замѣчанія: ῥήττονται καὶ ὁδοίαι, τὰ δ' ἐνόντα συμπήττεται. Эта лаконическая замѣтка явно сокращена изъ довольно подробнаго разсказа Эратосфена, сокращеннаго тѣмъ же Страбономъ (II, 1, 16, С 74), о посвященіи Стратіемъ въ храмъ Асклепія въ Пантикапей лопнувшей отъ гидрии, съ приведеніемъ эпиграммы на этой гидріи. Въ настоящемъ описаніи мы имѣемъ эпитому этого отрывка, и совершенно типичный характеръ эпитомы носить и все собраніе замѣтокъ о климатѣ, побережья Чернаго моря²⁾. Не можетъ быть поэтому сомнѣнія, что и весь отрывокъ взятъ у Эратосфена, включая и крат-

¹⁾ Berger, Die geographischen Fragmente des Eratosthenes, Leipzig, 1880, 183, 184, 13.

²⁾ Кстати замѣчу, что обыкновенно считаемое испорченнымъ соседнее мѣсто: ῥήττονται γὰρ ὁ διάπλους ὁ εἰς Φαναγόρειαν ἐκ τοῦ Παντικαπείου, ὥστε καὶ πηλὸν εἶναι καὶ κρημνιστὸν πηλὸν Meineke исправляетъ въ πλοῦν, что бессмысленно), вѣроятно, въ виду. Эратосфенъ, очевидно, имѣлъ въ виду описать грязную санную дорогу на зимѣ, т. е. на то, что дорога на льду имѣетъ видъ самой обыкновенной грунтовой дороги. Это описаніе Страбонъ сократилъ до невразумительности. Примерно сравнить это мѣсто съ замѣчаниями того же характера у Геродота, IV, 18, τὸ πηλὸς въ иномъ контекстѣ играетъ также немалую роль.

кое замѣчаніе о царѣ Атеѣ, заключающее отрывокъ и не вяжущееся ни съ текстомъ разсказа, ни съ эпохой Страбона.

Приведенное наблюденіе въ высокой степени цѣнно потому, что показываетъ, какъ хорошо знали Эратосеенъ Боспоръ и Пантикапей и какъ много цѣнныхъ данныхъ о немъ онъ сообщалъ въ своемъ произведеніи. Это характерно для его времени, когда Боспоръ въ жизни сѣв. побережья игралъ ту-же роль, какую въ эпоху Геродота, не знающаго Пантикапея, играла Ольвія.

Построеніе описанія Таврическаго полуострова совершенно такое-же, какъ и описаніе зап. части сѣв. побережья Чернаго моря (VII, 4). Въ началѣ Страбонъ сильно сократилъ лежавшій передъ нимъ периплъ, выбросивъ оттуда все описаніе побережья между перешейкомъ и Херсонесомъ. Поэтому и получилось въ началѣ § 2 невразумительное καὶ ἄλλος λιμήν. Очевидно, раньше упомянута была еще одна гавань побережья, вѣроятно, Ктенунтъ (см. ниже: οὗτος δὲ ποιεῖ πρὸς ἄλλον λιμένα Κτενούντα καλοῦμενον...) ¹⁾. Въ общемъ, оцѣ-

¹⁾ См. Э. Р. фонъ Штернъ, О мѣстоположеніи древняго Херсонеса, стр. 30; А. А. Малининъ, Замѣтки по географіи древней Таврики, Ж. М. Н. Пр. 1913, ноябрь, 479 слл., гдѣ дана обильная литература этого спорнаго вопроса. Къ сожалѣнію, работъ Штерна и Бертье авторъ не знаетъ. Его разрѣшеніе вопроса по существу меня совершенно не удовлетворяетъ: *πολίχνη*, конечно, не есть Херсонесъ, такъ какъ врядъ ли Страбонъ называлъ бы одинъ и тотъ же городъ однажды уважительно *πόλις*, другой разъ уменьшительно *πολίχνη*, именемъ совершенно къ реальному Херсонесу не подходящимъ. Не могу я себѣ представить и того, чтобы два рѣзко отличныя крымскія залива въ представленіи древнихъ были однимъ. Познакомившись со статьей Малинина уже по написаніи моего текста, я не счелъ нужнымъ чего либо въ немъ измѣнить. Его толкованіе ἐκπλέοντι лежитъ и въ основѣ моего представленія; очень радъ, что мы совпали и въ предположеніи о возможности толковать первый *ἄλλος λιμήν* въ связи со вторымъ *ἄλλος λιμήν*, которымъ является Ктенунтъ. Но по существу вопроса мнѣ представляется единственно правильнымъ мнѣніе В. В. Латышева (Ж. М. Н. Пр., 1892, Апрель), отвергнутое Малининымъ, съ тою, впрочемъ, непремѣнною модификаціей, что *въ текстѣ* Страбона пропуска нѣтъ, что онъ дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, невразумительность же объясняется исключительно тѣмъ, что и здѣсь, какъ и почти во всей своей книгѣ, Страбонъ не перерабатываетъ своего матеріала, а его экскерпируетъ или, лучше, сокращаетъ, причемъ механически соединяетъ въ одно цѣлое выдержки изъ источниковъ разныхъ категорій. Мы чувствуемъ пропускъ, и наше чувство насъ не обманываетъ, но пропускъ не въ дошедшемъ до насъ текстѣ Страбона, а въ его собственной рукописи. Совершенно ясно, что онъ не считалъ нужнымъ описывать неинтересное побережье между Евпаторіей и Севастополемъ, а прямо переходитъ къ Херсонесу. *Πολίχνη*, очевидно, какой то городокъ между Каркинитскимъ заливомъ и Херсонесомъ, и. б., переходя Евпаторію; упомянувъ его, Страбонъ пропускаетъ многое и переходитъ къ *ἄλλος λιμήν Χερροννησιῶν*. Можно ли толковать *ἄλλος* здѣсь, какъ „другой“ по отношенію къ главной гавани Херсонеса, мнѣ пока еще неясно. Надо было бы подобрать параллели изъ другихъ книгъ Страбона.

онъ точно пересказываетъ свой источникъ, съ указаніемъ разнѣй, городовъ, гаваней, прилегающихъ племень.

§ 1. *Σαπρὰ λίμνη*; § 2 Херсонесъ и его область; § 3 побережье Балаклавы (*Συμβόλων λιμὴν*) до Θεοδοσίη; § 4 отъ Θεοδοσίη до Пантикапея и Пантикапей; § 5 *στόμα τῆς Μαιώτιδος* (европейская сторона). Мэотида и кратко Танаисъ.

Начиная со словъ: *ἡ δὲ μεγάλη Χερρόνησος τῇ Πελοποννήσῳ προσέειδεν* общее описаніе Таврическаго полуострова, охватывающее § 6. § 7 даетъ дополненіе къ периплу, о которомъ ниже. § 8 связанъ съ описаніемъ полуострова и даетъ рядъ зоологическихъ замѣтокъ, правда, не связанныхъ спеціально съ Таврическимъ островомъ.

Обѣ эти большія части — периплъ и общее описаніе страны выпаны историческими экскурсами, ясно говорящими о своемъ происхожденіи.

Первая половина § 3 посвящена исторіи Херсонеса. Сообщая, однако, только то, что связываетъ Херсонесъ съ Миѳрадатомъ и привело его подъ власть Боспора, т. е. исторія нападенія Палака и отдачи Херсонесомъ себя во власть Миѳрадата. Дается экскурсъ характернымъ: *ἐξ ἐκείνου δὲ τοῦ χρόνου τοῖς τοῦ Βοσπόρου πόλεις ἢ τῶν Χερρονησιτῶν πόλεις ὑπήκουσεν μέχρι νῦν ἐστί.*

Въ § 4 при упоминаніи Θεοδοσίη въ источникѣ Страбона — периплъ, очевидно, стояло указаніе на то, что Θεοδοσίη составляетъ границу между Боспоромъ и землей тавровъ. Такъ какъ во всѣхъ историческихъ экскурсахъ Страбона постоянно повторяется, что весь таврический полуостровъ принадлежитъ царямъ Боспора, то соотвѣтственное мѣсто перипла Страбонъ слегка измѣняетъ, прибавляя *ὑπὸν*.

Всю вторую половину § 4 занимаетъ историческій экскурсъ о царѣ, присоединенный къ описанію Пантикапея. Здѣсь дается не только указаніе на отношеніе Пантикапея къ Миѳрадату, какъ при основаніи Херсонеса, а краткій очеркъ всей исторіи царства, начиная отъ основанія, продолжая Левкономъ, Сатиромъ и Перисадомъ, указывая на сдачу послѣднимъ Перисадомъ своего царства Миѳрадату и Пантикапею Боспоромъ, какъ вассальнымъ царствомъ Рима. Къ таврическому Боспору экскурсъ относится дружелюбно. Все мѣсто очень

характерно, почему и считаю нужным его выписать: κτίσμα δ' ἐστὶ τῶν Μιλήσιων ἐμναρχεῖτο δὲ πολὺν χρόνον ὑπὸ δυναστῶν τῶν περὶ Αἰώνιον καὶ Σάτυρον καὶ Παιρισάδην αὐτὴ τε καὶ αἱ πλησιόχωροι κατοικίαι πᾶσαι αἱ περὶ τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος ἐκατέρωθεν μέχρι Παιρισάδου τοῦ Μιθριδάτῃ παραδόντος τὴν ἀρχήν. ἐκαλοῦντο δὲ τύραννοι καίπερ οἱ πλείους ἐπικεῖς γεγονότες, ἀρξάντες ἀπὸ Παιρισάδου καὶ Λεύκωνος. Παιρισάδης δὲ καὶ θεὸς νενόμισται· τούτῳ δὲ ὁμιῶντες καὶ ὁ ὕστατος, ὃς οὐχ οἷός τε ὢν ἀντέχειν πρὸς βαρβάρους φόρον πραττομένους μείζω τοῦ πρότερον Μιθριδάτῃ τῷ Εὐπάτορι παρέδωκε τὴν ἀρχήν· ἐξ ἑκείνου δ' ἡ βασιλεῖα γεγένηται Ῥωμαίοις ὑπήκοος· τὸ μὲν οὖν πλεον αὐτῆς μέρος ἐστὶν ἐπὶ τῆς Εὐρώπῃς, μέρος δὲ τι καὶ ἐπὶ τῆς Ἀσίας.

Въ слѣдующемъ за этой исторической справкой общемъ описаніи Таврическаго полуострова (§ 5) дается сначала историческій очеркъ, тѣсно примыкающій къ выписанному историческому экскурсу и дающій намъ повѣсть, почему въ § 4 вставлено πρότερον.

Послѣ улодобленія Таврики Пелопоннесу идетъ историческая справка: ἔχουσι δ' αὐτὴν οἱ τοῦ Βοσπόρου δυνάσται κεικακωμένην πᾶσαν ὑπὸ τῶν συνεχῶν πολέμων· πρότερον δ' εἶχον ὀλίγην μὲν τὴν πρὸς τῷ στόματι τῆς Μαιώτιδος καὶ τῷ Παντικαπαίῳ μέχρι Θεοδοσίας τῶν Βοσπορίων τύραννοι, τὴν δὲ πλείστην μέχρι τοῦ ἰσθμοῦ καὶ τοῦ κόλπου τοῦ Καρκινίου Ταῦροι, Σκυθικὸν ἔθνος· καὶ ἐκαλεῖτο ἡ χώρα πᾶσα αὕτη, σχεδὸν δὲ τι καὶ ἡ ἔξω τοῦ ἰσθμοῦ μέχρι Βορυσθένους, Μιχρὰ Σκυθία.

Въ § 6 идетъ затѣмъ описаніе плодородія страны и нравовъ ея обитателей земледѣльцевъ и номадовъ. И сюда вставлена, въ общемъ четвертая, историческая справка. Сообщается о высотѣ дани, которую платило Миерадату Боспорское царство, включавшее въ эпоху Миерадата въ свой составъ весь Таврическій полуостровъ и Синдику. Въ связи съ этимъ указывается, что до этого хлѣбъ посылался въ Аоніи и упоминается сумма вывоза изъ Θεοδοσίи при Левконѣ.

Характеристика нравовъ земледѣльцевъ и номадовъ препарирована Страбономъ въ духѣ его идеализирующаго взгляда на номадовъ, о которомъ онъ такъ много говоритъ, примыкая къ Эфору и полемизируя съ Эратосѣеномъ и Аполлодоромъ въ 3 главѣ VIII книги.

Въ концѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ обложеніи номадами давнѣе сосѣдей, сообщается пятая историческая справка объ Асандровомъ валѣ съ большими подробностями, причемъ какъ источникъ этой справки указывается Гипсикратъ.

Шестой исторической справкой является весь § 7. Здѣсь изъ перипла, говорившаго о войнѣ Миорадата и Палака, перечислены, въ дополненіе къ периплу, города Палака и крѣпость, основанная Діофантомъ около Херсонеса—Евпаторій. Въ связи съ этимъ эпизодомъ разсказывается одинъ эпизодъ изъ осады Херсонеса Палакомъ, м. б., тотъ же, который разсказываетъ и надпись, поставленная въ честь Діофанта¹⁾.

Кончается экскурсъ знакомымъ уже намъ припѣвомъ: καὶ νῦν ποτὶς τῶν Βοσπορανῶν βασιλεῦσιν, οὓς ἂν Ῥωμαῖοι καταστήσωσιν, ἅπαντά τε. Въ § 8 историческихъ экскурсовъ нѣтъ.

Не буду и здѣсь пока касаться вопроса объ авторѣ перипла, источникѣ историческихъ справокъ. Скажу и здѣсь только объ одномъ описаніи. Такихъ определенныхъ данныхъ, какъ въ § 4, здѣсь не имѣемъ. Возможно поэтому, что здѣсь съ нами говоритъ не Эратосѣенъ, которому по характеру сообщаемыхъ данныхъ принадлежитъ, почти несомѣнно, § 8. Связь общаго описанія со старой πρότερον въ § 6 позволяетъ даже, какъ будто, видѣть въ описаніи то же лицо, которое составило и периплъ. Но, съ другой стороны, сравненіе Таврики съ Пелопонесомъ и вплетенная въ характеристику земледѣльцевъ и пастуховъ критика Страбона дѣ-

¹⁾ См. разборъ этого эпизода у Э. Р. фонъ-Штерна, ук. соч., 34 слл. Тамъ же литература вопроса. Источникомъ изложенія этого эпизода ф.-Штернь считаетъ не этотъ сборникъ стратегемъ, что абсолютно невозможно. Я не вижу нигдѣ у Страбона указаній на пользованіе такого рода источникомъ. Въ основѣ лежитъ, несомнѣнно, одна изъ исторій царствованія Миорадата, см. ниже. Разсказъ объ эпизодѣ вѣроятнѣе только потому, что Страбонъ стянулъ его до лаконичности. Но весь эпизодъ врядъ ли говорить за то, что это тотъ же эпизодъ, который упоминаетъ Плутархъ, какъ думаетъ Нисе (Rh. Mus., 42, 560 слл.). Скорѣе въ надписи мы имѣемъ описаніе о прорывѣ блокады Херсонеса или лучше всей или части Херсонесской территоріи, отдѣленной и защищенной стѣною, шедшей отъ конца Южной бухты до одного изъ заливовъ между Карантинной и Балаклавской бухтами. Прорывъ блокады не могъ быть сдѣланъ съ суши и осуществленъ былъ неожиданно для врага черезъ Южную бухту. Въ Херсонесской территоріи Діофантъ построилъ крѣпость Евпаторій и соединилъ ее плотиною съ Херсонесомъ. Плотина нужна была не только, чтобы общаться, не выходя за стѣны какъ Херсонеса, такъ и Евпаторіи. Историческіе детали однако будутъ установлены только тогда, когда система защитнаго вооруженія Херсонесскаго полуострова будетъ такъ же хорошо изучена, какъ нынѣ работамъ Бертье-Делагарда, Косцюшки-Валюжича, Печенкина и Лепера изучена двойная стѣна, отдѣляющая отъ степи полуостровъ около маяка. Съ этой стѣной нельзя медлить. Черезъ нѣсколько лѣтъ она будетъ невозможной.

лають тѣмъ не менѣ весьма вѣроятнымъ, что и здѣсь авторомъ общаго описанія надо считать Эратосеена.

Подробный разборъ главы второй XI кн. Нейманомъ избавляетъ меня отъ необходимости такъ же подробно характеризовать этотъ отрывокъ Страбона. Считаю, однако, нужнымъ и здѣсь отмѣтить историческіе экскурсы, вкрапленные въ периплъ, такъ какъ въ ихъ оцѣнкѣ я сильно расхожусь и съ Нейманомъ, и съ Фабриціусомъ. Большинство этихъ экскурсовъ связано не столько съ Миѳрадатовъ, сколько съ позднѣйшими царями Боспора. Въ § 2. въ описаніи Танаида, дана справка о разрушеніи города Полемономъ. Въ § 11 перечисленіе именъ перипла прерывается вставкой объ Аспургіанахъ и о гибели царя Полемона (ср. XII, 3, 29). Къ этому присоединяются данныя о власти боспорскихъ царей надъ азіатскими мѣстами со ссылками на Фарнака, Асандра и Полемона (ср. XIII, 4, 3). Въ § 13 противопоставляются данныя о племенахъ Кавказскаго побережья, сообщаемыя Артемидоромъ изъ Эфеса (эти же данныя сообщены выше въ периплѣ), и данныя, взятыя Страбономъ у *οἱ τὰ Μηδριδικὰ συγγραψάντες* (§ 14). Ясно, что весь экскурсъ, обнимающій § 11, 12 и 13 вмѣстѣ съ нелестнымъ для Рима замѣчаніемъ: *ἐν ρέν οὖν τοῖς δυναστευομένοις τόποις ἐστὶ τις βρομία* (противъ пиратовъ) *ἐκ τῶν ἡγεμόνων τοῖς ἀδικουμένοις ἀντεπιτίθενται γὰρ πολλάκις καὶ κατάγουσιν αὐτάνδρους τὰς καμάρας. ἥ δ' ὑπὸ Ῥωμαίοις ἀβροθήτοτέρα ἐστὶ διὰ τὴν ὀλιγορίαν τῶν πεμπομένων*, заимствованъ изъ упоминаемыхъ историковъ Миѳрадата. Интересно отмѣтить, что въ этихъ §§, гдѣ рѣчь идетъ о пиратахъ кавказскаго побережья, имѣются ссылки на политику боспорскихъ царей по отношенію къ нимъ.

Наконецъ, по поводу Колхиды (§ 17 и 18), упоминаются цари Фарнакъ и Миѳрадаты Пергамскій, а историческая справка по исторіи Колхиды (§ 18) кончается на Полемонѣ, причемъ единственный разъ Страбонъ, явно отъ себя, упоминаетъ въ настоящемъ времени о власти надъ страной Пифодориды.

Послѣ этого анализа мы вправѣ теперь спросить себя, кто-же авторъ перипла и отъ кого взялъ Страбонъ свои историческія справки. На первый вопросъ отвѣтъ данъ былъ уже Нейманомъ. Сопоставленіе начала гл. 2 въ кн. XI съ концомъ гл. 4 въ кн. VII ясно показало, что периплъ въ обѣихъ частяхъ использованъ одинъ

тѣ же, имя же автора перипла называется самъ Страбонъ XI, 3. Это Артемидоръ Эфесскій, время жизни котораго (конецъ 1 в.) точно опредѣляется перипломъ Маркіана.

Этотъ же перипль Артемидора лежитъ въ основѣ описанія и одной части сѣв. побережья Чернаго моря. Нѣкоторую путаницу въ этотъ ясный вопросъ внесъ Neilmann въ указанной выше диссертціи. Напирая на сокращенный характеръ изложенія Страбона, малое количество указаній разстояній, на краткую характеристику многочисленныхъ указанныхъ населенныхъ пунктовъ и сравнительно данныя съ подробной характеристикой Таврическаго полуострова, онъ приходитъ къ выводу, что авторомъ обѣихъ частей не могъ быть одно и то-же лицо. Такъ какъ Страбонъ въ контролѣ о числѣ рукавовъ въ устьѣ Дуная цитируетъ Эфора, то Neilmann, не долго думая, считаетъ, что и перипль Страбонъ взялъ у Эфора. Это однако не вяжется съ перечисленіемъ племенъ, и потому Neilmann, правда съ нѣкоторыми колебаніями, утверждаетъ, что это перечисленіе Страбонъ прибавилъ отъ себя.

Всѣ эти соображенія одинаково неосновательны. Эфора Страбонъ приводитъ, чтобы отвергнуть его мнѣніе, очевидно, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ его главнаго источника. Отъ себя указать на какое-либо племя на сѣв. отъ Чернаго моря Страбонъ не могъ, такъ какъ этихъ мѣстъ не зналъ. Между тѣмъ, схему этого распростиранія онъ зналъ твердо, что показываетъ повтореніе ея Страбономъ многократно въ другихъ мѣстахъ своего труда (см. II, 5, 7, С 114; 2, С 118; 30; VIII, 1, 1; 2, 4); и вездѣ, кромѣ того, онъ постоянно повторяетъ, очевидно, слова своего источника, что къ сѣв. отъ Гоксолановъ расселеніе племенъ ему неизвѣстно. Не могъ быть Эфоръ источникомъ Страбона и потому, что перипль Страбона совпадаетъ съ перипломъ пс. Скимна не въ той его части, которая названа у Эфора, а въ той, которая взята изъ Деметрія изъ Каллатты (см. ст. 797: οὗτοι Θράκες καὶ Βαστάρνοι ἐπὶ ἡλιδες). Не очень отягощаю я и на несовпадающія, якобы, цифры разстояній Страбона перипла и перипла Анонима, идущаго (во всѣхъ цифрахъ?) отъ Артемидора. Въ концѣ концовъ точно засвидѣтельствована только одна цифра Артемидора—отъ Кремнискъ до Тиръ 480 стад., а той цифры Страбонъ какъ разъ не даетъ.

Вопросъ о томъ, почему периплъ Страбона такъ кратокъ для зап. части побережья и такъ подробенъ для Таврики, разрѣшается поэтому не тѣмъ, что въ обѣихъ частяхъ источники Страбона разные. Надо думать, либо что Страбонъ здѣсь сильно сократилъ и стянулъ Артемидора, не интересуясь этой частью побережья, либо что Артемидоръ самъ хуже зналъ эту часть, чѣмъ часть зависящую отъ Боспора и Херсонеса. Надо помнить то состояніе, въ которомъ находились эти мѣста во II в., когда Ольвія еле держалась подъ напоромъ гетовъ и доступъ чужеземцамъ вглубь страны былъ почти прегражденъ. Несомнѣнно, что въ это время палъ и рядъ мелкихъ населенныхъ пунктовъ по теченію великихъ рѣкъ и число ихъ свелось до минимума, отмѣчаемаго Страбономъ. Вся торговля, очевидно, шла по Черному морю, минуя Ольвію, и автору перипла конца II в. незачѣмъ было долге останавливаться на этомъ пустынномъ и мало посѣщавшемся побережьи. Данныя Артемидора посократилъ, очевидно, и Страбонъ, такъ какъ въ его время дѣла побережья измѣнились скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему.

Гораздо сложнее вопросъ о томъ, откуда взялъ Страбонъ свои историческія справки. Ясно, прежде всего, что въ рукахъ Страбона имѣлся одинъ авторъ, а не множественность. Ясно также, что этотъ авторъ ставилъ въ центрѣ своего произведенія личность и исторію Миорадата и что съ этой точки зрѣнія Страбонъ и знаетъ исторію нашего юга, если отвлечься отъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи Скиѳіи, какъ походы Дарея, Филиппа и Лисимаха. Въ рукахъ Страбона находился такимъ образомъ одинъ изъ той группы писателей, которыхъ онъ объединяетъ (XI, 2, 14) именемъ *οἱ τὰ Μιθριδάτηα συγγραφεύς*.

Въ наукѣ больше занимались вопросомъ объ имени этого автора, чѣмъ о характерѣ того труда, который лежитъ въ основѣ историческихъ экскурсовъ Страбона, а, между тѣмъ, важно только послѣднее.

Попытаемся выяснитъ, прежде всего, именно этотъ вопросъ. Дегальность историческихъ свѣдѣній Страбона объ исторіи сѣв. и вост. берега Чернаго моря въ эпоху Миорадата и его преемниковъ показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ общей исторіей Рима того времени, а со спеціальной исторіей Миорадата, включая, вѣроятно,

и преемниковъ. Исключается поэтому Посидоній, который и цитируется Страбономъ только по одному детальному вопросу о сыновей Скилура.

И не сталъ бы утверждать, что этотъ источникъ былъ вполне веренъ римлянь. Точка зрѣнія Страбона отдаетъ должное и именамъ и особенно Миорадату, какъ это ясно изъ самаго начала его см. I, 2, 1, С 14: καὶ γὰρ ὁ πολὺ τι τοῖς νῦν ἢ τῶν Ῥωμαίων ἐπικρά-
... τῶν Παρθυσίων τῆς τοιαύτης ἐμπειρίας προσδεδώκε, καθάπερ τοῖς με-
... Ἀλεξάνδρου στρατείαν, ὡς φησὶν Ἐρατοσθένης и дальше: τὰ δὲ ἐπέ-
... χυρι Μαιωτῶν καὶ τῆς εἰς Κόλχους τελευτώσης παραλίας Μιθριδάτης
... εἰς Εὐπάτωρ ἐποίησε γνῶριμα καὶ οἱ ἐκείνου στρατηγοί, и, наконецъ,
... Παρθυαῖοι τὰ περὶ τὴν Ὑрканиάν καὶ τὴν Βακτριανὴν καὶ τοὺς ὑπὲρ
... Σκόθας γνῶριμωτέρους ἡμῖν ἐποίησαν, ἥττον γνῶριζομένους ὑπὸ τῶν
... τῶν.

Помимо того, что здѣсь Страбонъ ясно подчеркиваетъ источ-
... своихъ свѣдѣній о Боспорскомъ царствѣ и Кавказѣ, онъ гово-
... Миорадатъ и его культурномъ дѣлѣ съ глубокимъ уваже-
... ставя его на одну доску съ римлянами и парфянами. Съ
... надо поставить въ связь и указанное выше противопоставле-
... ний и римскихъ намѣстниковъ, гдѣ явно сказывается недо-
... послѣдними.

Характерно, кромѣ того, что свои историческіе экскурсы, какъ
... шли, Страбонъ всегда доводитъ до ближайшихъ къ его вре-
... преемниковъ Миорадата, причемъ въ исторіи Боспорскаго
... останавливается на Полемонѣ. Говоря о Таврическомъ полу-
... онъ, кромѣ того, трижды подчеркиваетъ, что весь онъ,
... и Херсонесъ, принадлежить Боспорскимъ царямъ (§§ 3, 5 и 7).
... свѣдомленность источника Страбона о боспорскомъ царствѣ
... желая. Онъ знаетъ всю исторію Боспора съ древнѣйшихъ
... мѣ, особенно же хорошо исторію т. наз. тиранновъ, преи-
... вленно V и IV в. до Р. Хр. Ихъ онъ строго отличаетъ отъ
... шихъ послѣ-миорададовскихъ династовъ и царей (δυναστε-
... ρεῖς). Источникъ его для исторіи боспорскихъ тиранновъ
... нать ихъ исторію съ дружественной для нихъ точки зрѣнія,
... Страбонъ даже оговаривается, что терминъ тираннъ надо
... въ примѣненіи къ боспорскимъ тираннамъ не въ обыч-

номъ уничижительномъ смыслѣ. Характерно, что та-же точка зрѣнія имѣется и у Хрисиппа (см. Plut., περί στοιχῶν ἐναντιοματῶν, 20; Strabo VII, 3, 8), древнѣйшаго нашего свидѣтеля о Левконѣ. Очевидно, она идетъ или изъ аеинскаго источника, или, что гораздо болѣе вѣроятно, изъ мѣстнаго историческаго труда или трудовъ, трактовавшихъ исторію боспорскихъ тиранновъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы знаемъ Сирииска, историка Херсонеса, мы не вправе думать, что у Боспора не было своихъ историковъ, когда соперница Боспора, Гераклея понтійская, имѣла ихъ цѣлый рядъ ¹⁾).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что источникъ Страбона трактовалъ исторію Миерадата, причемъ тамъ, гдѣ говорилось о завоеваніи Боспора Миерадатомъ, сообщилъ важнѣйшія данныя изъ исторіи Боспора, главнымъ образомъ, изъ эпохи наибольшаго расцвѣта царства. При этомъ и дальнѣйшая исторія Миерадата рассказывалась въ связи съ исторіей сѣверной части его царства. Но нашъ историкъ на этомъ не останавливался; онъ излагалъ исторію основныхъ частей царства Миерадата и для болѣе поздней эпохи, доводя ее до своего времени, что для Боспора совпадаетъ со временемъ Полемона, т. е. съ эпохой полного подчиненія Боспора Риму. Дополнять его Страбону пришлось только для исторіи Понта и Кавказа при Птодоридѣ. Олвія остается внѣ поля зрѣнія нашего автора очевидно потому, что ея связь съ царствомъ Миерадата была внѣшней и временной ²⁾. Мало вѣроятнымъ представляется мнѣ, чтобы полководцы Миерадата заходили въ своихъ завоеваніяхъ такъ далеко. Я не сомнѣваюсь, что, если бы Страбонъ, называя башню Неоптолема, зналъ, что она создана полководцемъ Миерадата, онъ бы сообщилъ намъ о ней что-либо, какъ онъ сообщаетъ намъ интересныя данныя по поводу кастеля Евпаторія около Херсонеса. Не забудемъ, что въ этомъ же отдѣлѣ Страбонъ упоминаетъ эпизоды и изъ похода Діофанта, и изъ похода Неоптолема ³⁾.

¹⁾ Объ этомъ я говорю подробно въ статьѣ „Амага и Тиргатао“, Зап. Общ. ист. и древн., XXXII.

²⁾ См. мою статью „Миерадатъ Понтійскій и Олвія“ И. И. А. К., 23, стр. 21 слл.

³⁾ Въ указанномъ въ текстѣ смыслѣ я долженъ ограничить то, что сказано мной въ вышеуказанной статьѣ. Доводъ Нисе (Rh. Mus. 49 (1887), 569 слл.) о башнѣ Неоптолема приходится отбросить. Но возможность добровольнаго подчиненія Олвіи Миерадату отнюдь не устранивается.

Если искать имени для нашего историка-источника Страбона, придется прежде всего отвергнуть мысль Нисе¹⁾, что это Діофантъ, полководец Миерадата. Страбонъ упоминаетъ Діофанта, какъ воеводу, но нигдѣ не говоритъ о немъ, какъ о писателѣ, что противѣствуетъ манерѣ Страбона, вообще такъ или иначе цитируемаго свои источники. Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, что нашъ Діофантъ есть авторъ извѣстныхъ *Ποιτικῶν*. Достаточно взглянуть на данныя о немъ у самого Нисе, чтобы убѣдиться въ правильности точки зрѣнія Шварца на время дѣятельности Діофанта, автора *Ποιτικῶν*²⁾.

Посидонія я уже устранилъ выше и возвращаться къ нему не буду.

Остаются два имени: Теофанъ изъ Митилены, другъ Помпея, Гипсикратъ изъ Амиса; обоихъ ихъ Страбонъ цитируетъ. Теофанъ цитируется часто, но всегда либо для географическихъ подробностей Боспорѣ, либо для событій, связанныхъ съ походами Миерадата въ Боспоръ (см. Fr. h. gr. III, 315 сл., ср. указанная выше работы Мюллера и Фабриціуса). Гипсикратъ цитируется дважды: одинъ разъ упоминаемъ выше мѣстѣ для Асандрова вала, другой разъ по поводу разбитаго въ противовѣсъ Теофану (см. Müller, Fr. hist. gr. III, 314). Но надо принять во вниманіе, что Теофанъ писалъ исторію Помпеевой войны съ Миерадатами и потому врядъ ли онъ имѣлъ возможность подробно говорить о Боспорѣ; кромѣ того онъ, Теофанъ, не могъ говорить объ исторіи Понта и зависимыхъ отъ него странъ Миерадатѣ странъ въ эпоху Фарнака, Миерадата Пергамскаго, Асандра и Полемона I-го.

Темъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ Гипсикратъ. Онъ, какъ и Теофанъ, былъ родомъ изъ Понта (изъ Амиса), слѣдовательно, онъ хорошо знаетъ Боспоръ, который съ Амисомъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Кромѣ того, судя по цитатѣ Страбона и по сообщенію Флавія Юсіфа (Ant. Jud. XIV, 8, 3), онъ писалъ о времени Фарнака и Асандра, наконецъ, онъ дожилъ до преклоннаго возраста (92 г.) и такимъ образомъ, будучи даже современникомъ Миерадата въ ранней юности, могъ описать правленіе Полемона I-го

¹⁾ B. Niese, l. l., 568.

²⁾ Pauly—Wissowa, R. E., V, 1051, № 14.

(ум. 8 г. до Р. Хр.). Впрочемъ, дѣлать его современникомъ Миорадата нѣтъ никакой необходимости. Судя по цитатамъ, исторія его пользовалась достаточно широкой извѣстностью.

Поэтому мнѣ и кажется очень вѣроятнымъ, что историческія справки VII книги, гдѣ Теофанъ совсѣмъ не цитируется, взяты изъ исторіи Гипсикрата и что въ XI книгѣ всѣ справки, гдѣ называются цари послѣ Миорадата, заимствованы Страбономъ изъ этого же труда. При этомъ я отнюдь не отрицаю, что Страбонъ въ XI кн., наряду съ Артемидоромъ изъ Эфеса, широко пользовался и Теофаномъ, какъ это показали Нейманъ и Фабриціусъ. Думаю, однако, что его конкуррентомъ для историческихъ справокъ, а также и для кое-какихъ географическихъ указаній былъ Гипсикратъ, котораго Страбонъ (XI, 5, 1, С 504) аттестуетъ наряду съ Метродоромъ изъ Скепсиса, какъ хорошихъ знатоковъ данныхъ мѣстностей.

Полученные результаты, какъ согласятся со мной всѣ изслѣдователи исторіи сѣв. побережья Чернаго моря, имѣютъ немаловажное значеніе. Ясно, что сбрасывать въ одну кучу данныя Эратосфена, Артемидора Эфесскаго и писателя, почти современнаго Страбону, совершенно невозможно. Приходится поэтому считатьъ съ отдѣльными частями описанія Страбона, какъ съ самостоятельными и разновременными данными. Дѣлать изъ этого соответствующіе историческіе выводы здѣсь, конечно, не мѣсто. Но укажу, напримѣръ, на то, что распредѣленіе племенъ за Днѣпромъ будетъ, если принять мои выводы, характеризовать не время Страбона, а гораздо болѣе отдаленное прошлое: если не конецъ II-го в. до Р. Хр., то, м. б., даже эпоху Деметрія изъ Каллатиса. Наоборотъ, племя Аспуріанъ, приводимое Страбономъ въ связи съ Артемидоровскимъ спискомъ племенъ, какъ нѣчто незнакомое Артемидору, оказывается такимъ образомъ новымъ послѣ-Миорададовскимъ образованіемъ, что подтверждаетъ мое мнѣніе о связи этого «племени» съ дружиной Аспурга.

Все это, впрочемъ, отдѣльные моменты. Использовать мои выводы въ цѣломъ возможно только въ общей трактовкѣ исторіи Боспорскаго царства.

М. И. Ростовцевъ.

В одномъ элегическомъ фрагментѣ Симонида Кейскаго.

Въ недавно напечатанной статьѣ о Симонидѣ Аморгскомъ (ж. «Унив. Извѣстія» 1913 іюнь, также отдѣльн. оттискъ) я стараюсь въ новомъ свѣтѣ представить творчество этого поэта, разсматривая, что фрагменты 1, 7, 24, быть можетъ, также 6 — разрозненные части, «disiecta membra» болѣе крупнаго цѣлостнаго, представлявшаго, по всей вѣроятности, дидактическій эпосъ, примыкающій къ поэмамъ Гезіода и въ свою очередь представляющій собою особую полосу въ греческой поэзіи. Отмѣчая многочисленные слѣды вліянія Симонида на позднѣйшихъ поэтовъ, я оставилъ безъ вниманія одинъ случай, гдѣ это вліяніе скажется особенно рельефно и ярко, — разумѣю одинъ элегическій фрагментъ, печатаемый въ собраніи фрагментовъ Симонида Кейскаго (Bergk). Восполняя въ настоящей замѣткѣ это упущеніе, стараюсь также попутно возстановить правильное пониманіе творенія, нѣсколько затемненное новѣйшей экзегезой. Вотъ этотъ, сохранный Стобеемъ (Flor. 98, 29):

Ἐν δὲ τῷ κάλλιστον Χίος ἔειπεν ἀνὴρ·
οἷη περ φύλλων γενεή, τοίη δὲ καὶ ἀνδρῶν·
παῦροι μὲν θνητῶν οὔασι δεξάμενοι
στέρνοις ἐγκατέθεντο· πάρεστι γὰρ ἐλπίς ἐκάστω,
ἀνδρῶν ἥτε νέων στήθεσιν ἐμφύεται·
θνητῶν δ' ὄφρα τις ἀνθὸς ἔχῃ πολυήρατον ἥβης,
κοῦρον ἔχων θυμὸν πολλ' ἀτέλεστα νοεῖ·
οὔτε γὰρ ἐλπίδ' ἔχει γηράσμεν οὔτε θανεῖσθαι,
οὔδ' ὕμνης ὅταν ᾗ, φροντίδ' ἔχει καμάρου
νήπιοι, οἷς ταύτῃ καίται νόος, οὔδ' ἴσασιν,
ὥς χρόνος ἔσθ' ἥβης καὶ βίотου ὀλίγος
θνητοῖς· ἀλλὰ σὺ ταῦτα μαθὼν βίотου ποτὶ τέρμα
ψυχῇ τῶν ἀγαθῶν τλήθῃ· χαρίζομενος (по Bergk'y)

А вотъ его прозаическій, почти буквальный переводъ:

«Одно прекраснѣйшее слово произнесъ мужъ изъ Хіоса:» *каковы покольнія листьевъ, таковы и людей*. Но немвогіе изъ смертныхъ, схвативъ его ухомъ, приняли къ сердцу. Вѣдь у всякаго есть надежда, что крѣпко въстаетъ въ грудь молодую ¹⁾. Пока человѣкъ владѣтъ вождельнымъ цвѣткомъ юности, онъ, легкомысленный, много замышляетъ неисполнимаго; вѣдь не вѣрится ему, что онъ состарится и умретъ, и, пока есть здоровье, ни во что ставитъ труды. Да, глупы тѣ, у кого такъ налаженъ умъ, и не знаютъ они, что непродолжительно у смертныхъ время юности и жизни. Но ты, понявъ это, дерзай до конца жизни благами ея тѣшить свое сердце» ²⁾.

Знаючи греческой литературы давно уже обратили вниманіе на идейную близость этой элегіи первому фрагменту Аморгинца, который я также приведу здѣсь въ переводѣ (см. Симон. Аморг. стр. 3—4):

«Дитя мое! Зевсъ тяжело разящій вершитъ все существующее и располагаетъ имъ, какъ хочетъ. Разумъ же не присущъ людямъ, но, недолговѣчные подобно растеніямъ, мы живемъ, не вѣдая ни сколько, какой конецъ каждому уготовить Богъ. Но надежда и легковѣріе живитъ всѣхъ, лелѣющихъ (въ душѣ) несбыточное, — и одинъ ждетъ наступленія дня, другой оборота лѣтъ (что осуществитъ его мечту), — и нѣтъ никого среди смертныхъ, кто бы не думалъ въ ближайшемъ году богатствомъ и благами возвыситься

¹⁾ Я не согласенъ съ проф. А. Э. Семеновымъ который чтеніе свое ἀνδρῶν τε νέων στῆθεσιν ἐμφύεται (Симонидъ Кеосскій, Нѣжинъ 1912 стр. 123) переводитъ (надежда) «которая живетъ и въ груди мужа и въ груди юноши». Вѣдь ἀνδρῶν... νέων составляетъ одно понятіе и равносильно: νεανίσκων (юношей), — срв. Theog. v. 241—2 καὶ σε σὺν αὐλίσκοισι λιγυρόδωγος νέος ἄνδρες... ἔσονται; частица τε, писать-ли ее выѣтъ съ предыдущимъ словомъ или раздѣльно, относится все равно къ нему и при истолкованіяхъ οἷος, ὅσος, ὅς имѣетъ многочисленныя аналогіи, срв. Minnert. frg. 2 v. 1. ib. v. 8; frg. 5 v. 7 и т. д.

²⁾ τῶν ἀγαθῶν—genit. partit., какъ въ Hom. Od. I 140: εἶδεναι πόλλ' ἀγαθῶν, χαρίζομένη παρεόντων; VII 166: δότω ἔνδον ἔδωντων.—Глаголь χαρίζεσθαι, собств. «давать пріятный подарокъ» (см. Hom. l. l. и Simon Amorg. frg. 7, 92—3), часто равносильно δίδωαι,—въ соединеніи же съ ψυχῇ, θυμῷ получаетъ значеніе τῇ σπουδῇ εὖ ποιεῖν (Minn. frg. 7, 3; Theogn. v. 922), «ублажать свою душу», т. е. угождать, потворствовать себѣ (Theogn. 1223—4; Theocrit. Id. XVI 24), что нерѣдко является лишь смягченіемъ χαρίζεσθαι χάσσει (Theogn. v. 920, 1000), заботиться объ удовлетвореніи самыхъ наизысѣшнѣйшихъ тѣлесныхъ потребностей: такъ, въ эпиграфѣ Бакхиды I Атенея (VIII 336) мы читаемъ: πέν, φαγὲν καὶ πάντα τῇ ψυχῇ ὀρέμεν (ср. A. Gerhardt, Phoenix von Kolophon S. 181—4). Этотъ своеобразный способъ выраженія перешелъ затѣмъ въ римскую поэзію (см. Horat. Carm. IV 7, 19—20).

боговъ. Но вотъ одного настигаетъ жалкая старость, прежде
мнойъ стать у цѣли; другихъ губятъ жестокія болѣзни, третьихъ,
срешенныхъ Ареемъ, Аидъ шлетъ въ черную землю; иные еще,
свое вихремъ и обильными волнами багровой пучины, гибнуть
порѣ, когда могли бы жить спокойно; иные, наконецъ, вслѣд-
ствіе жалкой участи завязываютъ петлю и добровольно покидаютъ
жизненный свѣтъ. Ни одно бѣдствіе не отсутствуетъ, но неисчи-
сленны виды смерти и невыразимы горести и страданія людей.
Все же, если бы они меня послушались, мы не возлюбили
жизни и, стремясь душой къ тяжкимъ бѣдствіямъ, не стра-
дальбы»¹⁾.

Таковы отрывки, которые намъ предстоитъ сличить. Сказавъ
такъ, что элегія Симонида Кейскаго, сложилась подъ вліяніемъ
элегіи Симонида Аморгскаго, я уже тѣмъ самымъ занялъ опредѣ-
ненное положеніе въ одномъ старомъ филологическомъ спорѣ. Вопросъ,
къ какой принадлежитъ приведенная элегія, до сихъ поръ не рѣшенъ
опредѣлительно: Стобей называетъ ее просто произведеніемъ Симонида,
не указывая точнѣе, котораго изъ двухъ того же имени поэтовъ онъ
имѣетъ въ виду, старшаго-ли изъ Аморга или младшаго изъ Кеоса.
Въ послѣдній извѣстенъ между прочимъ, какъ сочи-
неніе элегіей; такъ какъ, въ добавокъ, въ одномъ старомъ намекѣ
на нашу имя автора ея, Симонида, поминается рядомъ съ именемъ
Пиндара²⁾, то естественно было думать, что рѣчь идетъ о современномъ
поэту пѣвцѣ изъ Кеоса,—и элегія наша нашла себѣ мѣсто среди
эпиграфовъ этого послѣдняго. Впрочемъ еще Теодоръ Бергкъ по-
лучивъ родство ея съ вышеприведеннымъ ямбомъ,—и онъ
не смѣлъ признать ее твореніемъ Аморгинца, элегическимъ дуб-
ловымъ мотивомъ, развиваемаго въ приведенномъ нами 1-омъ фрагментѣ,

Послѣдніе пять стиховъ я привожу въ подлинникѣ (v. 20—24): οὕτω κακῶν
ἀλλὰ παρὰ βροτῶν κῆρας κἀναπύραστοι δῶα | καὶ πῆμα ἔστιν εἰ δ' ἔμοι
οὐκ ἂν κτεῶν ἄρσεν, οὐδ' ἐπ' ἄλγεσιν | κακοῖς ἔχοντες θυμὸν αἰκιδόμεθα. — Въ
элегіи 21-й — ἀπασιν, cf. Solon frg 38, 3—5: καὶ δ' οὐτε περμάτων ἀπασιν οὐδέν.
21-й извѣстенъ: παρὰ; Soph. Oed. R. v. 1284—5; 1496. Въ ст. 24-мъ слова οὐκ ἂν
κτεῶν ср. со словами Зевса (у Геродота Op. 57—8) о Пандорѣ: τοῖς (т. е.
οὐκ ἂν) ἐγὼ ἀντί παρὸς δῶσω κακῶν, ᾧ κεν ἀπαντες τέρπονται κατὰ θυμὸν εὖν κακῶν
κτείνοντες. — Въ стихѣ 23—4-мъ слова ἐπ' ἄλγεσιν κακοῖς ἔχοντες θυμὸν ср. съ
Hesiod. v. 1149: αἰὲν ἐπ' ἀλλοτρίοις κτεάνοις ἐπέχουσι νόημα. —²⁾ Vita Hom. c. 28
ἐπὶ Πινδάρῳ: Ὁμηρον τοῖνον Πινδαρος μὲν ἐφη Χίον τε καὶ Σμυρναῖον, Σμυρναῖος δὲ Χιον.

причемъ въ подтвержденіе своей мысли онъ сослался на мнимыя архаизмъ ея стиля, сказывающійся въ частомъ повтореніи тѣхъ же самыхъ словъ и выраженій (P. L. G. II. 441: v. 1: ἀνδρῶν; v. 2: ἀνδρῶν; v. 5: ἀνδρῶν; v. 3: θυγῶν; v. 6: θυγῶν; v. 12: θυγῶν; v. 11: βιότοι; v. 12: βιότοι); Взглядъ Берга получилъ со временемъ значительное распространение. W. Christ оговариваетъ нашу элегію въ связи съ литературнымъ наслѣдіемъ ямбографа (Griech. Litteraturgesch. ³ S. 136, 8 и точно также поступаетъ Wilamowitz von Moellendorff въ своей новѣйшей книгѣ «Sappho und Simonides» (Berlin 1913). Онъ категорически утверждаетъ, что «относительнаго тождества автора (съ Аморгинцемъ) уже идейное совпаденіе (элегія съ ямбомъ) не оставляетъ никакихъ сомнѣній» (стр. 273 прим. 2 «an der Identität des Verfassers lässt schon die innere Uebereinstimmung keinen Zweifel»). Дальнѣйшими, вспомогательными аргументами служить для него то, что 1⁰ «форма (элегіи) недостойна Кейскаго пѣвца» (und die Form ist des Keers unwürdig»), и 2⁰ элегія находится у Стобея 98, 29, т. е. въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ ямбическимъ фрагментомъ (Stob. 98, 16).

Огромный авторитетъ, которымъ по заслугамъ пользуется и ученый міръ Wilamowitz, заставляетъ къ голосу его прислушиваться внимательно; но понятное уваженіе къ знаменитому берлинскому эллинисту не освобождаетъ насъ отъ обязанности проверять и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его блестящія, но иногда слишкомъ смѣлая положенія: поступать иначе значило бы расходиться съ тѣми заветами строгаго научнаго духа, поборникомъ которыхъ былъ всенемъ Wilamowitz. Въ данномъ случаѣ его точка зрѣнія едва-ли можетъ быть удержана. Я лишь вкратцѣ коснусь двухъ послѣднихъ его аргументовъ, которые сами по себѣ никого убѣдить не могутъ. Близкое сосѣдство стихотвореній нашихъ у Стобея не доказываетъ очевидно тождества ихъ авторовъ, а художественная цѣнность изслѣдуемой элегіи — это одинъ изъ тѣхъ тонкихъ вопросовъ вкуса, къ которымъ непримѣнимы никакіе объективные критеріи и которые поэтому съ одинаковой долей вѣроятія могутъ быть рѣшаемы весьма различно. За то я позволю себѣ дольше остановиться на такъ сильно подчеркиваемомъ Wilamowitz'емъ внутреннемъ тождествѣ обоихъ стихотвореній. Что сходство здѣсь дѣйствительно велико, съ

и, я думаю, согласится всякій. Въ формѣ индивидуальнаго поэма (παραινέσις) и здѣсь и тамъ развиваются весьма схожія мысли. Алэликъ, такъ и ямбографъ согласно отмѣчаютъ быструю смѣну историческихъ поколѣній, преходящихъ подобно растеніямъ (A. v. 4: παρ' ὅλων γενεῶν); оба они распространяются надъ умственнымъ безграничностью и недалёковидностью человѣка, который, ни о чёмъ не вѣдая (A. v. 4: οὐδὲν εἰδότες; C. v. 10: νῆπιον... οὐδὲ ἴσασιν), только тѣшитъ себя надеждою (A. v. 6: ἐλπίς; C. v. 5: ἐλπίς), рисуя передъ его взору плѣнительныя, но несбыточныя картины (A. v. 7: φανταστάριον; C. v. 7: πόλλ' ἀτέλεστα νοεῖ),—и совершенно забываетъ о неотвратимомъ приближеніи старости и смерти (A. v. 11: γῆρας; C. v. 9). Мы видимъ такимъ образомъ на протяжении немногихъ стиховъ цѣлый рядъ важныхъ точекъ соприкосновенія, совершенно устраняющихъ гипотезу чисто случайнаго совпаденія и неизменно приводящихъ къ мысли, что между сравниваемыми отрывками существуетъ болѣе близкая и тѣсная. Слѣдуетъ-ли однако изъ такого сходства дѣлать вѣдѣть съ Bergk'омъ, Christ'омъ, Wilamowitz'омъ заключеніе, что эта связь—личнаго рода, т. е. что оба стихотворенія вышли изъ-подъ пера одного и того же автора? Кажется, что нѣтъ, такъ какъ связь эта допускаетъ также и другое объясненіе,—разумѣю вліяніе одного произведенія на другое, болѣе ранняго на болѣе позднее,—и объясненіе это названнымъ авторомъ не пришло въ голову лишь потому, что, сосредоточивъ свое вниманіе свое на несомнѣнномъ родствѣ данныхъ стихотвореній, они не замѣтили столь же несомнѣннаго расхожденія между ними—расхожденія притомъ не въ какихъ-либо второстепенныхъ, случайныхъ деталяхъ, а въ основной идеѣ и руководящей тенденціи—что, чувствуя въ элегіи замѣтное вѣяніе поэзіи Аморгинца, они не чувствуютъ ея родства съ поэзіей другого, болѣе поздняго поэта—Мимнерма.

На каждомъ изъ намѣченныхъ двухъ пунктовъ я долженъ теперь становиться для болѣе подробной мотивировки. Что касается къ первому,—разумѣю различную тенденцію сравниваемыхъ отрывковъ,—то, какъ мы видѣли, наличность какого-либо расхожденія между ними совершенно отрицаетъ Wilamowitz. По его мнѣнію, послѣднія слова какого-либо фрагмента: «И все же, если бы они, т. е. люди, меня

послушались, мы не возлюбили бы зла и, стремясь душою къ тяжкимъ бѣдствіямъ, не страдали бы» (εἰ δ' ἐμοὶ πειθόατο, οὐκ ἔν κτεν ἐρῶμεν οὐδ' ἐπ' ἄλγεσιν κακοῖς ἔχοντες θορόν ἀκισιόμεθα) — это только статистическій вариантъ послѣднихъ словъ элегическаго: «но ты, понимая это, держай до конца жизни благами (ея) тѣшить свое сердце» (ἀλλὰ σὺ ταῦτα μάθων βίотον ποτὶ τέρρα ψυχῇ τῶν ἀγαθῶν τλήθῃ χαρίζομενος). Ямбографъ, будто бы, говорить то же самое, что Тримальхія у Петронія: «totus homuncio nil est, ergo vivamus, dum licet esse bene».

Въ другомъ мѣстѣ (Симонидъ Аморгскій, стр. 4—9, 16) я далъ обстоятельный разборъ нашего ямбич. фрагмента, и — при сопоставленіи его съ 7-мъ фрагментомъ того же поэта, а также съ легшими въ основу того и другого мѣстами Гезіода — смыслъ выписанныхъ стиховъ оказался совершенно инымъ: вмѣсто того, чтобы во имя кратковременности жизни и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ призывать къ самому интенсивному использованию момента, къ погонѣ за проходящими, но все же сильными и захватывающими наслажденіями, изъ которыхъ слагается βίος φιλήδονος, ямбографъ, наоборотъ, является поборникомъ аскетическихъ началъ, предостерегая юношей предъ опасностью, какою угрожаетъ имъ связь съ женщиной, этимъ величайшимъ обманомъ и несчастіемъ жизни; неизбежныя страданія человѣческія и безъ того велики, и безумно еще отягчать ихъ этими роковыми узами, когда, слѣдуя совѣтамъ поэта, ихъ такъ легко избѣжать. Этотъ аскетическій идеалъ, на мой взглядъ, совершенно несовмѣстимъ съ идеаломъ гедоническимъ, такъ отчетливо сформулированнымъ въ заключительныхъ словахъ нашей элегій, а потому элегія эта не можетъ принадлежать тому же самому поэту, которому принадлежитъ ямбическій фрагментъ. Она носитъ на себѣ печать болѣе поздняго времени, оперируетъ идеями и образами, которые впервые введены въ греческую литературу Мимнермомъ, сыномъ малоазійской Іоніи, далеко ушедшей впередъ по пути матеріальной культуры.

Сходясь съ Аморгинцемъ въ пессимистической оцѣнкѣ жизни и обрисовывая бѣдствія и ужасы ея красками, которыя властно заставляютъ думать о сознательномъ подражаніи ямбографу (см. второй элег. фрагментъ, подробно разобранный мною въ статьѣ о Симонидѣ стр. 17—20), этотъ элегическій поэтъ въ одномъ существен-

пунктъ — разумѣю отношеніе къ женщинѣ — все же рѣзко
отъ своего предшественника и вмѣсто того, чтобы вмѣ-
стѣ съ нимъ видѣть въ ней «величайшее зло, созданное Зевсомъ
между людьми» (frg. 7 v. v. 71—2, 96—7, 115), считаетъ ее,
напротивъ, высшимъ благомъ жизни: любовь, лишь одна любовь
наращиваетъ и просвѣтляетъ человѣческое существованіе, которое
иначе теряетъ всякій смыслъ и значеніе. «Что въ жизни,
если не наслажденіе безъ золотой Афродиты? Да умру, когда не
увижу мнѣ будетъ болѣе тайная любовь и сладкіе дары (бо-
гатство и ложе!» восклицаетъ поэтъ (frg. 1 v. 1—3: τίς δὲ
μοὶ δὲ τέρπνόν ἄτερ χρυσῆς Ἀφροδίτης; | τεθναίνῃν, ὅτε μοι μῆκετι ταῦτα
ἴδω | χρυσάδι φιλότητος καὶ μελίχρα δῶρα καὶ εὐνὴν). Оттого онъ такъ востор-
женно прославляетъ, такъ горячо любить молодость, цвѣты которой
исключительно достойны того, чтобы ихъ срывали мужчины и женщины»
(frg. 1 v. 4 : οἱ ἥβης ἄνθεα γίγνεται ἀρπαλέα | ἀνδράσιν ἡδὲ γυναῖξιν....);
онъ такъ боится, такъ ненавидитъ старость, которая разрушаетъ
молодость (frg. 3) и дѣлаетъ человѣка «ненавистнымъ дѣтямъ, пре-
зреннымъ въ глазахъ женщинъ» (frg. 1 v. 9 : ἀλλ' ἐχθρὸς μὲν παισίν,
| γυναιξὶ δὲ γυναιξὶν | οὕτως ἀρπαλέον γῆρας ἔθηκεν θεός), и считать
старость даже тяжелой смерти хуже» (frg. 4 v. 2 : γῆρας, ὃ καὶ
| θάνατον ῥίγιον ἀρπαλέου). Но если старость такъ ужасна и, подобно
падшей птицѣ, виситъ у каждого надъ головой (frg. 5 v. 6 : γῆρας
| ἐπεφραλῆς αὐτίχ' ὑπερχρέμαται), а богатая молодость мимолетна
и уходитъ, какъ сонъ (l. 1. v. 4—5 : ἀλλ' ὀλιγοχρόνιον γίγνεται
| ὄναρ | ἥβη τιμήεσσα), то самъ собою напрашивается выводъ, что
каждый человѣкъ долженъ умѣть пользоваться этой столь скупо от-
даваемой порой.

Выводъ этотъ, дѣйствительно, дѣлаетъ поэтъ,—и съ устъ его
выходитъ новое и, съ точки зрѣнія традиціоннаго жизнепониманія,
и новое и предосудительное слово: «ублажай свою душу» (frg.
1 v. 3 : τὴν σαυτοῦ φρένα τέρπε). Это у него значить: живи въ
своемъ удовольствіи, не заботясь о томъ, хорошо-ли, дурно-ли
думаютъ о тебѣ говорить люди, и стремясь лишь къ тому, чтобы
наслаждаться въ предѣлахъ справедливости и своими дѣйствіями
не причинять вреда ни согражданамъ, ни даже чужимъ (frg. 7
1 v. 4 : μήτε τινὰ ξείνων δηλούμενος ἔργμασι λυγροῖσιν | ἢ τε τιν' ἐνδύμων,

ἀλλὰ δίκαιος ἐὼν | τὴν σαυτοῦ φρένα τέρπε, δυσηλεγέων δὲ πολιτῶν | ἄλλος τί
σε κακῶς, ἄλλος ἄμεινον ἐρεῖ). Этотъ призывъ не остался безотвѣтнымъ, —
и однимъ изъ первыхъ, откликнувшихся на него, былъ авторъ настоящей
элегіи: естественный ходъ мыслей насъ привелъ, такимъ образомъ,
къ другому изъ вышенамѣченныхъ пунктовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что слова нашей элегіи ψυχῇ τῶν ἀγαθῶν
τλήθῃ χαρίζομενος являются лишь стилистическимъ варіантомъ Мимнер-
мовыхъ τὴν σαυτοῦ φρένα τέρπε, послѣ вышесказаннаго не нуждается
въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Помимо этой общности основной
идеи, о вліяніи Мимнерма на нашего элегика говорятъ нѣкоторыя
интересныя совпаденія стилистическаго характера: разумѣю выра-
женіе «цвѣтокъ молодости» (v. 6: ἄνθος πολυήρατον ἤβης), столь при-
вычное поэту изъ Смирны (frg. 1 v. 4; frg. 2 v. 3; frg. 5 v. 2),
и въ особенности весь стихъ 11-й: ὡς χρόνος ἐσθ' ἤβης καὶ βίот' ὀλίγος
представляющій, по моему, лишь легкую парафразу одного мѣста
Мимнерма (frg. 5 v. 4: ἀλλ' ὀλιγοχρόνιον γίγνεται ὥσπερ ὄναρ ἤβη τ-
μήσσεια. Итакъ, какъ въ идейномъ, такъ и формальномъ отношеніи
авторъ находится въ несомнѣнной зависимости отъ Мимнерма. Для
насъ чрезвычайно важно, что то же самое приходится сказать и
относительно Симонида Кейскаго. Дѣло въ томъ, что вліяніе Мим-
нерма возможно установить для иныхъ изъ лирическихъ фрагмен-
товъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ послѣдняго. Такъ, фраг-
ментъ 71 (Bergk): τίς γὰρ ἀδονᾶς ἄτερ θνατῶν βίотος ποθεινός; ἢ ποί-
τιραννίς; τὰς ἄτερ οὐδὲ θεῶν ζαλωτὸς αἰών, т. е. «какая жизнь человѣ-
ческая, лишенная наслажденія, достойна вожделѣнія? или какаѣ
державы? Безъ него даже существованіе боговъ незавидно», — это
только парафраза приведеннаго уже стиха Мимнерма (frg. 1 v. 1):
τίς δὲ βίος, τί δὲ терπνὸν ἄτερ χρυσῆς Ἀφροδίτης; Во фрагментѣ 39
(=Plutarch. Cons. ad Apoll. с. 11): ἀνθρώπων ὀλίγον μὲν κάρτος, ἔ-
πρακτοι δὲ μετ' ὀνόνας, αἰῶνι δὲ παύρῳ πόνος ἀμρὶ πόνῳ· ὁ δ' ἄφουκτος ὁμῶς
ἐπικρέματα θανάτου· χεῖνου γὰρ ἴσον λάχον μέρος οἱ τ' ἀγαθοὶ ὅσους
κακός (т. е. «у людей не велика сила, безысходны заботы, въ бо-
роткой же жизни трудъ слѣдуетъ за трудомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ
неизбѣжная смерть виситъ (надъ головой): въ ней добрые и злые
равный получили удѣлъ»), третій (подчеркнутый) стихъ предста-

ется мнѣ реминисценціей цитированныхъ уже словъ Мимнерма (т. 5 v. 6—7): γῆρας ὑπὲρ κεφαλῆς αὐτοῦ ὑπερκρέμαται.

Я дошелъ до намѣченной заранѣ меты и могу уже подвести итогъ. Предыдущимъ разборомъ установлено: 1-о что элегія эта, сходясь съ ямбическимъ фрагментомъ въ цѣломъ рядѣ интересныхъ частности, отличается все же отъ него легкой въ основу идей и обусловленной послѣдней тенденціей; 2-о что рядомъ съ элементами, роднящими ее съ произведеніемъ Аморгинца, она имѣетъ другіе, подсказанные твореніями Мимнерма, старшаго современника Солона; 3-о что и эта столь характерная для нея тенденція, и вліяніе Мимнерма характеризуетъ также нѣкоторые моменты Симонида Кейскаго. Отсюда неизбѣжны выводы: 1-о элегія наша не можетъ принадлежать Аморгинцу; 2-о что она относится болѣе поздняго времени; 3-о что ее можно съ значительной долей вѣроятія приписать Кеосцу. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не историческимъ дублетомъ ямбическаго фрагмента, какъ предполагали названные ученые, а съ полемикой противъ него. Отправившись отъ тѣхъ же самыхъ положеній, что Симонидъ Аморгскій, онъ и Симонидъ вноситъ поправку въ его чрезъ мѣру суровое, историческое ученіе, пользуясь идеями болѣе слабого, но и болѣе человѣчнаго Мимнерма. Такимъ образомъ, въ этомъ старомъ историческомъ контроверсѣ, исторія котораго здѣсь прошла предъ нами истина оказалась не на сторонѣ нѣмецкой школы, не на сторонѣ Bergk'a съ его послѣдователями вплоть до Wilamowitz'a, а на сторонѣ французской, которая устами Croiset давно уже изрекла оправдавшійся теперь приговоръ: «l'opinion de Bergk, à vrai dire ne semble tout à fait arbitraire» (Hist. de la littér. grecque. I. 1914).

В. П. Клинеръ.

Въ принадлежности этой элегіи Симониду Кейскому не сомнѣвается также профессоръ (I. I. стр. 124) и, судя по словамъ послѣдняго (прим. 3), итальянецъ (Simonide Amorgino, Venezia 1900), работа котораго для меня, къ сожалѣнію, была недоступна.

Слово о бездождіи.

Старая Украина имѣла богатую литературу, устную и письменную. Во многихъ трудахъ выдвинуты были религіозно-общественные вопросы, доминировавшіе въ XVI—XVII вѣкахъ, иногда въ связи съ вопросомъ о положеніи низшихъ классовъ, вообще въ связи съ социальными и политическими интересами.

Извѣстны сочиненія демократическія (напримѣръ, посланія Вышенскаго, дума объ Андыберѣ), серьезныя научныя изслѣдованія на религіозно-общественныя темы (напримѣръ, Апокрисисъ, Палинодія). Вся литература XVII в. представляется очень давней, тѣмъ болѣе, что многія ея произведенія носятъ своеобразныя греческія и латинскія названія, Лиѳосъ, Ёринось, Апокрисисъ, Антиприсисъ. Подъ этими чужеземными заглавіями, означавшими въ переводѣ «Камень», «Плачь» и т. д., скрывались серьезные политическіе трактаты или опредѣленные національныя стремленія.

Нижеслѣдующія строки посвящены одному маленькому литературному памятнику XVII вѣка, оставшемуся въ наукѣ совсѣмъ незамѣченнымъ, вѣроятно, потому что изданъ онъ въ рѣдкой нѣмецкой книгѣ, и притомъ въ концѣ ея подъ заглавіемъ «Слово во время бездождья і глада і всякоя пагубы и всякоя нужда і злочлюченія людей», именно въ I т. вышедшихъ въ 1856 году въ Черниговѣ «Южнорусскихъ лѣтописей» Н. Бѣлозерскаго. При самомъ появленіи этой книги, Слово о бездождіи не было замѣчено. А между тѣмъ это замѣчательный памятникъ украинской литературы XVII в., достойный того, чтобы занять видное мѣсто въ исторіи старинной украинской письменности, какъ по языку, такъ и по содержанию. Эта простая церковная проповѣдь существенно отличается отъ современныхъ ей витіеватыхъ и схоластическихъ казаній, благодаря присутствію въ ней яркаго реализма и народнаго стиля.

Слово сказано было гдѣ-то въ глуши Украины, повидимому, какимъ священникомъ, по случаю продолжительнаго бездождія.

Оно начинается съ суроваго обличенія «пановъ незбожнихъ, которыхъ неслыханіи кривды и утиски бѣдные подданные тер- бързей нежели въ поганствѣ невольници», т. е. безбожныхъ ищиковъ, отъ которыхъ бѣдные крестьяне терпятъ большія угне- и несправедливости, чѣмъ невольники у язычниковъ, подь рыми авторъ, нужно думать, разумѣлъ мусульманъ турокъ, со- по съ современными ему народными пѣснями о турецкой неволѣ. «збожные паны» въ то время были большей частью изъ поляковъ и ополяченныхъ малороссовъ.

«Приглядѣмся незбожнымъ паномъ, говорить далѣе проповѣд- которые такъ ся обходили округне съ людьми, якого окру- гва подь солнцемъ немашь; въ иныхъ земляхъ зѣвше привычай- нодѣтки на людяхъ, а въ королевствѣ польскомъ мало не каждый а власно яко бы ся зирисягли, не пораховавшия съ сумнень- если ся гѣдитъ брати у бѣднаго челоуѣка тое, чего сила его оожеть. А найперво, кто поволовщину вымыслилъ, щобъ во и съ пекла не выйшовъ, распрягаючи челоуѣкови убогому и едно и маючому, чимъ живиль себе, жену и дѣти свои бѣдны».... и «насмотрѣлся я на незбожныхъ пановъ, которые такъ жестоко ятся съ людьми, какъ нигдѣ нѣтъ подь солнцемъ; въ чужихъ рахъ всегда обыкновенные налоги, а тутъ не разбирають, что яю взять по силѣ плательщика. А кто поволовщину ввелъ, чтобы еникогда не выйти изъ ада, такъ какъ отъ поволовщины разо- ея бѣдный крестьянинъ, имѣющій всего одну пару воловъ, не- щимую ему для пропитанія себя и своей семьи».

Волы составляли въ старину цѣнное достояніе украинскаго на- . Налогъ на воловъ, или поволовщина ложился большой тяжестью, и позднѣе, въ половинѣ XVIII ст., особенно во время походовъ аха. Тяжкимъ разореніемъ была обязательная, плохо оплачи- ая, а чаще и совсѣмъ не оплачиваемая поставка воловъ для еныхъ надобностей (см. Драгоманова, Політ. пісні II 171—175).

Въ излюбленномъ авторомъ Слова пріемѣ проклятія обнаружи- етъ типичный украинецъ. Великороссы склонны къ брани; мало- —къ проклятіямъ. Въ послѣднее время и въ Малороссіи брань

стала обычнымъ явленіемъ, подѣ влияніемъ порчи нравовъ.. Насколько великороссы богаты и изобрѣтательны по части ругани, восторженно малороссы щедры на проклятія, которыя состоятъ главнымъ образомъ въ пожеланіи разныхъ недуговъ — щобъ покорчило, повылазило (ослѣпѣ), трясца (т. е. лихорадка) взяла и т. д. до чрезвычайнаго разнообразія формъ и оттѣнковъ.

Демократизмъ автора «Слова» не помѣшалъ ему высказаться противъ анархическихъ элементовъ въ современномъ ему обществѣ. Строго осуждая пановъ за притѣсненіе народа, авторъ «Слова» относится отрицательно къ грабительскимъ и разбойничьимъ элементамъ народной среды. Въ этомъ отношеніи его замѣчанія такъ интересны, что заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ въ подлинникѣ, по ихъ своеобразному сильному стилю, и въ переводѣ, для ясности пониманія.

«Але и то мусыть буты въ подивеню людей уважныхъ такаа справа, же по неизбежныхъ панахъ взяли зверхность бровагнны, пьяницы, костыреве, картинцы, злодѣве и разбойницы и свинопасы.... а взявши моць не только жидовъ и пановъ свойхъ забивали, але и городовъ гвалтомъ добуваючи и всюды огнемъ палячи, людей въ невинности забиваючи и въ неволю выдаючи, олтари Божіи пустошачи... братію свою драли, мучили и забивали».... т. е. «Однако и то представляется страннымъ въ глазахъ людей, достойныхъ уваженія, что послѣ безбожныхъ дворянъ притѣснителей взяли верхъ разные пьяницы, разбойники, злодѣи, и, взявши верхъ, не только стали избивать евреевъ и помѣщиковъ, но стали захватывать города, жечь частное имущество, убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей, грабить церкви, убивать и мучить своихъ согражданъ».

Если съ перевода языка перейти на переводъ социальныхъ явленій, то прежде всего можно поставить вопросъ, къ какой изъ нынѣшнихъ политическихъ партій скорѣе всего примкнулъ авторъ «Слова», если бы онъ жилъ не въ семнадцатомъ, а двадцатомъ вѣкѣ? По всей вѣроятности, къ одной изъ тѣхъ партій, которыя стремятся по возможности отмежеваться отъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ.

Интересно, между прочимъ, что въ «Словѣ» авторъ высказываетъ надежды на Москву, что говорить о принадлежности его къ

духовнымъ лицамъ, которые идеализировали московское правленіе.

Итакъ, въ «Словѣ» находимъ:

1. Осужденіе «незбожныхъ пановъ», т. е. того классового и сословнаго шляхетскаго устройства, которое ведетъ къ приниженію и рабощенію народа.

2. Осужденіе крайне повышенной налоговой системы, особенно такъ называемой «поволовщины» — стариннаго налога на воловъ, была чувствительнаго для земледѣльческаго населенія Украины.

3. Сочувственное и уважительное отношеніе къ «инымъ странамъ» вообще, къ Москвѣ въ частности; для малороссовъ «иными», подъ которыми разумѣются западныя, всегда были близки и дороги, какъ страны съ болѣе высокой культурой.

4. Полное сочувствіе тѣмъ «уважимымъ людямъ», которые стояли за спокойное развитіе и прогрессивный ростъ страны; авторъ осуждал грабежъ и хищенія и высказывается противъ погромной политики, причисляя эти явленія къ одной общей категоріи варварства, неслыханнаго въ культурномъ обществѣ и противнаго убѣжденіямъ «лучшихъ», т. е. лучшихъ людей.

Приложеніе:

*Слово во время бездождя і глада і всякая пагубы и всякая скорби і зоключенія людей, о немилосердію же и розныхъ спра-
вдливости, якіе сихъ часовъ днѣются, аменовите во христіянствѣ.*

Вспоминаетъ письмо святое немало таковыхъ голодныхъ лѣтъ, такъ же много было людей богобойныхъ и милосердныхъ оныхъ, а которые бѣдныхъ ратовали и убогимъ пріятелемъ своимъ по чужою смертю погибати не давали. Теперъ зась таковыхъ мало: а въ сихъ часовъ не то найбогатшій чловѣкъ — тотъ замкнулъ утробу свои і помогаетъ вмѣсто стогнати въ навиженію Божию бѣднымъ людемъ і яко бы власно побужалъ до большого раба бѣдныхъ сиротъ. А втомъ збожемъ своимъ задержуется і не подвышаетъ для збиранія скарбовъ своихъ. Въ правдѣ і правдѣ божьей на нѣкоторыхъ безумныхъ, а праве запамяталыхъ

людей смертію приходить, аби ся упам'ятали, а на потомные часе дару Божого и праці своєї и гды его мають, аби лядаякого его не оборочали и не тратили; яко то вкрутныє п'яници, костирове, картици, бардачници, табачници, злодѣйове, разбойници, драпѣдници, вшетечници, чаровници, волшебници і вшелякіє беззаконники и дому своего право нестроителие. Таковыє меновите голодныхъ часовъ лядячимъ ся кормять и съ потомковъ своихъ потѣхи мають, а на улицахъ покидаючи въ голодной смерти отбѣгають, а потомки ихъ власные еще на семь свѣтѣ смутне ихъ, въ наготѣ въ голодѣ зостаючи, проклинаять, живячися, яко могучи, листемъ корою, порохнею, лободою, жолудемъ, бронками, стервомъ здохлымъ бѣдлѣчимъ і конскимъ, псами, котками, — чого и безбожные панове добре непоеднокреть, а меновите въ Збѣражу, досвѣдчили, и безъ часу гинули. Що все за грѣхи скараніе божое на запам'ятали приходить, що ладно зрозумѣти можемо, толко съ пильностю уважаємсо ¹⁾... і не могли дождчу имѣти и голоду збути, ажъ фалшивыхъ пророковъ позабивали і отъ того часу въ обфитости рожанн хлѣба зостали. Такова єсть моць и сила пророцкой молитвы на захованне Закону Божого. Прето і мы, братія, таковымъ прикладомъ справедливости божей, яко устрашитися не маємъ, іжъ і межи нами много єсть таковыхъ Савлевъ і забойцевъ, бо і на сей часъ, з допущення божого, плѣнъ пришелъ на людъ израильскій, яко і на пановъ незбожныхъ, отъ которыхъ неслыханные кривды і утиски бѣдныє подданы терпѣли, либо и сихъ часовъ терпѣть барзей, нежели въ поганствѣ невольници. Приглядѣлемся незбожнымъ паномъ, которые такъ ся обходили окрутне съ людьми, яко окрутенства подъ солнцемъ немашь въ иншихъ земляхъ; завше звычайные податки на людехъ, а въ крелевствѣ полскомъ мало не кождый панъ, власне яко бы ся зприсягли, не пораховавшися зъ сумленемъ, если ся годить брати у бѣдного чловѣка тоє, чого сила его не зможеть? А найперво, кто цоволовщизну вымыслилъ, щобъ во вѣки съ пекла не вийшолъ! Роспрягаючи чловѣковъ убогому і единому ярму воликовъ маючому, чимъ живиль себе, жону и дѣти свои

¹⁾ Здѣсь Бѣлозерскій — первый издатель памятникъ выпустилъ одно мѣсто, гдѣ говорится о голодахъ въ землѣ народа израильскаго и въ особенности о голодѣ при царѣ Давидѣ.

и, которыи волики прежде добре оплачивалъ чиншомъ рого-
мъ дудовымъ і иншими податками і розными вымыслами, которыи
къ то иншіи змыслили і выдирали, не пораховавшись съ су-
нымъ: если его посадилъ на таковимъ грунтѣ и жебы мѣлъ чимъ
ловати таковыя податки? А хотя бы грунтъ бувъ и наилѣп-
кто наспорить на фуги его влоскіе, которыи барзей припра-
потравы, нижели князь гданскій, который лѣпше хочетъ
свою упстрити і устроити на Украинѣ, нижели видѣвъ ве-
ихъ! А у подданого уже не стаетъ и крови, вздыхаючи до-
завъ невдзными дѣтками своими, нарѣкаючи на часы оплаканыи.
на тихъ пришлоъ часъ, — же ся Богъ очутилъ для волання
спасенія бѣдныхъ и убогихъ людей, и не вытрвалъ далей
ихъ, і оголотилъ тіе убраныя и упротрыныя цорки ихъ зъ
ихъ, и учинилъ ихъ дивовискомъ всему свѣту; и будетъ ся
— яко то есть не першая на беззаконныхъ — до третего и
четвертого поколѣня, ажъ рекутъ: бѣда намъ, жесмо ся немилосердне
спили зъ убогими подданными, по Христу, братією нашею! і для
жесмо негодны милосердія божого; отворачалисмо очи наши,
и о милосердіе просили, а намъ ся здавало, ижъ негодны
и глядѣти; лѣпшесмо шановали псовъ нашихъ и жидовъ
иныхъ, съ которысма посполу ѣдали и пивали и роскошовали,
и поту христіанскаго, а на остатокъ не только на здоровье
и стали, але і вѣру ихъ зломити умышляли и власне яко съ
волонками поступали, одво податками выдыраючи и роботы на
хъ умышляючи, за слово въ невѣчъ оборочаючи и забиваючи,
напога не памятаючи, и кровь невинную проливаючи, всѣми
наи на здоровье и на вѣру ихъ наступали. Прето, если за Аха-
иныхъ, которые були невѣрные, і за тѣхъ Богъ значне мстился,
щось розумѣють безбожные, же такъ зъ христіаны себѣ посту-
иже не только поля и межи, але и рѣки во арендѣ мали і все
вою власть взявши роскошовали? Але и то мусить бути въ
иныхъ людей уважныхъ таковая справа, же по незбожныхъ
наи взяли зверхность броварници, пяници, костырове, картинци,
и разбойници, и свинопасы, а меновите невестмоти, ко-
иже ся такъ повело, якъ оной свинѣ, межи копы влѣзши,
и свиння хотѣла, туда копа летѣла, а взявши моцъ, не только

жидовъ и пановъ своихъ забивали, але і городовъ гвалтѣмъ добираючи и всюды огнемъ палачи, людей въ невинности забиваючи, въ неволю выдаючи, церкви, алтари божіи пустошачи, тѣла святыхъ угодниковъ божіихъ обдираючи, людей умершихъ зъ гробовъ вынимаячи, рѣчи посвященные церковные въ нѣвець оборочаючи и пропиваючи, зъ ризъ и зъ стихаревъ церковныхъ саяны и фартухи жонамъ и цоркамъ своимъ справовали, сребромъ церковнымъ шабля, сагайдаки, шабелтасы і ножна собѣ оправовали, братію свою драги мучили и забивали, дѣвокъ и младенцовъ мѣскихъ татарамъ за коня, за сагайдаки и шабли продавали и въ неволю, въ особѣ самого Христа, въ невинности выдавали, присяги по колко кротъ ламлячи, шведовъ и венгровъ, волохъ и мунтянъ зводячи, изважають, а въ остатокъ і самого царя московского христіанскаго, якого власного отца, по колко кротъ отступчють, ордь и ляховъ на Заднѣпрѣ затягають, листами и прелестями своими, старшихъ позводили, миромъ всѣмъ заколотили, воеводъ царскихъ повыгоняли и не только мѣдяными денгами знехтѣли, але и сребныхъ по копѣйци не праняли, толко по чеху и по осмаку, і яко хто хочеть оныя оборочаетъ, а въ томъ, немаючи певного старшого, герезій, блудовъ и блузнерства между собою справе, яко проступци Закону Божьему, размножили, почавши отъ старшихъ ажъ до наименшихъ. Уважможь сами межъ собою, яко карання отъ Бога за тое негодны есмы?

Н. Ф. Сумцовъ.

Ласкарь Кананъ, византійскій путешественникъ и въѣзжа по Сѣверной Европѣ и въ Исландію.

Въ 1876 году греческій ученый Сп. Ламвросъ обратилъ свое вниманіе на небольшое сочиненіе, помѣщенное на двухъ послѣднихъ листахъ одной вѣнской греческой рукописи и сообщающее свѣдѣнія о путешествіи Ласкаря Канана по сѣвернымъ странамъ. Пять лѣтъ спустя Ламвросъ издалъ греческій текстъ даннаго сочиненія въ греческомъ журналѣ *Παροιστός* (т. V, стр. 705 sq.) и снабдилъ его обширнымъ историческимъ комментариемъ. Греческій ученый сдѣлалъ предположеніе о тождественности Ласкаря Канана съ Іоанномъ Кананомъ, авторомъ разсказа объ осадѣ Константинополя Муромомъ въ 1422 году.

Крумбахеръ въ своей Исторіи византійской литературы помѣстилъ небольшую замѣтку о «краткихъ и довольно безформенныхъ разсказахъ Ласкаря Канана о путешествіи въ Германію, Швецію, Данію и Исландію», которое имѣло мѣсто, по нѣкоторымъ вѣроятнымъ даннымъ, находимымъ въ самомъ источникѣ, между 1397—1428 годами. Тожествененъ ли онъ съ Іоанномъ Кананомъ или нѣтъ, этого нельзя ни доказать, ни опровергнуть¹⁾.

Въ виду того, что въ этомъ путешествіи говорится больше о сѣверныхъ странахъ, то, какъ это и естественно, на него обратили вниманіе сѣверные ученые, напр. Торродсенъ, котораго больше интересовало мѣсто объ Исландіи²⁾.

Наконецъ, въ 1902 году шведскій византинистъ Лундстрёмъ издалъ свое изданіе греческаго текста со шведскимъ переводомъ и

¹⁾ Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. 2. Auflage. Leipzig, 1897, S. 422 (§ 179); объ Іоаннѣ Кананѣ см. с. 300—301.

²⁾ См. Th. Thoroddsen. *Geschichte der Isländischen Geographie*. Autorisierte Ausgabe von A. Gebhardt. B. I. Die isländische Geographie bis zum Schlusse des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1897, S. 75.

обильнымъ историко-филологическимъ комментариемъ; тамъ же онъ помѣстилъ подробное описаніе вѣяскаго греческаго кодекса (Cod. Hist. gr. 113 Nessel) и сообщилъ то немногое, что было можно, о самомъ авторѣ и о времени его путешествія ¹⁾).

Въ настоящей статьѣ я хочу, на основаніи изданія Лундстрёма, дать русскій переводъ путевыхъ замѣтокъ Ласкаря Канана и слѣдуетъ попытку посылить разрѣшить одинъ вопросъ, который, повидимому, оставался неяснымъ какъ для Ламвроса, такъ и для Лундстрёма.

Переводъ Путевыхъ Замѣтокъ Ласкаря Канана.

Обойдя великую землю Европы, я объѣхалъ весь берегъ ея отъ Иперборейскаго океана. Тамъ находится превеликій заливъ, называемый по гречески Венедскимъ (Οβενεδικός). Окружность его равняется 4000 милямъ, а діаметръ его, отъ сѣверной оконечности такъ называемаго мыса Норвегіи (τῆς Νορβηγίας) до самой внутренней части его въ области Пруссіи (ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ τῆς Πουρσίας), равняется 2000 итальянскимъ милямъ, считая милю въ 1000 сажень ²⁾, или по нашему счету ³⁾, считая милю по 750 сажень, 2250 милямъ. Съ востока же и запада этотъ заливъ содержитъ.... ⁴⁾.

Прежде всего, начиная съ востока ⁵⁾, въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ этого залива находится страна Норвегія, главный городъ которой называется Бергенъ Вагенъ (Μπέργεν Βάγεν) ⁶⁾; въ этомъ городѣ нѣтъ въ обращеніи чеканной монеты, ни золотой, ни серебряной, ни мѣдной, ни желѣзной, но покупатели и продавцы живутъ при помощи своихъ товаровъ. Кромѣ того, въ этомъ городѣ день остается въ теченіе одного мѣсяца: съ 24-го іюня до 25-го іюля все время день, и ночи совершенно не бываетъ.

За этой страной идетъ страна Швеція (Σουήτζια), главный городъ которой Стокгольмъ (Στοκχόλμω). Въ этомъ городѣ чеканится

¹⁾ Laskaris Kananos. *Reseanteckningar från de nordiska länderna Smärre Byzantinska skrifter* utgifna och kommenterade af Vilh. Lundström. Upsala-Leipzig, 1902, 47 стр.

²⁾ τὼν ἀνὰ χιλίων ὀργυίων τὸ μίλι (р. 14).

³⁾ У Lundström: καὶ μᾶς (р. 14); у Ламвроса: καὶ ἡμᾶς.

⁴⁾ Здѣсь пропускъ нѣсколькихъ словъ.

⁵⁾ ἀπ' ἀνατολῶν (р. 15). Скорѣе надо было бы ожидать ἀπὸ δυσμῶν, т. е. съ запада.

⁶⁾ Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь о гор. Бергенѣ и его большой савани Vægen.

изъ нечистаго серебра ¹⁾. Эти обѣ страны находятся подъ корою Даніи ²⁾.

За Швеціей идетъ страна Ливонія (ἡ ἐπαρχία τῆς Λιβονίας). Эта имѣетъ главный городъ, который называется Рига (Ῥήγα), и городъ Ревель (Ῥήβουλε). Эти города какъ въ свѣтскомъ, такъ въ духовномъ отношеніи управляются архіепископомъ: Страна управляется княземъ-гроссмейстеромъ бѣлыхъ одѣяній и чернаго ³⁾.

За этой страною, въ самомъ внутреннемъ углу залива, лежитъ страна Пруссія (τῆς Πουρσίας); столица ея называется Данцигъ (Ἄνκλ).

За ней лежитъ страна Ст<л>авунія (ἡ ἐπαρχία τῆς Σθ<λ>αυνίας), столица которой называется Любекъ (Λούπηκ). Изъ этой страны происходятъ Зигіоты, живущіе въ Пелопоннесѣ, такъ какъ (т. е. въ Стлавуниі) есть очень много мѣстностей, которыя названы на языкѣ Зигіотовъ ⁴⁾.

За этой страною лежитъ страна Датія (τῆς Δατίας = Данія), изъ городовъ которой называется Купанаве (Κοῦπανάβε = Копенгагенъ). Онъ также служитъ резиденціей датскаго короля ⁵⁾. За шестью странами, которыя лежатъ вокругъ залива.

Пробылъ я также на островъ рыбоѣдовъ (ихтіофаговъ), обычно называемый Исландіей (Ἰσλάντη); у мудраго Птолемея, какъ мнѣ кажется, этотъ островъ есть Θυле (ἡ Θούλη). Тамъ я нашелъ день продолженія шести мѣсяцевъ, отъ начала весны до осенняго солнцестоянія ⁶⁾. Я переѣхалъ на этотъ островъ изъ Англіи (ἀπὸ τῆς Ἀγγλίας) и пробылъ я тамъ 24 дня. И увидѣлъ я сильныхъ и смѣлыхъ людей; пища ихъ была рыбы, хлѣбъ ихъ былъ рыбы и ихъ напитокъ—вода. Затѣмъ я снова возвратился обратно въ Англію (εἰς Ἑγγλητέραν).

¹⁾ περιβάσσεται χαράχμα ἀργυρῶν ἀναμεμιγμένον (p. 15).

²⁾ αὐταὶ αἱ δύο ἐπαρχίαι ἄρχονται παρὰ τοῦ ῥηγὸς τῆς Δατίας (p. 15).

³⁾ ἡ δὲ ἐπαρχία ἄρχεται ὑπὸ τοῦ δουκὸς μεγάλου μαίστορος τῶν λευκῶν ἐνδοματῶν τοῦ βασιλέως σταυροῦ.

⁴⁾ αὐτῆς τῆς ἐπαρχίας ὑπάρχουν οἱ Ζυγιῶται οἱ ἐν τῇ Πελοποννήσῳ· ἐπεὶ ἐκείσε γὰρ πλείστα χωρία, ἅτινα διαλέγονται τὴν γλῶσσαν τῶν Ζυγιωτῶν (p. 16).

⁵⁾ αὕτη ἐστὶν καὶ βασιλεὺς τοῦ ῥηγὸς τῆς Δατίας (ib.).

⁶⁾ ἔχει τροπῶν φθινοπωρινῶν (ib.).

Разстояніе въ миляхъ отъ выше названнаго города Бергенъ-Вагена до Ключа (ἄχρη τῶν Κλύων), на югъ Фландріи ¹⁾, прямымъ путемъ 3500 миль, а отъ Ключа до святаго мыса въ Португаліи ²⁾ 2064 (2164?) мили, т. е. всего 5664 мили, если не заходить въ бухты.

Какъ видно, въ самомъ путешествіи есть нѣкоторыя указанія на время его совершенія. Такъ авторъ говорить, что Норвегія и Швеція находились подъ управленіемъ короля Даніи, т. е., другими словами, указывается время послѣ Кальмарской уніи 1397 года, когда произошло соединеніе этихъ трехъ государствъ. Унія въ полной силѣ сохранилась до 1448 года, когда умеръ король Христофоръ Баварскій (1439—1448). Такимъ образомъ, нашъ авторъ писать вѣроятно, не позже 1448 года. Затѣмъ мы замѣчаемъ, что онъ называетъ государя соединеннаго королевства τὸν βασιλέα, т. е. короля-мужчину. Но вѣдь первымъ государемъ послѣ уніи 1397 года была женщина, а именно Маргарита, правившая до 1412 года. Врядъ ли Кананъ не отмѣтилъ бы, если бы въ его время на престолѣ сидѣла женщина. На основаніи этого, время его путешествія можно еще точнѣе опредѣлить между 1412 и 1448 годомъ. Далѣе, Лундстрѣмъ, на основаніи данныхъ Канана о соединеніи въ рукахъ рижскаго архіепископа свѣтской и духовной власти, приходитъ къ такому заключенію: такъ какъ архіепископъ Риги, въ то же время и правитель города, находился въ нѣкоторой официальной зависимости отъ ордена лишь во время съ 1392 по 1418 годъ, и такъ какъ путешествіе Канана не могло имѣть мѣсто до 1392 года, то его нужно отнести ко времени послѣ 1418 года ³⁾. Если выводы Лундстрѣма справедливы, то для нашего путешествія остается время лишь съ 1418 по 1448 годъ. Повидимому, нѣкоторые склоняются отнести это путешествіе къ концу XV вѣка ⁴⁾. Основанія для этого мнѣ пока неизвѣстны.

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду оживленный въ средніе вѣка портовый городъ Sluis, который на картахъ того времени встрѣчается подъ именемъ *sluys* или *la cluse*. См. Lundström, с. 32.

²⁾ ἔως τοῦ ἱεροῦ ἄχρου εἰς τὸ Πορτογάλλε (р. 17). Здѣсь надо разумѣть мысъ св. Виппента, т. е. юго-западную оконечность Пареневскаго полуострова.

³⁾ См. Lundström, с. 34; ср. с. 28.

⁴⁾ См. Thoroddsen, *Geschichte der isländischen Geographie*. I, S. 75: andere dagegen verlegen dieselbe (т. е. путешествіе) in den Schluss des 15. Jahrhunderts.

И не буду въ данный моментъ касаться свѣдѣній нашего путешествія о Ливоніи или Исландіи ¹⁾. Я хочу только сдѣлать попытку разобраться въ вопросѣ о тѣхъ зигіотахъ, которые жили во время Ласкаря Канана въ Пелопоннесѣ и на языкѣ которыхъ говорили въ XV вѣкѣ на сѣверѣ Европы въ Стлавуніи, области съ такимъ городомъ Любекомъ.

Лундстрёмъ въ своемъ комментаріи къ этому мѣсту склоняется къ тому, что Кананъ около Любека слышалъ дѣйствительно славянскую рѣчь; затѣмъ онъ прибавляетъ: «какое славянское племя въ Пелопоннесѣ называлось зигіотами, остается еще изслѣдовать»).

О томъ, что славяны въ Пелопоннесѣ было много, и что они жили тамъ до конца среднихъ вѣковъ, не можетъ быть двухъ мнѣній; источники ясно и опредѣленно объ этомъ свидѣлствуютъ. Что касается о нашихъ зигіотахъ, я думаю, можетъ быть рѣшенъ при помощи одного мѣста во французскомъ текстѣ Морейской хроники, ближайшаго источника для французскаго владычества въ Пелопоннесѣ: послѣ четвертаго крестоваго похода. Тамъ мы читаемъ следующее: «Si ne demoura gaires du païs que le *Sigo* de la Morée et les montaignes des Esclavons se revelerent contre le prince et tournerent vers l'empereor», т. е. «Такимъ образомъ верный братъ византійскаго императора) не долго пробылъ въ странѣ, какъ *Сигио* Чаконіи и славянскія горы поднялись противъ князя и перешли на сторону императора» ³⁾.

Въ этомъ текстѣ «Сигио» есть транскрипція греческаго слова, что значитъ «горный хребетъ». Въ данномъ мѣстѣ «Сигио» означаетъ горный хребетъ Тайгета. Отсюда совершенно ясно, что въ *Zurück* нашего путешествія авторъ предполагалъ славянъ, жившихъ въ горахъ Тайгета ⁴⁾. Свѣдѣній о славянахъ въ горахъ

¹⁾ Некоторые, напр., сопоставленія текста Ласкаря Канана относительно славянъ другими источниками сдѣланы у Лундстрёма (с. 31).

²⁾ Lundström, с. 29.

³⁾ *Le Livre de la Conquête de la Principauté de l'Amorée. Chronique de Morée* (1454—1461) publiée... par J. Longnon. Paris, 1911, p. 125 (§ 333). См. также *Recherches historiques sur la Principauté française de Morée et ses hautes montagnes* T. I, Paris, 1845, p. 159.

⁴⁾ Longnon, p. 125, n. 1. Buchon, I, p. 159, n. 2.

Тайгета въ XIII—XV вѣкахъ не мало ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ документахъ XV вѣка Чаконія, упомянутая въ нашемъ мѣстѣ Морейской хроники рядомъ съ названіемъ Сиго, отождествляется иногда прямо со Славоніей: *vel aliunde ad partes Zachonie vel Sclavonie* ²⁾.

Такимъ образомъ Ласкаръ Кананъ зналъ о славянахъ, жившихъ въ Целопоннесѣ, и подъ своими зигіотами имѣлъ въ виду славянъ тайгетскихъ. Насколько возможно, чтобы въ его время въ области Любека говорили на ихъ языкѣ, я этого вопроса касаться не берусь.

А. Васильевъ.

¹⁾ Нѣкоторыя извѣстія сведены у А. Васильева. *Славяне въ Греціи*. Византійскій Временникъ, V (1898), с. 434—438.

²⁾ Sathas. *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge*. I. Paris, 1880, p. 298.

Конец Лангдокского интендантства.

Последним лангдокским интендантом был Charles Bernadotte Ballainvilliers, носивший также титул «барона де-Балленвиллье», хотя этим титулом, в виду его недавности, не пользовался¹⁾. Он был сыном овернского интенданта, умершего в 1761 г.²⁾, и занял пост лангдокского интенданта в 1786 году, будучи еще молодым человеком: в ту пору ему едва минуло пятьдесят девять лет.

Его быстрая карьера объясняется сильными связями молодого «инициатора», и в особенности его родством по женѣ с известным генераль-контролером де-Калонном³⁾, от которого и произошло главным образом назначение интендантов⁴⁾.

Я не буду здѣсь останавливаться на административной дѣятельности послѣдняго лангдокского интенданта, а ограничусь лишь наиболее характерными моментами, такъ сказать, ликвидационной поры лангдокского интендантства.

¹⁾ Аффширование дворянского титула, не освященного стариной, считалось въ то время дурного тона. Вотъ почему Балленвиллье никогда не подписывался „барон де-Балленвиллье“, просто *de Ballainvilliers*, опуская впрочемъ при этомъ старое „ротюрное“ имя фамилин: *Bernard* (имя это, замѣчу въ скобкахъ, многіе историки ошибочно принимаютъ за личное имя и пишутъ такъ: Charles-Bernard de B.). Аналогичный приѣмъ представляетъ знаменитый министръ Людовика XVI Турго, который, имѣя титулъ *Duc de l'Aulne*, никогда имъ не пользовался, предпочитая подписываться и писать своимъ стариннымъ дворянскимъ фамильнымъ именемъ *Turgot* (опять-таки замѣчу, что ошибочно принимаютъ многіе это имя за „буржуазное“).

²⁾ *Simon-Charles-Sébastien Bernard de Ballainvilliers, baron de Ballainvilliers, comte de Vilbonzin, du Cléry, du Ménil et autres lieux, conseiller du Roi en ses conseils, Maître des requêtes ordinaire de son Hôtel, Grand-Croix de l'ordre du Saint-Louis.*—*Bonnesfouy*, Histoire de l'administration civile dans la province de Languedoc. Paris, 1895, t. I, p. 115.

³⁾ Балленвиллье былъ женатъ на племянницѣ де-Калонна.

⁴⁾ *Ирдашев*, Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору революціи, т. I, стр. 256.

Взрывъ кроваваго психоза, ураганомъ пронесшагося по Франціи вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи въ іюль 1789 г.; послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ кровавая расправа съ парижскимъ интендантомъ, разтерзаннымъ озвѣрѣлой толпой среди бѣла дня въ центрѣ столицы; августовскіе декреты національнаго собранія объ отмѣнѣ привилегій; наконецъ, травля, организованная противъ представителей «старого порядка» и въ частности противъ интендантовъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ пришлось бѣгствомъ спасать свою жизнь,—все это крайне нервировало администрацію и будоражило народныя массы, среди которыхъ, на этой взрыхленной почвѣ, легко пускали корни разные тревожные и нелѣпые слухи, чреватые волненіями и вспышками. Однимъ изъ наиболѣе тревожныхъ былъ слухъ о предстоящей будто бы, а, по другой версіи, о будто бы уже состоявшейся отмѣнѣ національнымъ собраніемъ всѣхъ податей и повинностей. Последняя версія была, очевидно, подсказана своеобразнымъ толкованіемъ, какое въ тяжкодѣльныхъ мужицкихъ головахъ получилъ декретъ 17 іюня, которымъ національное собраніе отмѣняло въ принципѣ всѣ существующіе налоги, оставивши ихъ однако временно, вѣрнее въ введенія новой налоговой системы. Подобные слухи получили къ концу августа и началу сентября настолько тревожное распространеніе въ Лангдокѣ, что Баллэнвиллье счелъ необходимымъ обратиться съ соотвѣтствующимъ циркуляромъ къ своимъ субделегатамъ, а чрезъ нихъ и ко всѣмъ городскимъ и сельскимъ управленіямъ, въ цѣли «разрушить это заблужденіе, противное также и видамъ національнаго собранія», и «пригласить муниципалитетъ провинціи озабочиться наиболѣе дѣйствительными и быстрыми мѣрами ко взысканію налоговъ» ¹⁾. Принятые мѣры оказались однако, повидимому, мало дѣйствительными. По крайней мѣрѣ, изъ официальной переписки мы узнаемъ о такомъ характерномъ фактѣ. Въ началѣ декабря того же года десять городскихъ и сельскихъ управленій одного изъ податныхъ округовъ Лангдока прислали своему податному инспектору (*receveur des tailles*) письменное заявленіе, что они «не могутъ и не желаютъ платить налоговъ» и, кромѣ того, требуютъ, чтобы поставленные къ нимъ для взысканія податей солдаты были

¹⁾ Этотъ циркуляръ къ субделегатамъ, помѣченный 11 сентября 1789 г., наведенъ цѣликомъ въ „*Histoire générale de Languedoc*“, t. XIII, p. 1417.

угрожая въ противномъ случаѣ, «донести на него (подат-
спектора) національному собранію» ¹⁾. Въ томъ же мѣсяцѣ
иллье жалуется Неккеру, что «многіе діоцезы ²⁾ и города
ѣ отказываются платить суммы, которыми они себя обла-
тъ пользу интендантскихъ канцелярій, въ размѣрѣ 8.100 ли-
«Этотъ отказъ, прибавляетъ интендантъ, лишитъ меня не-
ыхъ средствъ для уплаты жалованья за четверть года, исте-
въ концѣ настоящаго мѣсяца» ³⁾. «Если это затрудненіе
тъ устранено, продолжаетъ интендантъ,—я, при всемъ моемъ
не въ состояніи буду ни самъ продолжать работу, ни за-
работать несчастныхъ чиновниковъ, которымъ не могутъ
» ⁴⁾.

льскія и августовскія событія 1789 г. не могли не вызвать
наго настроенія среди провинціальныхъ интендантовъ, кото-
рихъ приходилось первымъ принимать на себя удары, сыпавшіеся
у на «старый порядокъ». Интенданты засыпали Неккера
и объ отпускѣ, а то и объ отставкѣ, и министру не безъ
далось успокоить и удержать ихъ на мѣстахъ, да и то не
въ числѣ просившихъ отпуска и оставшихся по настояніямъ
былъ и Баллэнвиллье.

всякомъ случаѣ съ осени 1789 г., въ особенности послѣ
къ въ октябрѣ этого года національнымъ собраніемъ въ
ѣ было принято новое административное дѣленіе, предрѣ-
судьбу интендантства, интенданты, дѣйствительно, считали
астъ рѣшенной и, естественно, утратили всякую охоту про-
работать по-прежнему на томъ полѣ, съ котораго ихъ не
завтра стогнать. «Провинціальные интенданты бездѣйствуютъ,

Archives nationales, Н. 1063. Изъ письма министра къ главнокомандующему
къ, отъ 20 декабря 1789 г.: «Je viens d'être informé que deux communa-
cèse de Carcassonne ont fait signifier, le 7 de ce mois, au Receveur des
ce diocèse qu'elles ne peuvent ni ne veulent payer les impositions; elles le
de retirer les garnisons, sinon elles le dénonceront à l'Assemblée nationale».
Диоцезы въ Лангдокъ были не только церковными, но и административными

Чтобы понять эту фразу, необходимо имѣть въ виду, что на субдеlegates,
ники интендантскихъ канцелярій не получали опредѣленнаго жалованья отъ
получали лишь «вознагражденія» и «пенсін», частью отъ казны, частью
«пенсін» (т. е. отъ пров. штатовъ), частью отъ городовъ.

Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1418.

они ожидаютъ своей участи» — пишеть въ ноябрѣ 1789 г. одинъ современникъ ¹⁾. 1-го декабря того же года былъ принятъ національнымъ собраніемъ декретъ, гласившій, что «начиная съ 1-го января 1790 г. прекращается уплата жалованья интендантамъ» ²⁾. Десять дней спустя, новый декретъ (10 декабря) окончательно ставилъ точку надъ і; согласно ему, «королевскіе комиссары (т. е. интенданты) и ихъ субделегаты прекращаютъ свои функции, могутъ только вступать въ дѣйствіе департаментскія управленія» ³⁾. О впечатлѣніи, произведенномъ этими декретами на лангдокскаго интенданта даетъ понятіе собственноручныя письма его отъ 16-го и 21-го декабря.

Acher de Mortonval'ю, тому изъ высшихъ чиновъ контроля, черезъ котораго лангдокскому интенданту приходилось вести свою переписку съ Неккеромъ, Баллэнвиллье между прочимъ пишеть (16 декабря 1789 г.): «Я не издамъ приказа относительно имуществъ привилегированныхъ; достаточно того, чтобы мужественно выпить чашу до дна, безъ того чтобы еще брать на себя смѣшную роль. Г. Неккеръ просилъ меня остаться (на своемъ посту), я повиновался, для того чтобы дать доказательство моей преданности королю: это — величайшая жертва, какую я принесъ въ моей жизни. Но то, чтобы мнѣ приходилось бояться какихъ-либо личныхъ несправедливостей въ краѣ, гдѣ я пользуюсь любовью и уваженіемъ ⁴⁾, не признаюсь, мнѣ трудно переварить тѣ злобныя нападки, которыя вотъ уже столько времени сыплются на интендантовъ». Письмо заканчивается указаніемъ на тяжелое матеріальное положеніе служащихъ въ интендантскихъ канцеляріяхъ, о которыхъ уже давно, но, повидимому, безуспѣшно хлопочеть Баллэнвиллье. «Прошу васъ обратить вниманіе министра на то, что, если участь моихъ канце-

¹⁾ *Lescure*, Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la Cour et la Ville, de 1777 à 1792. Paris, 1866. T. II, p. 401: «Tous les Intendants sont dans l'inaction; ils attendent leur sort».

²⁾ «Moniteur» (réimpression), t. VI, p. 525.

³⁾ *Archives nationales*, A D XVIII^B.

⁴⁾ Повидимому, Баллэнвиллье имѣлъ объективныя основанія для подобнаго самомишнія, судя потому, что въ началѣ сѣдующаго 1790 г., при выборахъ новаго реформированнаго муниципалитета въ Монпелье, «столицы» интендантства, онъ былъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ избранъ на должность мэра города, хотя отъ этого избранія и отказался. *Archives nationales*, H 1107.

иных чиновников и субделегатов не будет рѣшена въ полномъ смыслѣ, мнѣ, при всемъ моемъ добромъ желаніи, невозможно будетъ продолжать дѣло» ¹⁾).

Пять дней спустя, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ декрета 9-го декабря 1789 г., Баллэнвиллье пишетъ тому же чиновнику національнаго контроля: «Вижу, что насъ лучше обслуживаютъ, вы васъ, хотя мы и отдѣлены отъ Парижа разстояніемъ въ 200 лиз. О декретѣ національнаго собранія, упраздняющемъ интендантовъ я зналъ раньше полученія письма г. генераль-контролера. Прошу у г. Неккера свободы и отставки. Я не могу себѣ представить, чтобы король захотѣлъ отпустить безъ всякаго вознагражденія интенданта, который поддерживалъ его власть нерушимую до послѣдняго момента. Если я прошу себѣ свободы, то лишь потому, что вынужденъ къ тому. Что могу я сдѣлать, имѣя въ распоряженіи субделегатовъ, которые получаютъ отовсюду жалованья и ни откуда не получаютъ жалованья, и съ канцелярскими чиновниками, которые остаются безъ куска хлѣба и, естественно, идутъ его искать въ другихъ мѣстахъ? Обезпечьте имъ по крайней мѣрѣ до конца декабра выслуженное ими жалованье. Если король будетъ меня еще удерживать въ этой галерѣ, то пусть крайней мѣрѣ платить, иначе мы ничего не будемъ дѣлать» ²⁾).

Извѣстному, этотъ своеобразный ультиматумъ возмущеннаго интендатора возымѣлъ свое дѣйствіе, судя по тому, что Баллэнвиллье продолжаетъ и послѣ этого «дѣлать» свое дѣло въ теченіе десяти мѣсяцевъ, именно—вплоть до октября слѣдующаго 1790 г., то-есть до вступленія въ дѣйствіе новыхъ административныхъ учреждений, приуроченныхъ къ новому территориальному дѣленію департаменты ³⁾).

¹⁾ Archives nationales, H 1090.

²⁾ Archives nationales, H 1090. Проф. Roschach, авторъ продолженія 12-томной *Ист. Лангдока*. бенедиктинцевъ *Девика* и *Вессета*, воспроизводитъ это письмо выходящее на связку документовъ Нац. архива, гдѣ оно мною найдено (б. м., онъ имеетъ копию въ мѣстномъ архивѣ).

³⁾ Archives nationales, H 1483 (avril 1790): «... M. Necker a pensé que les Intendants et le travail de leurs commis devant continuer jusqu'à la mise des nouveaux départements, il est juste que les traitements et les frais des employés soient payés». Лангдокъ былъ раздѣленъ на восемь департаментовъ.

Подобно пассажирамъ тонущаго корабля, чиновники интендантскихъ канцелярій и субделегаты спѣшатъ захватить съ собою, что можно. Хоть бы получить выслуженное жалованье—къ этому въ сущности сводятся въ концѣ 1789 г. и въ началѣ 1790 г. ихъ чаянія и вождельія. Они одолеваятъ своими прошеніями интенданта, интендантъ налегаетъ на министра. 16 декабря 1789 г. онъ отправляетъ Неккеру обстоятельное письмо въ этомъ смыслѣ, но письмо полтора мѣсяца остается безъ отвѣта, и Баллэнвиллье возобновляетъ атаку.

«Я не могу, пишетъ онъ Неккеру 8-го февраля 1790 г.,—отказать моимъ субделегатамъ и канцелярскимъ чиновникамъ въ ихъ просьбѣ—напомнить вамъ о ходатайствѣ, которое я имѣлъ честь представить на ваше усмотрѣніе въ письмѣ моемъ отъ 16 прошлаго декабря. Они не перестаютъ выражать мнѣ свое безпокойство, въ виду отсутствія увѣренности въ томъ, что причитающееся имъ жалованье и наградныя будутъ ими получены, и лишь подавая мнѣ надежду на благопріятное рѣшеніе интересующаго ихъ вопроса, мнѣ удалось ихъ успокоить и добиться того, чтобы они продолжали свою службу и свою работу, увеличившуюся въ текущемъ году вслѣдствіе разсылки многочисленныхъ декретовъ національнаго собранія. Мнѣ стоило большого труда собрать необходимыя суммы для уплаты чиновникамъ моихъ канцелярій жалованья за четверть, истекающую въ концѣ прошлаго декабря, при чемъ, для образованія требуемой суммы, мнѣ пришлось позаимствовать полторы тысячи ливровъ изъ предоставленныхъ Его Величествомъ въ мое распоряженіе, изъ фондовъ вознагражденій 1788 года, трехъ тысячъ; но мнѣ будетъ невозможно уплатить слѣдующую четверть, истекающую въ будущемъ мартѣ, равно какъ и вознагражденіе моимъ субделегатамъ, если вы не придете мнѣ на помощь» ¹⁾.

¹⁾ *Archives nationales*, H 1107, pièce 100.—Персональ канцелярій лангювскаго интендантства состоялъ въ восьмидесятихъ годахъ изъ девятнадцати человекъ, именно (въ скобкахъ указано годовое содержаніе каждаго): Premier secrétaire, chef des Bureaux (9.000); Subdélégué au département de Montpellier, chargé en outre de Domaines (2.00); Chef du bureau des Communautés (1.200); Adjoint (1.200); четырнадцать писцовъ съ различнымъ содержаніемъ, отъ 300 до 700 ливровъ. Весь персоналъ интендантскихъ канцелярій обходился въ годъ 23.200 ливровъ; съ 1787 года эта сумма, по особому ходатайству Баллэнвиллье, была повышена до 27.000 ливровъ, при чемъ дополнительная сумма въ 4.000 ливровъ была позаимствована изъ фондовъ

Положеніе служащихъ въ интендантскихъ канцеляріяхъ было ту пору, дѣйствительно, не изъ завидныхъ. Судить объ этомъ можно хотя бы по письму одного изъ секретарей интендантства, Vialla, къ интенданту отъ 16 іюля 1790 г. Напоминая интенданту о своемъ прошеніи, поданномъ еще 22 декабря 1789 года, жалуется, что, прослуживши въ интенданствѣ болѣе сорока лѣтъ, онъ принужденъ теперь думать о томъ, чтобы не умереть голодомъ. «Напрасно искалъ я работы въ новыхъ административныхъ учрежденіяхъ. Продолжительная предшествующая служба, многорыбная опытность, на дѣлѣ доказанная честность, полезныя въ общественной службѣ познанія,—все это не составляетъ въ настоящее время достаточныхъ основаній для полученія мѣста; совершенно обратное, это скорѣе основанія для отказа: на такихъ людей смотрятъ, какъ на подозрительныхъ, такъ какъ они-де «люди стараго склада»¹⁾. Самое лучшее, что могъ сдѣлать интендантъ, это — написать краснорѣчивое *non verbis, sed rebus* письмо своего подчиненнаго, что онъ и дѣлаетъ, сопровождая его собственноручной рекомендаціей²⁾. Подобнымъ же образомъ поступаетъ онъ и съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ прошеній другихъ своихъ подчиненныхъ³⁾.

Не забываетъ конечно и себя лангдокскій интендантъ. Еще въ апрѣлѣ 1788 г. Балленвиллье обращается въ генеральный департаментъ съ ходатайствомъ о «вознагражденіи» себѣ изъ казны, въ значительности расходовъ, связанныхъ съ оффиціальнымъ предшествованіемъ. При этомъ онъ представляетъ министру подробную

списокъ «фондовъ» (*fonds des indemnités*), находившагося въ распоряженіи интенданта (контролемъ генераль-контролера). Изъ того же «фонда» выдавались «вознагражденія» и субделегатамъ (такъ какъ казеннаго жалованья они не получали). Совершенно представленной интендантомъ въ 1789 г. таблицѣ, у него пѣлось въ это время, что на содержание субделегатовъ «вознагражденія» которыми колебались въ суммахъ до 1.200 ливровъ въ годъ. Сверхъ того, пятеро субделегатовъ получали изъ фонда по 600 ливровъ ежегодно, въ качествѣ «пенсій». Содержаніе всѣхъ субделегатовъ обходилось въ 22.000 ливровъ въ годъ. *Archives nationales*, H 1090.

Archives nationalls, H 1107, pièce 178.

Ballainvilliers à Necker, 22 décembre 1789: „J'ai l'honneur de vous recommander la lettre jointe à la mienne. Elle est de M. Vialla, chef du Bureau des Comptes de l'intendance de Languedoc; sa probité, sa délicatesse, ses lumières et ses vœux sollicitent en sa faveur. M. de Saint-Priest sous lequel il a eu l'honneur de servir, peut attester, ainsi que moi, combien il est digne de vos bontés et de celle de Sa Majesté“. Ibidem.

Ibidem.

справку о получаемых имъ служебныхъ доходахъ, которые простираются въ общей сложности до 42,000 ливровъ въ годъ¹⁾ Что касается служебныхъ расходовъ, то самой крупной статьей въ нихъ является «представительство» во время сессіи мѣстныхъ «генеральныхъ штатовъ»²⁾, обходящееся интенданту въ 24,000 ливровъ. Другая крупная статья, это—расходы, связанные съ ежегоднымъ переѣздомъ интенданта, «со всѣмъ домомъ», въ городъ Бокери (Beaucaire), на тамошнюю ярмарку, во время которой интенданту приходится «держать открытый столъ»; эта статья обходится интенданту ежегодно въ 8,000 ливровъ. Кромѣ того, надо посчитать, говоритъ Балланвиллье, расходы, связанные съ ежедневнымъ представительствомъ въ остальное время года. «Чтобы жить въ городѣ³⁾, имѣющемъ гарнизонъ, писать интендантъ, я не могу уклониться отъ обязанности приглашать къ себѣ ужинать большое количество лицъ въ теченіе цѣлаго года». Надо, наконецъ, посчитать частныя поѣздки по провинціи, тоже связанныя съ немалыми расходами. Въ заключеніе интендантъ ходатайствуетъ о «вознагражденіи». Безъ этого, говоритъ онъ, «мнѣ будетъ невозможно поддерживать представительство короля на должной высотѣ» иначе, какъ пожертвовавши своимъ личнымъ состояніемъ», которое и безъ того уже получило значительную брешь вслѣдствіе единовременнаго расхода.

¹⁾ Вотъ статьи, изъ которыхъ слагался личный доходъ лангдокскаго интенданта въ силу его служебнаго положенія, согласно составленной имъ въ 1788 г. таблицѣ (Etat):

Appointements ordinaires	12,000 l.
Gages du Conseil	1a 500 „
Gratification pour la foire de Beaucaire	4.000 „
Appointements sur les Garnisons	1.800 „
Appointements militaires	10.000 „
Pour la dépense des Etats	7.000 „
Pour la Commission de 1734.	3.000 „
Gratifications sur les fonds des indemnités.	6.000 „

Итого 45.530 ливровъ,

а съ разными вычетами всего 43.093 ливра чистаго служебнаго дохода.

²⁾ Официальное названіе лангдокскихъ штатовъ было *Etats généraux de Languedoc*; противъ наименованія ихъ „провинціальными штатами“, какъ это принято теперь въ исторической литературѣ, они бы, конечно, протестовали самымъ энергичнымъ образомъ.

³⁾ Montpellier.

разведеннаго имъ изъ своихъ средствъ на отдѣлку и обмѣблировку индѣантскаго «отеля» во время назначенія на должность лангдокскаго интенданта, а эти расходы Баллэнвиллье вычисляетъ въ 1000 ливровъ. «Хотя, продолжаетъ онъ, мой отецъ умеръ на старости, я не имѣлъ никакой пенсїи отъ короля, да и не просилъ ея. Однако я уплатилъ 50,000 ливровъ долговъ, которые были сдѣланы моимъ отцомъ для того, чтобы прїйти на помощь большому селенію провинціи Оверни, которой онъ былъ интендантомъ, и за которыя онъ заплатилъ королевскую талю (подать), такъ какъ они не въ состояніи были ея уплатить; этотъ послѣдній былъ удостовѣренъ докладной запиской, представленной г-ну саль-контролеру г-номъ де-Монбуасье. Мой предшественникъ, вступленіи въ должность интенданта, получилъ пенсїю и неоднократно получалъ чрезвычайныя вознагражденія, по причинѣ огромныхъ издержекъ, которыя онъ вынужденъ былъ производить. Однако доходы интендантства не увеличились за тридцать лѣтъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время жизнь въ Парижѣ столь же дорога, какъ и въ Парижѣ»¹⁾.

Какова была судьба изложеннаго ходатайства Баллэнвиллье, изъ находящихся въ моемъ распоряженіи данныхъ не видно. Но въ концѣ 1789 г., въ эпоху начавшейся ликвидаціи интендантства, въ учрежденіи, лангдокскій интендантъ раздѣляетъ охватившее вѣдниковъ его канцелярій безпокойство на счетъ аккуратнаго исполненія жалованья. «При неувѣренности въ полученіи своего жалованья, пишетъ онъ 9 ноября 1789 г. министру,—мнѣ будетъ невозможно продолжать свое представительство въ Лангдокѣ при подлежащемъ уровнѣ; мое личное состояніе, сильно уменьшившееся за время моего интенданства, свелось бы на нѣтъ...»²⁾.

Послѣдніе мѣсяцы пребыванія Баллэнвиллье на посту интенданта независимо отъ общаго тягостнаго состоянія въ виду крушенія того учрежденія, однимъ изъ видныхъ носителей котораго онъ являлся, были для него отмѣчены цѣлымъ рядомъ непрїятностей,

¹⁾ Archives nationales, H 1090. Письмо Баллэнвиллье помѣчено «Montpellier, 26 février 1788».

²⁾ Archives nationales, H 1090. Lettre autographe de M. de Ballainvilliers à M. de Mortonal, du 9 novembre 1789.

связанных съ обострившейся къ концу 1789 г. и началу 1790 г. голодовкой и безработицей въ городахъ. Еще въ концѣ 1789 г. люди хорошо освѣдомленные серьезно опасались возможныхъ безпорядковъ на почвѣ матеріальной нужды¹⁾. Опасенія эти, дѣйствительно, вскорѣ оправдались. Въ первые мѣсяцы 1790 г. нужда и безработица достигаютъ тревожной остроты. Баллэнвилль спѣшитъ прибѣгнуть къ столько разъ ранѣе съ успѣхомъ испытанному средству: онъ организуетъ—едва ли уже не въ послѣдній разъ—«благотворительныя работы» (*ateliers de charité*)²⁾. Но эти палліативныя мѣры, оказывавшія свое дѣйствіе въ болѣе спокойныя времена, оказались безсильными въ 1790 г. предупредить взрывъ безпорядковъ въ главныхъ городскихъ центрахъ провинцій: Монпелье, Тулузѣ, Нимѣ,—въ особенности въ послѣднемъ городѣ, гдѣ къ причинамъ волненій болѣе или менѣе общаго характера примѣшался старинный антагонизмъ между католиками и многочисленными здѣсь протестантами; безпорядки въ Нимѣ скоро приняли кровавый характеръ—это была какъ бы послѣдняя вспышка того огня, который тлѣлъ подъ двухвѣковымъ слоемъ пепла послѣ пожара религіозныхъ войнъ³⁾.

Непрерывныя волненія и непріятности наконецъ сломили здоровье Баллэнвиллье, и въ серединѣ марта 1790 г. онъ уже самымъ рѣшительнымъ образомъ запросилъ отпуска⁴⁾. Однако и на этотъ разъ министръ не сразу сдался, и интенданту пришлось обра-

1) *Archives nationales*, H 1063. Necker à Rome, syndic général de Languedoc, 3 décembre 1789: «... Je suis surtout frappé du danger qui peut y avoir à laisser sans occupation un nombre considérable d'hommes qui resteront oisifs et sans ressources...».

2) *Archives nationales*, H 1063. Le Contrôleur général à l'intendant de Languedoc, 25 mars 1790.

3) *Prudhomme*, Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française, t. III, p. 189—202, 207—210, 223—230. См. также современныя событіямъ реляція въ видѣ брошюръ, хранящихся въ Национальной библіотекѣ подъ рубрик. Lb. 30/3368, 3320, 2427, 3556, 3557, 3558, 3895 и 4180.

4) Собственноручное письмо Баллэнвиллье къ министру, отъ 16 марта 1790 г. «Monsieur, Ma santé est d'un état déplorable. Je viens d'être atteint d'une fièvre putride, dont les suites m'ont laissé une faiblesse et une langueur dangereuse. Les médecins me conseillent de changer d'air, et surtout d'aller respirer celui de Paris, dont la température est plus fraîche que celle des pays méridionaux. Je vous prie de vouloir bien m'envoyer un congé le plutôt possible, et d'ajouter ce procédé à ceux que vous avez eu toujours pour moi». *Archives nationales*, H 1107, pièce 58.

я сначала къ заступничеству лангдокскаго главнокомандую-
 гр. де-Перигоръ, который особымъ письмомъ къ министру
 ржалъ ходатайство интенданта, вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердивши
 ненное состояніе Баллэнвиллье¹⁾, а затѣмъ написалъ въ концѣ
 еще настоятельное письмо къ Achier de Mortonval'ю, въ ко-
 интендантъ настаивалъ на скорѣйшемъ отпускѣ, ссылаясь на
 разъ и на болѣзнь жены, которой врачи рекомендовали ѣхать
 арижъ, для того чтобы серьезно заняться леченіемъ²⁾. На этотъ
 настоянія интенданта увѣнчались успѣхомъ, и 6 апрѣля онъ
 илъ наконецъ давно желанный отпускъ³⁾.

Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія отпуска Баллэнвиллье
 шлся со своей провинціей, куда уже болѣе не суждено было
 вернуться. Веденіе текущихъ дѣлъ онъ поручилъ своему пер-
 секретарю М. Favier, а самъ съ семьей уѣхалъ изъ Монпелье
 арижъ, воздухъ котораго, по его словамъ, ему настоятельно
 рекомендовали врачи, «какъ болѣе свѣжій, чѣмъ воздухъ южныхъ
 ». Изъ Парижа Баллэнвиллье продолжалъ вести официальную
 ирку съ министрами и своимъ первымъ секретаремъ, разсма-
 разные дѣла, издавать приказы и проч. 1 октября 1790 г.
 ария лангдокскаго интенданства въ Монпелье прекратила,
 шъ, свои функціи, за исключеніемъ канцеляріи перваго се-
 тия, который еще на другой день явился въ послѣдній разъ,
 съ помощью одного изъ своихъ помощниковъ подписать и
 вить послѣднія бумаги и затѣмъ сдать всѣ дѣла делегатамъ,
 вированнымъ отъ новаго департаментскаго управленія, которымъ
 поручено распредѣлить обширный архивъ интенданства между
 ни восемью департаментами, на которые отнынѣ распадался
 и Лангдокъ⁴⁾.

Что касается самого Баллэнвиллье, то онъ продолжалъ еще
 время официальную переписку. Послѣднее официальное
 Баллэнвиллье мною не разыскано, но мнѣ посчастли-
 вѣ найти министерское письмо, адресованное лангдокскому интен-

¹⁾ Ibidem, pièce 57. Lettre du comte de Périgord à M. de Lambert, de Mont-
 du 25 mars 1790.

²⁾ Ibidem, pièce 55 (Montpellier, 30 mars 1790).

³⁾ Ibidem, pièce 51.

⁴⁾ Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1419.

данту 28 октября 1790 г., очевидно послѣднее, ему адресованное и именно—въ отвѣтъ на (не найденное) послѣднее письмо интенданта ¹⁾).

Изъ этого видно, что ошибочно господствующее въ исторической литературѣ мнѣніе, что уже къ срединѣ 1790 г. интендантство, какъ учрежденіе, прекратило свое существованіе ²⁾).

П. Ардашевъ.

¹⁾ *Archives nationales*, H 1063. Lambert à Ballainvilliers, 28 octobre 1790: «En répondant à la lettre que j'ai eu l'honneur de vous envoyer concernant l'emploi de la somme de 970 liv. qui est à répartir du fonds des indemnités de cette année, vous m'observez qu'ayant cessé totalement vos fonctions, vous ne pouvez plus rendre aucune ordonnance pour disposer de cette somme...».

²⁾ Hanp.: *d'Arbois de Jubainville*, L'Administration des Intendants d'après les archives de l'Aube, p. 20: «...et quand, en juillet 1790, le nom même des Intendants disparut...»

Изображенія Воскресенія на египетскихъ памятникахъ.

Египетская религія учила о полученіи Осирисомъ новой жизни изъ вѣдѣній и раздробленія; жизнь ему была возвращена при по-
магическаго погребальнаго ритуала, бальзамированія и вѣянія
вѣвъ Исиды и Нефтиды. Однако, оживъ не только духомъ, но
плотью, Осирисъ сохранилъ форму зацѣленутой муміи и не остался
передъ людьми на землѣ. И богъ Ра ежедневно умираетъ ве-
ре, и въ видѣ «плоти» странствуетъ по преисподней, чтобы
покинувъ «плоть», появиться вновь на небѣ въ видѣ лу-
нато скрабея. Люди уподоблялись Ра и сливались съ Осирисомъ
послѣ смерти. И для нихъ погребальный обрядъ былъ средствомъ
восстановить тѣлесныя способности¹⁾, хотя бы и при сохраненіи вида
муміи для нихъ было предѣломъ желаній по смерти сопутствовать
богу на его небесномъ кораблѣ. Поэтому циклъ осирисовыхъ
представленій открывалъ мѣсто чаяніямъ загробнаго
жизни и тѣла. Эти чаянія и представленія
не были приведены въ стройную систему и согласованы.
«Воскресеніи плоти» въ нашемъ смыслѣ едва ли можно говорить:
забольшую часть представлялась существующей отдѣльно, воз-
вращаясь въ видѣ человѣкоподобной птицы на небо, и только иногда
идей посѣтить свое тѣло и войти въ него²⁾; о грядущемъ
жизни и тѣла у египтянъ представленія не было. Но ря-
зомъ этимъ то и дѣло говорятъ покойнику: «да не удаляется
твое тѣло отъ тѣла твоего, да живешь ты вновь послѣ смерти»³⁾.
терминъ «обновлять жизнь», «жить вновь» (whm—nh)

Напр., текстъ I-й главы Книги Мертвыхъ.

Изображенія нерѣдки особенно среди иллюстрацій къ I-й (душа сходитъ въ
склепъ) и XVII-й (душа паритъ надъ муміей) главамъ Книги Мертвыхъ.

Напр., въ заупокойныхъ надписяхъ съ изреченіями начала Нового Царства.
S. 56, Urkunden d. XVIII Dynastie, 496, 518 и др.

употребляется весьма нерѣдко, особенно въ эпохи Средняго и Начала Новаго Царства на надгробныхъ стѣлахъ ¹⁾ и другихъ памятникахъ ²⁾ будучи поставленъ послѣ имени покойнаго («имя рече живущій вновь»), то замѣняя обычное «правогласый», ($m\bar{x}$ — hgm), то соединяясь съ нимъ ³⁾. Для Осириса, кромѣ этого слова, употреблялись въ заупокойной литературѣ, и притомъ гораздо чаще «пробуждаться», «вставать».

Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на изложеніи и разсмотрѣніи египетскихъ представлений о воскресеніи боговъ и людей; цѣль нашей замѣтки—представить нѣсколько изображеній въ которыхъ египтяне пытались выразить въ искусствѣ это вѣрованіе.

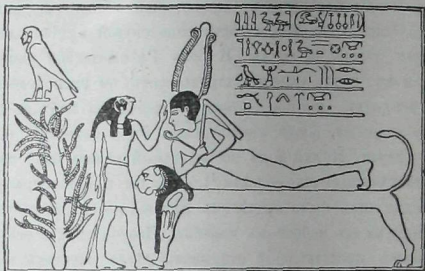

Рис. 1.

Мистеріи, справлявшіяся въ честь умершаго и ожившаго бога растительной силы, перваго мертвеца и распорядителя загробныхъ благъ—Осириса въ Дендера, Элфу, Филахъ и т. п. обусловливали появленіе на стѣнахъ храмовыхъ помѣщеній, въ которыхъ эти обряды справлялись, рядовъ изображеній представляющихъ Осириса то бездыханнымъ на погребальномъ ложѣ, то пробуждающимся подъ дѣйствіемъ магическихъ обрядовъ и дѣйствій своего сына Гора (рис. 1)

¹⁾ Напр. Стѣла Пенсенба, *Proceedings of the Society of Bibl. Archaeol.* XI, 413 и мн. др.

²⁾ Напр. на найденныхъ въ Іерихонѣ отпечаткахъ скарабея «писца впамятѣ Сенбефа, живущаго снова», XXII *Wissensch. Veröffentlichung. d. Orient-Gesellschaft. Iericho*, S. 156 sq. Въ текстахъ саркофаговъ, изданныхъ *Lacau* это слово встрѣчается всего одинъ разъ (XXIII глава, *Rec. de tv.* XXIII, 155): «я живу дыша, я снова живу послѣ моей гибели».

³⁾ Напр. *Moret*, *Catalogue du Musée Guimet (Annales d. M. G. XXXII)*, p. 24.

юихъ сестеръ (рис. 2—4), то медленно поднимающимся съ

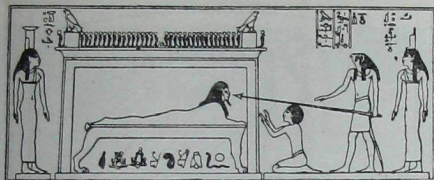

Рис. 2.

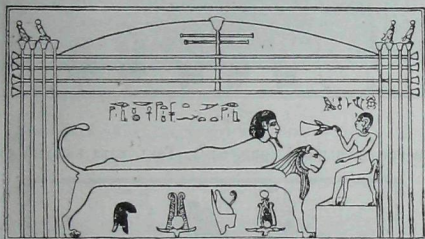

Рис. 3.

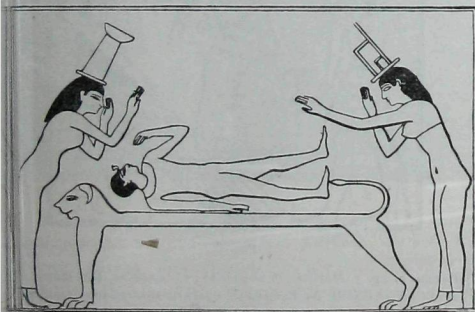

Рис. 4.

правого бока (рис. 5), какъ это говорили еще тексты пирамидъ

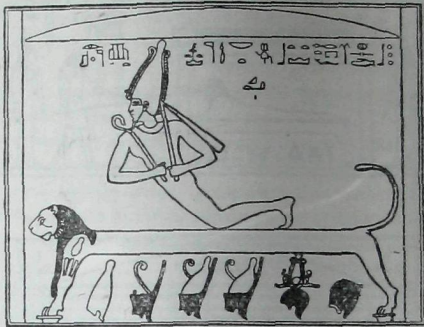

Рис. 5.

то совершенно ожившимъ (рис. 6) ⁷⁾. Такъ какъ каждый умершій—

Рис. 6.

⁷⁾ Изданы м. пр. у *Mariette Dendérah IV*; ср. *Lanzone, Dizionario di Mitologia Egizia*, Tav. CCLX—CCXCII. Въ Каирскомъ музеѣ находится еще диоритовая лежащая фигура пробуждающагося Осириса, которую Масперо ставитъ въ связь Herod. II, 176. Издана она въ *Catalogue général; Daressy, Statuettes de divinités*, pl. XXIII, 38, 121.

ь, то и на гробахъ иногда можно встрѣтить изображенія
щихъ покойниковъ. Такъ на великолѣпномъ расписномъ де-

Рис. 7.

ть саркофагъ-уникъ поздняго времени № 1039 Московскаго
заящныхъ искусствъ имени Императора Александра III мы
на груди изображеніе тѣла на погребальномъ ложѣ въ

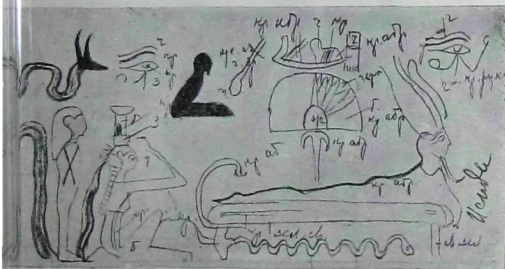

Рис. 8.

бальзамированія, которое совершаетъ Анубисъ. Лицомъ къ тѣлу
жужская фигура, простирающая къ носу его жезль и знакъ
жизни. Покойный пробуждается и поднимаетъ голову отъ
этого дѣйствія бальзамированія и знака жизни (рис. 7). По-

добное же изображеніе имѣется на берлинскомъ заупокойномъ папирусь Ливійской эпохи. № 3147 ¹⁾; здѣсь Осирисъ также подни-

Рис. 9.

маетъ голову, но кажется только подѣ магическимъ дѣйствіемъ прочитаній Исида и Нефтиды (рис. 8). На папирусахъ Книги Мертвыхъ, среди иллюстрацій къ XVII главѣ встрѣчается ящикъ съ головой

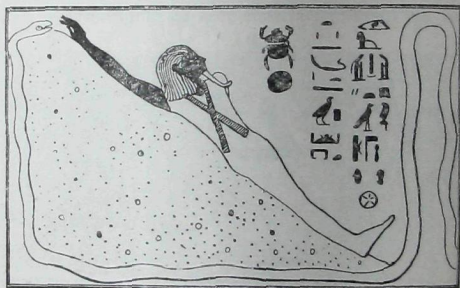

Рис. 10.

крышкѣ. Извѣстный папирусъ Ани ²⁾ Британскаго Музея изображаетъ, кромѣ головы, еще руки, выходящія и держащія по знаку жизни (рис. 9). Очевидно предъ нами рисунокъ поднимающагося изъ гроба

¹⁾ Привожу по копіи, любезно предоставленной мнѣ В. М. Викентьевымъ.

²⁾ Изд. въ краскахъ Budge, табл. 8.

а; дѣйствительно, иногда по обѣ стороны этого ящика изображены плачущія Исида и Нефтида¹⁾. Здѣсь же можно упомянуть символическихъ изображенійхъ—лежащей муміи Осириса съ нимъ изъ нея знаками, передающими идею возрожденія²⁾ и «Osiris végétant» —приготовленные въ ростъ человѣка вмѣ

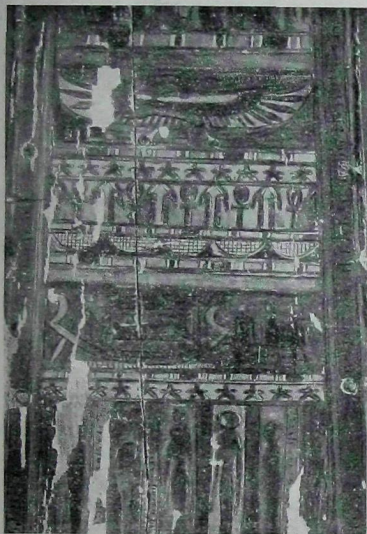

Рис. 11.

въ видѣ муміи Осириса, наполненные землей и засѣянные³⁾. Эти предметы были въ ходу въ эпоху XVIII династіи.

напр. на дублинскомъ папирусь, виньетки котораго изд. у Naville, Todtenbuch. давалось много разъ по барельефу въ Фивахъ; см. напр. Ed. Meyer, Pyramiden, 101; Budge, Osiris, 58 и ми. др. Жрецъ, поливая фигуру, «обновляетъ Осириса».

изд. м. пр. Daressy, Fouilles de la vallée des rois. Catal. du Caire, III pl. См. Wiedemann, Osiris végétant. Le Muséon, 1903, 111 сл.

Причудливая фантазія египетскихъ жрецовъ, вызвавшая къ жизни странныя книги «О томъ, что на томъ свѣтѣ» и «Книгу Вратъ» имѣвшія цѣлью обезпечить умершему право сопутствовать богу въ его солнечномъ пути, наглядно выразила магическую силу этихъ книгъ, помѣстивъ въ царскихъ гробницахъ при нихъ изображенія поднимающейся или поднявшейся муміи. Возвращеніе ей жизненной силы выражено здѣсь крайне грубо-натуралистически¹⁾. Подобное же изображеніе имѣется и на одномъ заупокойномъ паннеліи XXII династіи (рис. 10): изображенная мумія здѣсь названа «пробуждающійся Осирисъ»²⁾.

Въ заключеніе приведемъ еще изображеніе души, парящей къ небу (рис. 11). Подобныя изображенія встрѣчаются на позывныхъ ящикахъ для погребальныхъ статуэтокъ «ушебти». Приводимое взято съ ящика птолемеевской эпохи, находящагося въ Московскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ³⁾.

Б. Тураевъ.

1) См. Mission du Caire III, II, 4, pl. 5 (8)—гроб. Рамсеса 9; ibid. pl. 65 (2) гроб. Таусеръ. Грубо-натуралистическія изображенія лежащей муміи Осириса видѣются среди храмовыхъ барельефовъ см. Lanzone, о. с. CCLXXXV—CCLXXXVII, но они стоятъ въ связи съ мифомъ о рожденіи Гора отъ мертвого Осириса.

2) Budge, Osiris, I, 46.

3) Сбоку надпись: „Ты восходишь на небо“. На одномъ изъ птолемеевскихъ ящичковъ моего собранія душа возносится, имѣя въ рукахъ перья. Наряду встрѣчаются изображенія парящихъ душъ со страусовыми перьями опирающимися на руки.

Общественныя работы въ эллинистическомъ Египтѣ.

(Къ вопросу о генезисѣ античнаго капитализма).

Я касаюсь вопроса объ общественныхъ работахъ лишь по-
тому, поскольку дѣло идетъ о ихъ связи съ народнымъ хозяй-
ствомъ.

Производство болѣе или менѣе обширныхъ общественныхъ ра-
ботъ обычно отражаетъ уровень народнаго хозяйства. Такія работы
требуютъ извѣстной затраты капитала, и то обстоятельство,
получается этотъ капиталъ,—отъ государства, отъ общест-
венныхъ организацій или отъ частныхъ лицъ,—является очень ха-
рактернымъ для хозяйственнаго строя данной эпохи и даннаго
государства.

Нечего распространяться о томъ, что въ Египтѣ чуть-ли не
сначала его историческаго существованія появилась потребность
организации работъ, необходимыхъ для всего населенія, безъ
которыхъ существованіе здѣсь было немыслимо. Я разумѣю, конечно,
копѣние каналовъ и устройство плотинъ, нужныхъ для оро-
шенія страны и регулированія разлитія Нила. Эти общественныя
работы въ настоящемъ смыслѣ слова въ эпоху Птолемеевъ были
организованы слѣдующимъ образомъ.

Какъ мы видимъ изъ дошедшей до насъ переписки инженеровъ
и Теодора¹⁾, работавшихъ въ Файюмѣ въ III в. до Р. Х.,
техническая часть въ организации работъ лежала на главныхъ ин-
женерахъ съ ихъ штатами. Финансовой же стороной дѣла завѣды-
валъ контролеръ (ἀντιγραφεύς) и царскій письмоводитель

¹⁾ Р. Petrie II, 4 и 13=Petrie III, 42; Petrie II, 9=Petrie III, 43; ср. также
тамъ 24.

(*basilikos grammateus*)¹⁾. Специально для наблюденія за плотина контролеръ назначалъ особаго контролера (*anti-graphes*), который приносилъ присягу въ томъ, что будетъ правильно нести свои обязанности²⁾.

Для писмоводства (напр., подсчета сдѣланныхъ работъ) держалъ штатъ писцовъ, — отчасти на мѣстѣ работъ³⁾. Конечно, мелкіе администраторы въ родѣ номарховъ и комарховъ привлекались къ дѣлу по мѣрѣ надобности⁴⁾.

Лилльскій папирусъ по. I показываетъ намъ тотъ порядокъ, который лежалъ въ основѣ производства работъ. Здѣсь идетъ рѣчь объ устройствѣ ирригаціи на значительномъ пространствѣ, имев-

¹⁾ Они, напр., фигурируютъ при заключеніи всѣхъ подрядныхъ контрактовъ Petrie III, 42 F а и 43, 2. Объ антиграфѣ см. слѣд. примѣчаніе. Изъ *P. Lille* verso, l. 24—25 (планъ и осмотръ оросительныхъ работъ), видно, что оросительныя работы осматриваютъ инженеры (*architektones*) и *basilikoi grammateis*, а кроме того, составленія проекта оросительныхъ работъ касается *anti-graphes* (Recto l. 1). Общій надзоръ оставался, конечно, за діоикетомъ (можетъ быть, Аполлоній которому адресованъ этотъ папирусъ и который совершаетъ объѣзды мѣстности, — діоикетъ 258—2 г. до Р. Х., — см. примѣч. издателя къ l. 1). Я, вслѣдъ за Wilcken'омъ (Arch. 219), сомнѣваюсь въ правильности мнѣнія Keil'a (Bul. cor. hell. 32, 197 ss.), который считаетъ Аполлонія главнымъ подрядчикомъ: такого въ этомъ текстѣ вообще не имѣется въ виду. Странность, заключающаяся въ томъ, что въ l. 29 упоминается 3-мъ лицъ тотъ самый Аполлоній (былъ ли это—діоикетъ или другой чиновникъ, которому, какъ мы видимъ изъ l. 1, посвящается все это дѣло, — я объясняю такъ, что мы имѣемъ передъ собой копіи (какъ правильно думаетъ Keil, о. с., 201) изъ официальныхъ бумагъ; эти копіи были посланы Аполлонію, причемъ и была сдѣлана сверху приписка: *Stothetis (sic) anti-graphes* [sic] *Apollonion*. (етος) *χ' και Αιγυπτίων δὲ τὸ αὐτὸ μὲνός* Φαῶφι. *Ἀντιγραφόμενου Διοδώρου* (см. Wilcken, о. с., 219). Естественно, что въ протоколѣ, составленномъ какимъ-то лицомъ (Jouquet, р. 20, думаетъ, что это—Діодоръ, упоминаемый въ l. 3; но, можетъ быть, составитель—тотъ самый Стотетисъ, который пересылаетъ копіи всѣхъ бумагъ Аполлонію относительно поѣздки этого самого лица вмѣстѣ съ Аполлоніемъ для осмотра мѣстности, гдѣ будутъ производиться работы, Аполлоній названъ въ 3-мъ лицъ протоколъ писанъ не для Аполлонія, а теперь копія съ него пересылается ему (Аполлонію).

²⁾ *P. Petrie III*, 56 b, l. 5: *ὁμνῶσι Δεμήτριος* (sic.)—*Σωσιφάνει ἀντιγραφεῖ* τῆς *Προχλείδου μερίδος* и далѣе l. 8: *κατασταθεῖς ὑπὸ σου πρὸς τῆς ἀντιγραφείας τῆς Καλιμαχίδου μερίδος τὰ χωματικὰ πράγματα* εὐθεῖαι ὀρθῶς καὶ δικαίως.

³⁾ *Petrie III*, 3 37a l. 3--8—*μέτρησις ἐργων διὰ τῶν γραμματέων τῶν ἐν ἑκάστῳ τόπῳ*. *Lille* 1, 32.

⁴⁾ *Petrie III*, 37 а I, 10—комархи; *Petrie II*, 13, 2—комархъ; *Petrie III*, 43, 1=II, 42a, 1—комархи извѣщаются о назначеніи Θεοдора на мѣсто Клеона. *Petrie III*, 42 F, а 4; 43, 2 ver V, 7—номархи участвуютъ въ составленіи контракта; номархи должны заботиться о плотинахъ—*Petrie II*, 9, 1, 4; *Petrie III*, 44, 2 verso col. III 10 и 14 (=Petrie II, 37).

10,000 аруръ земли, которыя должны превратиться изъ пустыни въ пахотныя поля. Мы видимъ, что сначала инженерами составлялась предварительная смета работъ¹⁾, къ которой прилагался схематическій чертежъ; при этомъ подсчитывалось количество необходимыхъ работъ (въ данномъ случаѣ—земляныхъ) и стоимость ихъ (въ данномъ случаѣ имѣется въ виду альтернатива: стоимость болѣе дешевыхъ земляныхъ работъ и болѣе дорогихъ—лѣтныхъ); принималась во вниманіе возможная экономія, сводящаяся здѣсь къ использованію уже существующихъ плотинъ и каналовъ, а также естественныхъ впадинъ и овраговъ, которыя и безъ того орошаются, а съ другой стороны—невозможное возвышеніе издержекъ сравнительно съ ихъ среднимъ уровнемъ (въ данномъ случаѣ имѣется въ виду то обстоятельство, что для некоторыхъ плотинъ придется проводить по оврагамъ и впадинамъ земляныя плотины, слѣдовательно, чтобы сдѣлать ихъ въ уровень съ окрестными, — на нихъ придется потратить больше труда). Послѣ появленія такого общаго плана коммиссія изъ инженеровъ и финансовыхъ чиновниковъ (въ данномъ случаѣ βασιλικαὶ γραμματεῖς и, вѣроятно, даже—въ виду обширности работъ—самого діоикета) проверяла мѣстность и предварительную схему свѣряла съ реальными условіями (въ данномъ случаѣ получилось редуцированіе работъ почти на $\frac{1}{4}$, такъ какъ при осмотрѣ оказалось, что можно сократить каналы шириною вмѣсто 4 локтей лишь въ 3 локтя).

Когда такимъ образомъ планъ работъ былъ выработанъ, правительство переходило къ ихъ выполненію. При этомъ оно могло избирать одинъ изъ 3 способовъ: 1) прибѣгнуть къ натуральной повинности населенія, 2) организовать работы при помощи наемнаго труда) хозяйственнымъ способомъ и б) при помощи подрядчиковъ.

Для соответствующихъ работъ правительство могло привлечь населеніе, которое несло натуральную повинность, состоявшую изъ личной работъ надъ плотинами и каналами,—это та *corvée*, которая сохранялась въ Египтѣ до самого новѣйшаго времени, и лишь англичане стали ее сокращать²⁾. *Wilcken*³⁾ доказалъ, что еще въ римское время эта натуральная повинность своди-

¹⁾ P. Lalle, 1, 3—26.

²⁾ Earl of Cromer, *Modern Egypt*, 1908, vol. II, p. 406—419; Magnus, *Aegypten. ökonomisch-wirtschaftlichen Grundlagen und sein Wirtschaftsleben*, Tübingen, 1913, S. 29.

³⁾ Ostr., I, 338 ff.

лась къ 5 днямъ работы въ году и что ей подлежало все население а не только земледѣльцы (конечно, кромѣ александрійцевъ и нѣкоторыхъ другихъ привилегированныхъ группъ). Относительно организации этой согвѣе въ эпоху Птолемеевъ мы хуже освѣдомлены: одно существованіе этой повинности въ эпоху Птолемеевъ не подлежит сомнѣнію ¹⁾.

Но размѣры примѣненія натуральной повинности правительствомъ не могло увеличивать чрезмѣрно: если бы оно пошло по этому пути, то пострадало бы собственное хозяйство населенія и, конечно, его ipso поступленіе налоговъ въ казну уменьшилось бы. Поэтому правительству приходилось прибѣгать къ платному труду для организации работъ по орошенію страны.

Впрочемъ, не только невозможность злоупотреблять даровымъ трудомъ населенія заставила правительство прибѣгать къ наемному

¹⁾ Лучшимъ доказательствомъ является *Paris 66* (новое изданіе *Smyly* въ *Papiri*, vol. III, стр. 339 и *Wilcken*, *Grundzüge und Chrestomathie*, I, 2, no. 32), гдѣ мы имѣемъ подсчетъ работъ, исполненныхъ лицами, привлеченными къ согвѣе. Что здѣсь идетъ о работахъ принудительныхъ, видно изъ того, что точно перечисляются лица, изъятые отъ этихъ работъ (ll. 10—37; см. комментарий *Smyly* на стр. 342). *Wilcken* (*Ostr.* I, 337 и *Grundz.* I, 2, стр. 455) относитъ этотъ текстъ къ III в. до Р. X. Почему *Bouché-Leclercq* (*Histoire des Lagides*, III, 313, 1) относитъ его къ концу птолемея или къ началу римскаго времени, — я не знаю. Именное указаніе на согвѣе, заключающуюся въ доставкѣ тростника и другихъ матеріаловъ для починки плотинъ, см. въ указѣ Эвергета II (*Tebt* I, 5, 197—9). Вообще о принудительной работѣ на плотинахъ см. *Bouché-Leclercq*, о. с., III, 311 ss., гдѣ, впрочемъ, изложеніе основано преимущественно на данныхъ римскаго времени. Больше основательно изслѣдованъ этотъ вопросъ теперь *Oertel*ъ (*Die Liturgie*, Leipzig, 1912, 10—18), хотя я не во всѣхъ пунктахъ схожусь съ этимъ молодымъ, но весьма знающимъ ученымъ. Косвенныя доказательства существованія этой согвѣе въ эпоху Птолемеевъ, вытекающія изъ толкованія *Petrie* II, 4, 11 и изъ существованія налога *χωματικόν* въ эпоху Птолемеевъ, — см. ниже. — Какая то натуральная повинность (*λειτουργία*) въ Алабастрополѣ, для которой привлекалось населеніе изъ другихъ номовъ, упоминается въ *Hibeh* 78. Относительно *Tebt.* I 32. совершенно ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о повинности нести полицейскую службу (ср. *Tebt.* I, стр. 553); что же касается *Hibeh* 78 и *Tebt.* I, 124, 40, — то мы остаемся въ неизвѣстности: имѣется ли здѣсь въ виду физическая работа, или несеніе какихъ-либо другихъ обязанностей. Ср. полемику *Oertel*а (о. с., 22) противъ *Fitzler*а (*Steinbrüche und Bergwerke*, Leipzig, 1910, 39 f.), изъ которыхъ второй видитъ въ *Hibeh*, 78 указаніе на принудительную работу въ каменоломняхъ, а первый — указаніе на повинность нести полицейскую службу. *Oertel* (о. с., 54) и въ *Tebt.* I, 124, 40 видитъ указаніе на полицейскую повинность (ср. однако *Rostowzew*, *Studien zur Gesch. d. röm. Kol.*, 76).

Самый характер подневольного труда привлекаемых къ нему крестьянъ и ремесленниковъ¹⁾, конечно, заставлялъ предлагать трудъ наемныхъ рабочихъ: они работали интенсивнѣе какъ и потому, что работа давала имъ заработокъ, такъ и потому, что можно было набирать и изъ лицъ, специально привыкшихъ къ данному роду работамъ. Поэтому правительство Птолемеевъ не только допускало замѣну натуральной повинности денежными налогами — главнымъ образомъ налогомъ для исправленія плотинъ (χώρατικόν, но также и налогами въ замѣну другихъ натуральныхъ повинностей: ναύριον, λατοουργικόν²⁾). Мы знаемъ, что нѣкоторыя категоріи населенія, напримѣръ, клерухи, платили χώρατικόν, постоянный налогъ³⁾, причемъ, вѣроятно, размѣръ налога пропорціоналенъ площади ихъ владѣній, по 1 об. за юг⁴⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ является вполне естественнымъ, что мы встрѣчаемъ постоянно платный трудъ при работѣ на поляхъ.

Я рѣшаюсь высказать предположеніе, что натуральная повинность примѣнялась правительствомъ въ эпоху Птолемеевъ лишь для общественныхъ работъ, сводившихся къ очисткѣ каналовъ отъ ила и песку, которые наносились туда наводненіемъ. Именно въ этомъ,

¹⁾ О привлеченіи ремесленниковъ къ 5-дневной corvée въ римское время см. Charta Borgiana — Wileken, Ostr., 1, 341.

²⁾ Χώρατικόν Hibeh 45, 23; 112, 13; 119, 22. Petrie III, 54 b (c) 2; (d) 2 и 6; 108; 110; 111, 7; 112. Налогъ ναύριον или ὅπρ ναύριου въ эпоху Птолемеевъ упоминается Tebt. I, 5, 15; 76, 6сс.; 119, 52. Λατοουργικόν, — денежный налогъ вмѣсто какой-то натуральной повинности (λατοურγία) упоминается Tebt. I, 5, 49 ([ἀρε:]ἀρε: δὲ πάν[?]ας τοὺς ὀφειλομένους λατοουργ[?]χοῦ; 102 (77 г. до Р. X.; зд. уплачивается 8 др. серебра и 10 др. мѣди λατοουργ[?]χοῦ). Λατοουργικόν, уплачиваемый натурой (пшеницей), мы находимъ и въ платежахъ клеруковъ Petrie II, 39e и III, 110. — Что такое представлялъ изъ себя налогъ διὰ χώρα, уплачиваемый серебромъ въ томъ же напирсу (χώρατικόν уплачивается здѣсь мѣдью), остается невыясненнымъ (ср. Hibeh 1, 104, 10). Не есть ли это дополнительный налогъ на поддержаніе поперечныхъ небольшихъ плотинъ (διὰ χώρατων), упоминаемыхъ, напр., у Petrie III, 43, 2 IV, 7; verso 2?

³⁾ См. цитаты изъ Petrie III въ предш. примѣч.

⁴⁾ Mahaffy and Smyth, Petrie Pap., vol. III, стр. 273 и Grenfell and Hunt, Pap., стр. 302, п. 13.

насколько я могу судить по имѣющейся у меня литературѣ, состояла *corvée* феллаховъ въ новое время ¹⁾ 2).

Примѣненіе *corvée* для болѣе сложныхъ работъ было исключительнымъ явленіемъ. Мы видимъ даже примѣры, что иногда для крайне экстренной работы правительство насильственно привлекало населеніе, но трудъ его оплачивался. Именно объ этомъ говорить одинъ изъ текстовъ въ перепискѣ инженера Клеона, гдѣ для экстренной починки канала привлекается населеніе деревни Керкеасиса, но за то за работу ему зачитается 200 др. сояного налога (*ἀλλοτῆς*) по расчету 4 др. за 60 *ναύρια* ³⁾.

И *P. Paris*. 66 въ общемъ подтверждаетъ нашу гипотезу, ибо здѣсь мы видимъ, что работа привлеченныхъ къ несенію натуральной повинности идетъ на починку каналовъ, уже существующихъ (напр., Филона—41, 47; Амасиса—45; Доріона—48), плотинъ, тоже уже существующихъ (II. 50—56), *περιχωράτων* (II. 57—64). Единственнымъ исключеніемъ является работа надъ постройкой дома стратега (II. 67—68), но, во-первыхъ, мы можемъ думать, что этотъ трудъ былъ вознагражденъ, какъ и въ *Petrie II*, 4, 11, а во-вторыхъ, этотъ случай могъ быть отступленіемъ отъ закона, о которомъ говорить указъ Эвергета II (*Tebt.* 5, 178 s.s.).

¹⁾ *Earl of Cromer*. *Modern Egypt*, o. c.

²⁾ Можно предполагать, какъ это дѣлаетъ *Petrie*, что стража, которая должна быть поставлена во время наводненія на плотинахъ [*χωματοφύλακες*] около Гестіады, *ἐν τῇ περιόδῳ διὰ παντός ἐπισκεπόμενοι* [*Petrie II*, 6].—состояла изъ феллаховъ, привлекаемыхъ къ отбыванію *corvée*, какъ это дѣлается и теперь: *Thousands of Fellahs are even now levied yearly (regardless of corvée laws) during the inundation to watch the dykes; 500 are on the dyke of the Fayyûm day and night, as the safety of the province depends upon it. They relieve one another every week during the month of high Nile. They not only watch accidents, but act as a fighting force to prevent the Nile folks cutting the main dyke, to drain their land earlier for sowing* (El. *Petrie* въ *Petrie Pap.*, II, p. 17).

³⁾ *Petrie II*, 4, 11. Терминъ *ὀπολογεῖν τί τινα* въ смыслѣ «записывать кому либо на приходъ» см. *P. Rev.* 28, 16 [стр. 101]; тамъ и другіе примѣры. *Grenfell* переводитъ: *τοῖς δὲ ἔχουσιν τὴν ὀνίαν τὴν τιμὴν (τῆς ἀπομοίρας) μὴ ὀπολογεῖσθαι*—*The oeconomus and antigrapheus shall not put down the value of it to the credit of the tax-farmers*—.

Возможно, что и въ *Lille* 1 *χωροῖ* привлекаются къ работамъ на плотинахъ, какъ *corvéables*, но мы видимъ, что ихъ вознаграждаютъ. Однако вполнѣ допустимо, что здѣсь *χωροῖ* фигурируютъ, какъ артель рабочихъ, берущая на себя выполненіе работы, подобно тому, какъ мы это видимъ въ каменоломняхъ.

II. Итакъ, для производства общественныхъ работъ въ широ-размѣрахъ примѣнялся наемный трудъ. Правительство при-могло вести дѣла двояко: а) или оно вело работы хозяйствен-способомъ, б) или же сдавало ихъ подрядчикамъ.

а) Хозяйственный способъ производства работъ мы видимъ въ-упомянутомъ случаѣ экстренной починки кавала при помощи, и платныхъ, но насильственно привлеченныхъ рабочихъ изъ-мѣстныхъ жителей (*Petrie II*, 4, 16 и. б. м., *Lille* 1 см. выше-10). Столь часто упоминаемые въ перепискѣ Клеона и Θεодора и открытія и закрытія шлюзовъ, конечно, обходились безъ-дчиковъ ¹⁾. Хозяйственный способъ производства работъ по-енію упоминается и еще кое-гдѣ ²⁾. Но извѣстные мнѣ при-

¹⁾ *Petrie II*, 13, 8—11; 13, 16; ср. *Petrie II* 37 recto, col. 1, 7—17 = *Petrie III*, *Petrie II*, 37 verso, col I, 1 ss., *Petrie III*, 44, 3. Регулированіе шлюзовъ-ложной работой—*Diod.* 1, 52.

²⁾ Такъ, въ *Petrie II*, 13, 5 (см. поправки въ vol. III, стр. 102 и XV) въ-Панакестора съ упреками Клеону за невнимательное отношеніе къ «Малому-» [ἡ Μικρὰ δῶρῳ], повидимому имѣется въ виду производство работъ хозяйствен-способомъ, ибо рабочихъ должны доставить чиновники: Клеонъ и Панакесторъ. анакесторъ не подрядчикъ, можно заключить изъ того, что онъ не можетъ безъ-денія Клеона вести никакой работы и указываетъ въ письмѣ не на то, что онъ-тъ убытки вслѣдствіе небрежности Клеона, а что таковые понесетъ Аполло-еорятино, діюякетъ. Ср. стр. 4, 1. Πανακέστωρ Κλέωνι χ[αί]ρειν. Ἀπεστείλαμέν σοι-ἡ κρ, ὅπως ἂν ἀποστέλ[η]σιν σῶμα ὃ κατα[χάψ]αι τοὺς ἄγκωνας τῆς Μικρᾶς-ς. Σὺ δὲ φαίνεται [παρα]λελειθῆναι εἰς τὴν Μικρὰν Λιμνὴν. Οὐκ ἔδει μὲν οὖν σε-ρεῦσθαι ἀλλὰ καὶ πρὸς ἡμᾶς παραβαλεῖν ὥρ[ας] μόριον καὶ τεθε[α]μένον σε μὴ-ἐνγν τὴν γῆν ἐπερωτῆσαι, [διὰ] τ[ί]ν' αἰτίαν οὐ βρέχ[ο]μεν. Οὐ γάρ [ε] μόνον τέταξαι-κράν λιμνὴν ἀρχιτεκτοεῖν, ἀλλὰ καὶ ταύτην [αἰ]τίαν κα[τα]λύειν. Ἀντησον ἡμῖν αὐρίον-... ν καὶ ἀρχιτεκτο[ν]εῖν, ὥς θεῖ τὸ ὕδωρ ἀπὸ [...ἡμεῖς γάρ] ἀπειροί ἐσμέν, σώματα-εἰ [τ]ὴν λοιπὴν [χ]ορηγίαν ἡμεῖς παρέξομεν σοι ὁ[σ]τ[ί]ν ἂν συντάσῃς. Ἐάν δε μὴ-εγῇ, ἀναγκασθῆσόμεθα [τ]ράφειν Ἀπολλωνίωι ὅτι μόνον [διὰ σε] ἡ αὐτοῦ γῆ ἐν τ[ῇ]-ἡ βροχὴ ἐστὶ ἡμῶν βουλο[μέναν] πᾶσαν χορηγίαν παρέχειν. Ἐρρωσο. (Ἐτοὺς κη,

Хозяйственный способъ починки шлюзовъ (I. 6: ἐπισκευ[ὴν] θ[υ]ρῶν—vol III, p. мы видимъ въ *Petrie II*, 13, 2, гдѣ объ этомъ долженъ позаботиться по приказу-а комархъ деревни Себениита. Тоже—въ II, 13, 14, (содержаніе текста не вполне-ибо здѣсь Хармаксъ—чиновникъ, какъ это видно изъ II, 13, 2.—Точно такъ-укрѣпленіе плотинъ въ виду поднятія воды въ Нилѣ, о которомъ (укрѣпленіа) вѣстия въ одномъ изъ писемъ Θεодора (*Petrie II*, 9, 1: Θεόδωρος Διοτίμωι χαίρειν. ποιήσεις εὐτονώτερον γράψας Ἀνδρόσθενι καὶ τοῖς νομαρχαῖς ἀποστέλλειν τὸ ἐναρχι.ν τοῦτον τῶν (или αὐτῶν) καθάπερ καὶ παρὸς ἐποίησαν. τοῦ γὰρ ποταμοῦ πρὸς πάντα τὰ-α προσβαίνον[τας] τὰ πάντα ὁ[γ]υρῶσ[τα] θεῖ), должно быть произведено черезъ по-во номарха.

мѣры (см. предш. прим.) показываютъ, что хозяйственный способъ примѣнялся главнымъ образомъ къ текущимъ оросительнымъ работамъ при помощи уже существующихъ сооружений (шлюзовъ) или къ производству экстренныхъ или небольшихъ починокъ (Petrie II 13, 5; 13, 2; 9, 1).

Сколько-нибудь сложныя работы, насколько можно судить по имѣющемуся у насъ матеріалу, сдавались подрядчикамъ.

б) Къ экономическому значенію подрядовъ мы теперь и обратимся.

Подрядный способъ производства работъ съ экономической точки зрѣнія можетъ имѣть различное значеніе. Съ одной стороны мы видимъ здѣсь наемъ чужого труда: подрядчикъ беретъ на себя организацію всѣхъ работъ, избавляя нанимателя отъ сопряженныхъ съ выполненіемъ данной работы хлопотъ. Съ другой стороны, въ подрядахъ присутствуетъ и другой элементъ, а именно заемъ капитала: подрядчикъ пускаетъ въ оборотъ свой капиталъ, который къ нему возвращается лишь по окончаніи всѣхъ работъ или, по крайней мѣрѣ, — части ихъ. И за свой трудъ, и за свой капиталъ подрядчикъ, конечно, получаетъ вознагражденіе, которое выражается въ томъ, что онъ оцѣниваетъ свой подрядъ не въ размѣрѣ издержекъ производства, а выше, причемъ, конечно, играетъ роль и оцѣнка соотвѣтствующаго труда въ данную эпоху и размѣръ процента на затрачиваемый капиталъ.

Если мы теперь отъ этихъ общихъ разсужденій обратимся къ разсмотрѣнію подрядовъ въ Египтѣ птолемеевой эпохи, — то мы увидимъ, что второй моментъ въ этихъ подрядахъ — привлеченіе капитала — играетъ незначительную роль. Въ дошедшихъ до насъ подрядныхъ контрактахъ, особенно контрактахъ, заключенныхъ инженеромъ Теодоромъ, какъ лучше сохранившихся ¹⁾, — мы видимъ, что подрядчики получаютъ отъ правительства не только болѣе дорогія орудія (*скафѣи* и *бруча*) ²⁾, т. е. часть «постояннаго» капитала, но и необходимый денежный капиталъ: именно половину

¹⁾ См. объ этихъ контрактахъ — Fitzler, о. с. 73 ff.

²⁾ Petrie III, 43, 2 recto I, 12; ib. recto II, 32; ib. recto, IV, 32; ib. verso V, 3. Ср. также восстановленія текста Petrie III, 42 F, с. 8—11. Слѣдуетъ думать, что *скафѣи* были желѣзные, ибо мы видимъ изъ переписки Клеона, что именно желѣзные орудія, какъ болѣе дорогія, доставляло правительство (Petrie II, 4, 2; 4, 3; 4, 5; 13, 1).

вознаграждения, причитающагося имъ за подрядъ, они получаютъ исключительно по утверженіи контракта, а другую половину по окончаніи той части работъ, которая уже оплачена, т. е. половины. Авансъ и все вознагражденіе выдается впередъ ¹⁾. Стоимость полученныхъ подрядчиками орудій не вычитается изъ причитающейся имъ платы, но они должны вернуть эти орудія по окончаніи работъ, работы должны быть окончены въ извѣстный срокъ (въ имѣющихся въ контрактахъ этотъ срокъ опредѣляется мѣсяцемъ) со дня наченія первой суммы денегъ. Исполненіе работъ въ срокъ, сохранность орудій и данныхъ впередъ денегъ правительство обезпечиваетъ себѣ тѣмъ, что оно беретъ съ подрядчиковъ поручителей и возмняетъ за собой право въ случаѣ неаккуратности подрядчика провести новые торги, передать работу новому подрядчику и принанять рабочихъ по днямъ для ускоренія работъ, причемъ старый подрядчикъ долженъ уплатить излишекъ стоимости работъ, или при новыхъ торгахъ подрядъ будетъ сданъ дороже или пойдутъ лишніе рабочіе. Кромѣ того, старый подрядчикъ долженъ вернуть уже полученныя имъ деньги съ 50% надбавки (ήμιόλιον) и возградить правительство за всѣ убытки, причемъ размѣръ ихъ опредѣляется лицами, назначенными царемъ ²⁾.

¹⁾ Petrie III, 43, 2 verso, col. III, 6—8: τὸ δὲ ἀργύριον δοθήσεται αὐτοῖς, ὅταν παραγραφῇ σφραγίσθαι καὶ τοὺς ἐγγύους καταστήσεται τὴν ἐργολαβίαν πᾶσαν χαλκοῦ εἰς τὸ εἶδος τοῦ στατήρος. Примѣръ распоряженія о выплатѣ казначействомъ вознагражденія подрядчикамъ, взявшимъ на себя парасфруганισμόν мостовъ, — см. P. Petrie III, 41.

²⁾ Для примѣра привожу условія контракта III 43, 2 (recto, col. I, 1 ss.: Ἀποδοῦναι [τὸ] (ἡμισυ) τοῦ πα[ρα]δοθησομένου εἰς τὰ ἔργα[τ]έν τῷ: γ (ἔτε) ἀπ[ο] τιμῆς ἑκατὸν φορτί[ων] ὧν ἂν [μετρήσῃ] εἰς τὸ βασιλικόν. Ἐὰν δὲ μὴ μετρήσῃ [φορτία, ἀποδοῦναι τὸ ἀργύριον, ὅταν ἀπαιτηθῶσιν, [ἡμιόλιον, τὰ δὲ ἔργα] συντελοῦσιν οὐδὲν ἐπικωλύειν βρέχ[ει]ν τὴν γῆν ἑαυτοῖς πάντα παρεχόμενοις), ἀφ' ἧς ἂν ἡμέρας τὸ ἀργύριον λάβ[ω]σιν [ἡμέραις λ. δοθήσεται δ'] ἐκ τοῦ βασι[λικοῦ] ὧν τιμὴ οὐ προσλογισθῇ [σκα]φεῖα καὶ ποδῶσιν ὡς ἀν[συ]ντελοῦσθαι τὰ ἔργα, ἄγοντα τὸν ἴσον στατήρον. Τοῦ δὲ ἀργυρίου δοθήσεται αὐτοῖς, ὅταν τὴν συγγραφὴν σφραγίσωνται (καὶ τὸ ἡμισυ τῆς ἐργολαβίας χαλκοῦ εἰς τὸ εἶδος τοῦ στατήρος. Ὅταν δὲ τοῦ δεδομένου [ἀργυρίου ἀπεργάσωνται] λή]μψονται τὸ ποσόν [] ἐὰν δὲ μὴ ἐργάσωνται [ἢ μὴ ποιῶσιν κατὰ] τὰ γεγραμμένα ἐπὶ τῷ ἐπὶ τούτων/τάτα] γ[ρα]φῇ ἐπα[να]πωλεῖν τὰ ἔργα καὶ καθ' ἡμέραν ἐπιμισθοῦσθαι

этого читаю I. 22 на остав. recto III 2—3. IV 37; Verso III 10; V, 9—10), καὶ ἀποδοῦναι [π[ε]ν[τα]κ[ο]ν[τ]ὰ εὐρέ: ἐπα[να]πωλούμενον] [ἢ ἐπιμισθοῦμενον] ἀντὶ τῶν [τῆ] ἀποτ[ε]ίσουσιν [οἱ προ-] γράφοντες τὸ τε ἀργ[υ]ρίον ὃ ἂν [π[ρο]σέλη]φότες ὡς παραχρημα ἡμιόλιον καὶ [τὸ βλάβε]ρ/κα]τὰ τὴν [τῶ]ν ὃ βασιλεὺς διαγνώ[σ]εται. Далѣе 1 1/2 строки попорчены въ концѣ приписано (вспомог. нм.) ὃ [ἀρ]ά Σο[φ]ί[ρ]ος ἐξέλαβεν.

Торги объявляются глашатаемъ и производятся экономомъ въ присутствіи инженера, царскаго секретаря ¹⁾ и иногда номарха ²⁾. Въ результатъ торговъ составляется контрактъ. Онъ пишется въ своеобразной формѣ. Большую часть его составляютъ тѣ условія, которыя были выставлены передъ торгами. Въ этихъ условіяхъ сначала стоитъ подробная дата и указаніе на мѣсто торговъ, затѣмъ детально отмѣчаются характеръ и размѣръ работъ, условія вознагражденія ³⁾, иногда источникъ для выплаты вознагражденія, отвѣтственность должностныхъ лицъ за неаккуратность въ его выплатѣ ⁴⁾, срокъ выполненія работъ и сроки полученія подрядчиками вознагражденія, равно какъ и условія полученія орудій и т. п. ⁵⁾ Далѣе точно отмѣчаются условія отвѣтственности подрядчиковъ ⁶⁾. Лишь въ концѣ указывается имя того лица, которое взяло контрактъ съ торговъ ⁷⁾.

Число рабочихъ, которыхъ долженъ употреблять подрядчикъ для выполненія работъ, указывается рѣдко ⁸⁾.

Вознагражденіе правительство можетъ выдавать мѣдью безъ уплаты подрядчикомъ *αντίο* ⁹⁾.

¹⁾ Petrie III, 42 F, а 3—4; 43, 2 recto col, II, 8—10; col. III, 16—17; col. IV, 6—10; verso col. II, 6—9; col. III, 20—22.

²⁾ Petrie III, 42 F, а 4 τοῦ νομάρχου (слова τῶν ὑπαρχόντων не относятся къ τῷ νομάρχῳ, какъ думаетъ Bouché—Leclercq II, 139, 1; а есть начало описанія сданныхъ съ торговъ работъ). Вѣроятно, и въ 43, 2 verso II, 8—9 слѣдуетъ читать καὶ Παθῆμιος (τοῦ νομάρχου (по аналогіи съ III 42 F, а 4).

³⁾ См. выше стр. 11, 2.

⁴⁾ Почему-то въ 43, 2 recto I, 2 сс.; II 28 сс., какъ источникъ вознагражденія подрядчиковъ, указывается доходъ съ ἐλαϊκᾶ φορτία, и въ случаѣ, если чиновники не соберутъ достаточно денегъ съ этого продукта, то они выплачиваютъ подрядчикамъ, по ихъ требованію, деньги съ 50% надбавкой [ἡμιόλιον]. Можно думать, что такая мѣра принималась, чтобы побудить чиновниковъ къ болѣе энергичной работѣ въ сферѣ масляной монополіи, которая въ эту эпоху была особымъ предметомъ заботливости правительства.

⁵⁾ См. выше стр. 11.

⁶⁾ См. тамъ же.

⁷⁾ III, 43, 2, recto I 29—30; IV, 45. Но verso III, 1—2 имя подрядчика вставлено послѣ описанія работъ и передъ указаніемъ срока выполненія и условій вознагражденія и отвѣтственности.

⁸⁾ 43, 2 verso III, 1—5; ἐξέλαβεν Ἀσκληπιάδης Πρωτίωνος εἰς οὐ τῶν (τῶν δραχμῶν) (т. е. по 75 аолия за 4 драхмы), (γίνεται) (δραχμαὶ) χρεῖα (ὀβολοὶ) (δύο), ἐν ἔργαται τὴν ἡμέραν, ἀφ' ἧς ἂν ἡμέρας τὸ ἀργύριον λάβῃ σφραγίσ, ἐργαζομένου τοῦ σφραγίσ αὐτοῦ γ, ὥστε συντελεῖσθαι ἐν ἡμέραις μ.

⁹⁾ lb. recto I, 16; II, 35—36; verso col. III, 7—8.

Оцѣнивая съ экономической точки зрѣнія вышеописанную систему подрядовъ,—мы можемъ придти къ заключенію, что правительство, прибѣгая къ ней, отнюдь не имѣло въ виду привлечь къ производству общественныхъ работъ частные капиталы. Напротивъ, оно само ссужало подрядчиковъ и денежными средствами и болѣе иными орудіями. Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ при производствѣ работъ съ помощью подрядчиковъ, была другая: правительство стремилось обезпечить себѣ 1) быстрое и нехлопотливое и сравнительно экономное производство работъ. 1) Подрядчики, заинтересованные въ дѣлѣ матеріально, должны были стремиться кончить свои работы къ сроку, иначе они терпѣли убытки; кромѣ того, правительство, привлекая извѣстныхъ лицъ къ подрядамъ, создавало явный контроль подрядчиковъ со стороны чиновниковъ и чиновниковъ со стороны подрядчиковъ, ибо и тѣ и другіе отвѣчали за выполненіе въ ту или другую сторону, и въ то же время правительство избавляло себя отъ излишнихъ хлопотъ, связанныхъ съ чистымъ собственнымъ веденіемъ работъ. 2) Конкуренція на торгахъ, конечно, въ известной степени понижала подрядныя цѣны. Другими словами, мы видимъ здѣсь ту же систему, какая примѣнялась при откупѣ налоговъ: и тамъ тоже главная цѣль правительства—создать взаимный контроль откупщиковъ за чиновниками и обратно.

Примѣнялась система подрядовъ, судя по имѣющимся у насъ даннымъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Устройство сооружений, связанныхъ съ орошеніемъ: каналовъ, плотинъ, мостовъ и болѣе значительный ремонтъ ихъ¹⁾. 2) Иногда сдаются частичныя работы,

¹⁾ Petrie II, 26, 2=III, 64, а, 2. Это, повидному, росписка какого-то лица за работъ. 2—3: ἔχων παρά Ἀρτεμίδ[ω]ρος τοῦ παρὰ... τοῦ ἀρχι[τάκτου] Λοιστράχου въ извѣщеніи за подрядныя работы на каналахъ (l. 5 διόρυγος ἢ ἐξελίχθεν.—III 37 а; метръ: μέτρον: ἔργων τῶν ἐν τῇ Καλλιφάνους μερίδι τῆς Νίκωνος νομαρχίας (l. 3—5) и работъ на плотинахъ, исполненныя διὰ... [τοῦ] Σισυρχοῦ καὶ τῶν μετόχων—т. е. компаніей подрядчиковъ (col. I, 12—13) и διὰ Πάσιτος καὶ τῶν μετόχων (col. I, 14—15) въ этомъ смыслѣ понимаетъ этотъ текстъ и Smyly (Petrie, col. III, стр. 344). 4) Tiler, o. c., 80.—Платежи подрядникамъ за земляныя работы,—вѣроятно, на орошеніе,—подсчитываются писцами (διὰ γραμματέως въ Petrie III, 40 (сер. комментаріи этому тексту на стр. 97 с.).—Petrie III, 41 recto, ll. 1—10 подрядъ Амфинона Аполлонія, на работу на мосту около Береникиды и ib., ll. 14—19 — подрядъ неізнанаго лица на работѣ на мосту около Θωῶν.—Petrie III, 42 F, а—работы на ὄβραχῶν и на плотинахъ.—Ib. F, а—работы на каналахъ и мостахъ.—Petrie III 43, 2, col. II—очистка ὄβραχῶν отъ песку.—Ib. col. III—IV—работы на

напр., доставка тростника для παραρρυγανισμός¹⁾. 3) Всяческія божіи или менѣ сложныя постройки изъ камня и кирпича²⁾.

Что казенныя поставки и подряды эпохи Птолемеевъ не были бовали большихъ капиталовъ,—это мы видимъ, помимо выше приведенныхъ соображеній,—также и изъ тѣхъ суммъ, которыя дошли до насъ. Такъ, мы видимъ, напр., что Аммоній, сынъ Аполлоніа

мостахъ (τέφρα), углахъ (? γωνία—col. IV, 1—2) и проч.—ib. verso II—III—очень каналовъ отъ песку и устройство плотинъ.—Petrie III, 44, 2 verso col. II, 11—рядъ на сооруженіе плотины.—Petrie III, 46, 1, 25—28—подрядъ на починку (παραρρυγανισμός) плотины. Можетъ быть, въ Petrie III, 42 C, 14—речь идетъ о подрядѣ на устройство шлюзовъ.—Мы не знаемъ также, подрядами или хозяйственными способами предлагалось произвести оросительныя работы, о которыхъ говорится в *Lille* 1. Что здѣсь имѣется въ виду платный трудъ,—это очевидно (recto II, 14—15 и verso 9—10). Слово μισθωσις (verso 1, 12) иногда употребляется вм. ἐργολαβία (Rostowzew's Staatsrecht въ Phil. Suppl. 8, 333, 2). Относительно *Lille* 1 нужно считаться со следующимъ. Слова μισθούμενοι (verso, 1, 6), и μισθωσις (verso 1, 12), конечно, не могутъ соответствовать ἐργολαβήκοτες и ἐργολαβία, какъ видно у Rostowzew'a (Philol. Suppl. 333, 2), но изъ I, 17 видно, что подрядчиками здѣсь были γεωργοί, т. е. работники орошенію соседнихъ 10,000 аруровъ, берутъ на себя мѣстные крестьяне; является это платной corvée, какъ въ Petrie II, 4, 11 (см. выше стр. 11) или же γεωργοί это арендаторы участковъ, подлежащихъ орошенію, и плата имъ за оросительныя работы будетъ вычтена изъ ихъ арендной платы за участокъ (какъ думаетъ Wilcken въ Arch. V, 221, ссылающійся, какъ на аналогію, на Tebt II, 378, 18), или наконецъ, γεωργοί составляютъ артель, берущую на себя работу,—остается неяснымъ. Менѣ всего можно думать здѣсь о крупномъ подрядчикѣ, который уже на себя оплатилъ нанятыхъ имъ γεωργούς (вопреки мнѣнію Keil'a въ Bul. corr. hel. стр. 197 ss; ср. Wilcken, l. c.). Замѣчу еще, что слово βλάβοςъ въ recto 15 и verso 1 не представляетъ никакихъ затрудненій, какія видятъ Wilcken l. c.; 220 и Jouguet ad. loc.: оно означаетъ «убытокъ», т. е. расходъ, который понесетъ правитель на каждую аруру отъ оросительныхъ работъ: recto l. 15—на 10000 аруровъ 1 тал. 3834 др.; слѣд., на 1 аруру ок. 1 др.; verso l. 10: на 10000 ар.—2 тал. 1760 др. (никакой ошибки въ вычисленіи, вопреки замѣчанію Jouguet, здѣсь нѣтъ), слѣд., на 1 аруру—1 др. 21/4 об. (поправка Smuly, см. Arch. V, 220).

1) Petrie II, 26, 5 и 6=III, 64a, 5 и 6—платежи банка за доставку тростника Petrie III 41b—переписка относительно условій торговъ на доставку αινούρας (хм. ростъ?). Ср. подсчетъ θρόου, истраченного на оросительныя работы—Petrie III, 4 (здѣсь однако неясно, идетъ ли речь о подрядѣ).

2) Petrie II, 13, 6 (ή ἐργολαβία на какія-то каменныя работы).—II, 13, 18b см. попр. III, 42 g, 7, 1. 8: ἀπό τ[ων] λιθ[ιν]ῶν ἐργων.—III, 48, 9—10 (ἐγδοσις т. е. расходъ каменныхъ то τῶν πλινθίων ἐργων καὶ τῶν πλινθίων, т. е. глиняныхъ и кирпичныхъ работъ. Что касается Petrie II, 13, 3 и 4, то здѣсь речь тоже идетъ о подрядѣ (vol. III стр. 104 ἀπέχδοσις=locatio) на починку южной стѣны какого то οὐρανοῦ—остается неяснымъ, идетъ ли речь о починкѣ тюрьмы (Mahaffy, Petrie Pap. vol. II стр. 35) или контрфорса плотины (Bouché—Leclercq въ R. d. ét. gr., 1908, p. 133). Текстъ здѣсь настолько неясенъ, что врядъ ли Bouché—Leclercq (ib) былъ въ правѣ сдѣлать выводъ, что здѣсь предполагается употребить для работы арестантовъ (τοὺς δεσμώτας).

подчикъ, взявшій на себя *παραρρητισμόν* моста въ Береникидѣ около
 Дефора, получаетъ, согласно контракту (*κατὰ τὴν συγγραφὴν τῆς ἐργο-*
μασίης) лишь 18 др. ¹⁾, уплачиваемыхъ въ два приѣма, какъ обычно
 въ такихъ подрядахъ ²⁾. Другой подрядчикъ (имя не дошло),
 взявшій на себя *παραρρητισμόν* моста около Θοισъ, получаетъ
 2 драхмы ³⁾. И даже подрядчикъ Асклепιάδъ, сынъ Протіона,
 взявшій въ теченіе 40 дней съ 100 рабочихъ надъ очисткой
 большихъ каваловъ, получаетъ только 661 др. 2 об. ⁴⁾.—Ком-
 анда подрядчиковъ, взявшихъ работы на плотинахъ въ 28-мъ году
 Птолемея II, — Пасисъ съ товарищами — получаютъ 341 др. 3½ об. ⁵⁾
 Гибитонъ за такую же работу получаетъ 365 др. 3½ об. ⁶⁾;
 неіѣстный подрядчикъ — 384 др. 4½ об. ⁷⁾ Андромахъ, сынъ
 неіѣ, получаетъ 952 др. 5 об. ⁸⁾. Правда, встрѣчаются и болѣе
 пышные цифры: неизвѣстный подрядчикъ на земляныя работы
 въ теченіе 157 рабочихъ въ теченіе 129 дней получаетъ 43881½ др.,
 т. е. 7 тал. 1881½ др. ⁹⁾, а это только ¼ работы, имѣ испол-
 ненъ, да еще дополнительно за 26 рабочихъ дней съ 156 рабо-
 чими платится 629 др. 4¼ об. ¹⁰⁾. Подрядчикъ Д. (имя попор-
 чено) за 168 рабочихъ дней съ 405 рабочими получаетъ 2 тал.
 1 др. 1½ об., да еще дополнительно 1600 др. и 66 др. 5 об. ¹¹⁾.
 Подрядчикъ Діонисодоръ за работу съ 90 рабочими въ теченіе 150 ра-
 бочихъ дней получаетъ 1685 др. 1½ об. ¹²⁾. Подрядчикъ Сима-
 кидъ — за работу въ теченіе 152 рабочихъ дней съ 96 рабочими полу-
 чаетъ свыше 2000 др. ¹³⁾. Всѣ подрядчики, перечисленные въ этомъ
 спискѣ (III 40), получаютъ крупныя суммы даже за ¼ работы.

¹⁾ Petrie III, 41, 1—10.

²⁾ См. выше стр. 11.

³⁾ Petrie III, 41, 13—19.

⁴⁾ Petrie III, 43, 2 verso III, 2. Повидимому, въ III, 43, 2 recto I, 1 подряд-
 чикъ получаетъ 941 др. 2¼ об.

⁵⁾ III, 37a II, 8—10.

⁶⁾ III, 37b I 8: 'Αβρίβιτων.

⁷⁾ Ib. b III, 11.

⁸⁾ Ib. IV, 15.

⁹⁾ Petrie III, 40a, II, 9—12.

¹⁰⁾ Ib. II, 15—18.

¹¹⁾ Ib. col. III, 8.

¹²⁾ Ib. col. IV, 4.

¹³⁾ Ib. b. col I, 8.

Въ *Petrie III*, 45, 2, 8 за работу на плотинахъ неизвѣстно, подрячикъ получаетъ 192 др. Три подрячика грека, взявшіе себя *παρὰφρουγανισμόν τοῦ μεγάλου χώματος* около *Γενάρως* получаютъ 700 др. ¹⁾.

Совсѣмъ мелкія суммы получаютъ подрячики, взявшіе на себя перевозку кирпича: въ *Petrie III*, 46, 1, 18 одинъ ²⁾ подрячикъ грекъ получаетъ 45 др., а въ 46, 1, 24—7 человекъ получаютъ 20 др. мѣди.

Всѣ крупныя подрячики—греки, но даже и среди мелкихъ мы встрѣчаемъ по б. ч. лицъ этой національности ³⁾. Египтянъ мы встрѣчаемъ рѣдко, и они обычно соединяются въ компаніи ⁴⁾, очевидно, не располагая достаточнымъ капиталомъ. Болѣе значительный подрядъ беретъ на себя египтянинъ Горъ, но онъ, повидимому, номархъ, слѣд., человекъ, сравнительно обезпеченный ⁵⁾.

Получается впечатлѣніе, что именно греки вносятъ и инициативу въ новое дѣло оборудованія Файюмскаго оазиса, и капиталъ, поскольку таковой требуется. Въ тоже время, конечно, подрядчики давали нѣкоторую возможность пустить капиталъ въ оборотъ, такъ какъ здѣсь не видно столь строгой регламентаціи дохода подрячика, какую мы видимъ при откупѣ налоговъ: подрячикъ въ общественныхъ работахъ могъ, конечно, и нажиться. Но главную роль въ общественныхъ работахъ этой эпохи играютъ государство и государственныя капиталы.

Въ задачу данной статьи не входитъ разсмотрѣніе вопроса объ организаціи общественныхъ работъ въ римское время.—а къ этому вопросу вернусь въ другомъ мѣстѣ. Однако уже здѣсь считаемъ возможнымъ отмѣтить, что въ римскую эпоху мы находимъ совершенно другую картину. У насъ имѣется больше матеріала

¹⁾ III, 46, 1, 25 *сс.*: *Νικάνωρ Παρμενῶντος καὶ Φίλιππος Λιμναίου οἱ ἑξήκοντα μετὰ Σοικῆος τὸν παρὰφρουγανισμόν τοῦ μεγάλου χώματος.*

²⁾ 46, 1, 1. 14: *Δωνισίος Ἀπολλωνίου.*

³⁾ Кромѣ только—что приведенныхъ въ текстѣ примѣровъ см. еще: *Αρκαстрὰτ* въ *Petrie II*, 13, 6 (*ср.* 18b?). *Διοφάντης*, сынъ *Απολλοδόρου*,—II, 26, 3 а (доставка тростника).—III, 44 verso II 10—11 *Διονισίης* (работа на плотинахъ).

⁴⁾ III, 37a, II, 8—10 *διὰ Πάσιτος καὶ μετόχων*—941 др. 4 1/2 об. (работа на плотинахъ). III, 46, 1, 20: 7 египтянъ [*πλινθεόλητοι*]:—доставка кирпича за 20 др. (это собственно артель рабочихъ).

⁵⁾ III, 43, 2 recto IV, 45.

характеристики производства работъ въ мѣстныхъ городахъ этого времени. Здѣсь преобладаетъ литургическій принципъ: производство возлагается на должностныхъ лицъ, вербуемыхъ изъ состоятельныхъ слоевъ городского общества. Мы видимъ, что большая часть расходовъ на городскія работы падала именно на этихъ лицъ, — на $\frac{2}{3}$, и лишь $\frac{1}{3}$ на городскую кассу ¹⁾.

Такое положеніе дѣлъ ясно указываетъ на возможность при-
нима въ большихъ размѣрахъ частные капиталы въ римское
время — возможность, которая, какъ мы видѣли, въ эпоху Птолемеевъ
была незначительна. Мы имѣемъ такимъ образомъ ясное указаніе на
существованіе частныхъ капиталовъ. Этотъ фактъ мнѣ уже пришлось отмѣчать
въ отношеніи къ внѣшней торговлѣ Египта, гдѣ тоже въ римское
время торговля предпріятія переходятъ въ частныя руки, между тѣмъ
какъ раньше они концентрировались въ рукахъ государства ²⁾.

М. Хвостовъ.

¹⁾ Jouguet, La vie municipale dans l'Egypte Romaine, Paris, 1911, p. 438—442;
443. эпоха III в. по Р. X.). Объ эпохъ предшествовавшей III в., — см. замѣчаніе
для этого времени особенно важны два текста изъ Гермуполя: *Amh.* 64
(III в. по Р. X.) и 70 (115 г. по Р. X.). — Ὑπερ τοῦ ἐπιβάλλοντος τῇ πόλει τρίτου
τοῦτο. *P. Herm.* 93, 10 (III в. по Р. X.).

²⁾ См. мою «Историю восточной торговли греко-римскаго Египта», Казань
1914, 317—325; 334—345; 358—360; 377—379; 404—406. Ср. также въ моей
работѣ: «Очерки организации промышленности и торговли въ греко-римскомъ
Египтѣ. Текстильная промышленность» (Казань, 1914), стр. 238 с.

De quodam Xenophontis Hellenicorum loco, ut videtur, interpolato.

Scriptis *Theodorus Korsch.*

Hellenicorum I, 1, 23 litteras magistratus spartani, quales ex auctoris manibus prodierint, casu non minus prospero, quam raro ad nostra tempora pervenisse fere communis est opinio. Nam, si verba a Xenophonte tradita e librariorum erroribus hic illic labem traxisse videantur, at Plutarchi Alcib. 28 et Eustathii ad Iliadem I p. 63 testimonia nobis praesto esse, quibus ad comparandum adhibitis librorum vitia facile tollantur, nemo sane harum rerum peritus ignorat. Verum tamen, si quis reputare voluerit, utrum illa epistula ei, quae nunc legatur, loco satis accommodata sit necne, vel orationis genus diligentius examinare vel in verborum ordinem et constructionem inquirere, is tantum abest ut se verum litterarum laconicarum monumentum manibus tenere credat, ut potius non dubitet, quin et epistula adulterata et totus locus suppositus sit.

Atque, ut ab aptitudine incipiam, res est neque per se gravis neque ad narrationis contextum necessaria atque ita comparata, ut a Plutarcho memoriae prodita legentem minime offendant, a Xenophontis autem stilo prorsus aliena videatur. Nec per se tantum levis est, sed etiam eam ob causam haud sane magnum habet pretium, quod illa epistula Spartam missa, cum, ut ibidem narratur, ab Atheniensibus intercepta esset, ad ea, quae consecuta sunt, nullius momenti esse potuerat. Nec vero Peloponnesii post cladem ad Cyzicum acceptam e Lacedaemone ullo auxilio adjuti sunt, quod profecto non fuisset, si Spartani res suas in Asia in discrimen adductas esse mature et ex ipso fonte rescivissent. Sed ut ea, quae hic disputata sunt, recte aestimari possint, Xenophontis narrationem paullo in brevius coactam apponamus.

Atheniensium classis ad Sestum morabatur; cum nuntius allatus esset Mindarum, Peloponnesiorum nauarchum, id agere, ut aliquanto magis navibus, quam ipsi haberent, eos adoriretur. Quo metu perterriti Athenienses Cardiam confugerunt. Eodem Alcibiades venit cum quinque navibus, sed, cum ibi comperisset, Peloponnesiorum classem Abydo, quae portu constituta erat, Cyzicum versus cursum dirigere, ipse cum quinque navibus plus quadraginta Sestum se recepit. Ibi, cum jam ad eundem evehi pararet, Theramenes accessit cum viginti navibus et ambulus cum aliis viginti. Quae naves universae sex et octoginta numero, postquam Parii in unum conjunctae sunt, postridie ad Proconnesum constiterunt. Quo simul atque perventum est, Mindarum cum classe Pharnabazumque cum exercitu Cyzici esse nuntiatur. Itaque Alcibiades sine mora navibus suis omnibus in altum eductis Cyzicum pergit. Peloponnesii, cum eum majore cum classe, quam quae in eadem pugna fuisset, appropinquantem animadvertissent, navibus in aciem constitutis, Atheniensium incursiones propulsabant, donec Alcibiades exscensione facta a tergo eos adortus est. Quod cum Alcibiades sensit, ipse e navi egressus est in terraque pugnans cecidit. Fuga hostium inde exorta Athenienses omnes eorum naves in portu aliquot combustas ceperunt, captas Proconnesum abduxerunt. Alcibiades autem Cyzici magna pecunia ab oppidanis exacta Proconnesum navigavit, inde Perinthum, Selybriam, Chrysopolim lustravit, et inde ducibus in Hellespontum profectis.

Hanc narrationem omnibus ornamentis nudam atque commentarii publici vel annalium similem subsecuntur haec (§ 23): Παρὰ δὲ τῶν περὶ τούτους, τοῦ Μινδάρου ἐπιστολῆως, εἰς Λακεδαιμόνα γράμματα πεμφθέντα εὐρίσκον εἰς Ἀθήνας λέγοντα τάδε· Ἐρρεῖ τὰ καλὰ. Μίνδαρος δ' ἀπέστειται. Ἰσχυροὶ τῶνδρες. Ἀπορέομεν, τί χρὴ δοῦν. (§ 24) Φαρνάβαζος δὲ παντὶ τῶν Ἰελοποννησίων στρατεύματι καὶ τοῖς συμμάχοις παρακελευσάμενος μὴ ἔχουσιν ἕνεκα ξύλων, ὥς ὄντων πολλῶν ἐν τῇ βασιλείᾳ, ἕως ἂν τὰ σώματα τῶν ἱματίων τ' ἔδωκεν ἑκάστῳ καὶ ἐφόδιον δυοῖν μηνῶν καὶ ὀπλίσας τοὺς ποταφύλακας κατέστησε τῆς ἑαυτοῦ παραθαλασσίας γῆς. (25) Καὶ συγκαλέσας ὡς τε ἀπὸ τῶν πόλεων στρατηγούς καὶ τριηράρχους ἐκέλευε ναυπηγεῖσθαι πλοῆς ἐν Ἀντάνδρῳ ὅσας ἕκαστοι ἀπώλεσαν, χρήματά τε διδοὺς καὶ ὕλην ἐκ τῆς γῆς κομίζεισθαι φράζων.

Quodsi cui justo plura exscripsisse visi sumus, causa, cur id fecimus, ulteriore disputatione apparebit. Sed, antequam propositum

capitulum temporis unus omnium peritissimus fuit, πεινᾶντι et
illud ἀπέσσου et Valckenarii ἀπορίωμεζ ab eodem comprobata
isotommemorem.

Verum epistolae verbis, quantum fieri potuit, restitutis, e quat-
uorolis, in quae sententiarum ratione dividitur, duo priora speci-
antur trimetri iambici:

— | — ∪ — ∪ | — ∪ — — | — ∪ — ∪
ἔρρει τὰ κᾶλα, Μίνδαρος δ' ἀπέσσου.

Neque aliter conformatum est tertium πεινᾶντι τῶνδρες, ut, modo
addiceret, duo versus essent plerisque tragicorum et comicorum
chieris, quos novimus, non deteriores. Atque versibus conceptam esse
epistolam jam Valckenarius senserat, sed aliis persuadere non potuit,
anholiambos subesse suspicatus esset, scilicet non solum eis, quae
δρῆν δρᾶν, sed etiam illo Plutarchi et Eustathii ἀπεσσούα in errorem
idius, quamquam neque numeri bene se habent, nisi tradita quarti
forma aliqua ratione immutata sit, neque O et Y litterae conjunctae
Atticos laconica verba ad verum eorum sonum scribendo re-
stituere temptantes quicquam aliud significabant praeter id, quod
ipsis et Ionibus Y erat simplex, id est vocalis ex earum
utroque, quas usquequaque produci minime oporteret. Godofredus
Hermannus, qua erat in rebus metricis sagacitate, trimetros
ambros non claudicantes facile odoratus loci emendationem ita se
eritum esse sperabat, si verbi forma ἀπεσσούα pro diambo ac-
cipitur alterius versus exitu ἀπορίωμεζ ὅτι δρῆν scriberet. Sed neque
laconicum est neque ἀπορίωμεζ graecum. Ego vero—ut meam de-
claro proferam sententiam—illum posteriorem versum sic restituen-
das esse puto:

— | — ∪ — ∪ — | — — ∪ ∪ ∪ | — ∪ —
πεινᾶντι τῶνδρες · δρῆν δ' ἀπορίωμεζ τί γρῆν.

Quem verborum ordinem minus usitatum esse non nego, sed
ipsam ob causam ad cottidiana sermonis normam mutatum arbi-
tror postquam versuum memoria evanisset. Quid quod ne post eorum
quoniam, de quibus diximus, doctorum virorum exemplum et auctoritatem
Epiceratis epistolam non soluta, sed vineta oratione scriptam esse
magis persuasum videtur? Cujus rei ne testimonia undique conquiram —

quod facere neque operae mihi est neque alioquin in praesentia licet — satis esto me Hellenicorum exemplar a Ludovico Breitenbachio iterum recensitum, quod nunc mihi forte prae manu est, nominavisse: ibi enim is, de quo agitur locus, sic conformatus legitur:

Ἐρρεῖ τὰ χᾶλα. Μίνδαρος ἀπέσσουα. Πεινῶντι τῶνδρες. Ἀπορίομες, τί χρή ὁρῆναι
scilicet assumptis quibusdam priorum conjecturis, nec tamen eis, quae numerorum restituendorum causa propositae sunt. Quin immo ne quidem particula ex Hellenicorum libris recepta est, qua omnia metri similitudinem tamquam de industria deletam dixeris. Verum tamen quantumvis alterius versiculi posterior pars corrupta esse videatur. Hippocratis verba, ut nobis tradita sunt, prosa oratione concepta fuissent nescio an nemo umquam possit evincere. Nam ne dicendi quidem genus tale est, quale in scytala aut in epistula publica eaque spartana re jure exspectaveris. Nonne magis consentaneum esset aliquid fere tale τὰ χᾶλα ὑροῦδα. Μίνδαρος τέθνηκε. Πεινῶμες? Neque opus erat hoc addere Ἀπορίομες τί χρή ὁρῆναι, nam exercitus ἀπορία vel illarum trium calamitatum mentione satis illustrabatur.

Accedit, quod minime simile veri est ἀπέσσουα vel ἀπέσσουα eam vim habere, quam Eustathius ei imponere non veritus sit per hanc interpretationem: ἀφώρμησε, ἀπῆλθε, τέθνηκε. Nam et perfectum cum aoristis juxta positum eisque quasi aequatum Byzantino magis dignum est, quam quolibet ex illis Graecis, qui sciebant, quid vellent, cum dicerent, ut Simonides, οὐ τεθνήκασιν θανόντες, alia semilia, et a tertiae personae tamquam dorico more in α mutatum, quod credere Byzantino ei quidem licebat, antiquo Graeco non item, tantum non clamant Eustathium in ἀπέσσουα formae explicandae dupliciter errasse. Neque melius res gesta est ab eis Xenophontis interpretibus, qui idem verbum accentu in paenultimam syllabam promotum ἀπέσσουα scribentes pro aoristo dorico, qui cuidam graeco ἐσύη, responderet, venditare voluerunt. Nam neque aoristus ἐσύη, aliunde ignotus, si umquam fuisset, in Doriensium sermone aliam vocalem habuisset atque a ceteris graecis usitatum ἐσύθη, neque praesens, praesertim ejusmodi, cujus prope idem cum perfecto munus sit, quod genus οἶχεται est, cum aoristo, sed cum perfecto sociari solet. Itaque ἀπέσσουα sive ἀπέσσουα, non ἀπέσσουα scribendum est idque ita interpretandum, ut pro perfecto sumatur ex eo genere, quod «forte» dicitur, qualia sunt a specie μέγαλα.

καὶ ἀνάγκη, alia, quae ante personarum notas non consonam, sed
 formam habent, a sententia autem ἐγγράγγονα, ἔρρωγα, ἀνέφεγα, similia, quae,
 nunquam a transitivis quae vocantur verbis derivata sunt, tamen sta-
 tim significant. Atqui α littera primae personae est. Quid igitur?
 Mindarus ipse loquens inducitur? Ita videtur. Quod si recte con-
 siderari esse concesseris, ne formam quidem epistulae in publicis actis
 usitatam potius fortuitae syllabarum juncturae vanaeque quo-
 rumdam opinioni deberi, quam illius scriptionis verbis ab ipso auc-
 tore propositi conscio data opera adhibitam esse facile tibi persuade-
 bis. Hippocrati autem, Mindari legato, una cum copiis, quarum curam
 ipse in se receperat, subita temporum iniquitate afflicto, cum de
 rebus modis, quibus premeretur, ephoris nuntiaret, tale quid in animo
 fieri prorsus improbabile est, sin autem fuisset, fieri non poterat,
 nisi Xenophonte ceterisque earum rerum scriptoribus diserte nota-
 tum. Quae cum ita sint, illam epistulam, qualis quidem tertio ante
 Christum saeculo in Xenophontis historia legeretur, neque
 a Hippocrate, legato, spartano, compositam neque a Xenophonte,
 qui res Laconicas optime nosset, in opus suum receptam fuisse
 non adducar ut credam. Unde igitur hic, ubi nunc est, interpolari
 non. Ego vero puto communem quandam fontem fuisse, ex quo et
 scilicet totam illam fabulam de Hippocratis epistula ab Atheniensibus
 intercepta Xenophontis narrationi inserunt, et Plutarchus fere eadem
 transierunt. Nam Eustathius vel Plutarcho uti potuit. Quamquam, quod
 illam fabulam esse dixi, id non ita acceptum velim, tamquam Hippocra-
 tis clade, qua Peloponnesii affecti essent, ad magistratus spar-
 tano quicquam scripsisse omnino negarem. Immo mirum esset, si ne
 rationis quidem fuisset eos, quibus rationem deberet, de exercitus sui
 condicione certiores facere. Id autem eum non per scytalam, sed per
 epistulam in codicillis, quos forte nactus esset, properanter exaratam
 esse, ut tum res erant, non est, quod cuiquam incredibile videatur.
 Nec minus fieri potuit, ut illae tabulae ab Atheniensibus, qua-
 rum vires per Hellespontum et Propontida discurrent, in itinere
 interceptae Athenas mitterentur.

Haec ego omnia et veri similia et consentanea esse fateor, sed
 Minus, Hippocratis litteras ita, ut nobis enotuisent, ab origine
 scriptas fuisse. Quem autem earum auctorem esse dicamus?

Ego de Demetrio comico aut de Anaxandride aut de alio mediae comoediae scriptore cogito, quos bellum Peloponnesiacum in fabulis suis haud raro tetigisse partim certo scimus, partim suspicari possumus velut ex eis, quos modo nominavi, Demetrium in Σικελία, Anaxandridem in Πρωτεσιλάω. Atque e Σικελία hoc habemus fragmentum:

Λακεδαιμόνιοι θ' ἡμῶν τὰ τεῖχ' κατέβαλον

Καὶ τὰς τριήρεις ἔλχ' ἔμψυχοις, ὅπως

Μηκέτι θαλαττοκρατοῖντο Πελοποννήσιοι.

Sex autem fere annis ante, quam hujus querellae semen apparuerat, quidni scaenica illius victoriae Cyzicensis imago aut ab eodem Demetrio aut ab alio comico Atheniensi ita apparata in pulpitu producta esset, ut cladis a Peloponnesiis acceptae nescio cui ex Atheniensibus nuntiandae munus Mindari mortui simulacro commissum spectatores et argumento et persona dupliciter delectaret?

Quod artificium sicui tragoediam potius, quam comoediam, decere videatur, ei Valentini occisi umbram in illo joculari «Faustini minore» in memoriam redegissem satis habeo, quae, cum e lagoena vini, cuius ille videlicet studiosus olim fuisset, subito proruperit, tantum abest, ut loquens spectatoribus terrorem incutiat, ut potius risum moveat. Graeci autem a poetis suis certe non minus assuefacti erant, quam nos sumus a nostris, mortuorum simulacra in scaena agentia videre, victoriae vero de hostibus reportatae occasione ad illam consuetudinem gaudium accedere solet malignum nec sane liberale, quod ex adversariorum malis ab hominibus vel optimis interdum capitur. Cachinnum igitur protervum mehercules a spectatoribus editum esse putes, cum quaedam larva visus nocturni similis nescio unde subito exorta voce tristi et acuta, qualis animis mortuorum propria esset, ligna perisse proclamasset; neque enim Attici illud ἔρρει τὰ καλά aliter interpretari ante poterant, quam ex eis demum, quae sequebantur, intellegere coepissent larvae sermonem laconicum esse, ut καλὰ id sibi vellet, quod ab ipsis νῆες diceretur. Nec minore, nisi majore, risu excepta conjicio haec, se, qui Mindarus esset, evanuisse (nam eam fere vim illius ἀπέσσυα fuisse puto), ceteros esurire neque scire, quid facerent: nam Atheniensibus cum gratum erat audire, quam ad miseriam redacti essent hostes nuper reformidati, tum ipse nuntii sermo ridiculus videbatur.

Sed haec utrum aliquam veritatis speciem habeant an ingenii
 et vana commenta sint, peritiores viderint, me autem haudqua-
 paenitebit, quantum fecerim, si contigisse mihi sciero, ut
 monstrarem illam, quam habemus, Hippocratis epistulam, cum a
 poeta comico ficta esset, a Xenophonte in opus suum pro vera
 nulla ratione potuisse. Neque necesse eum habuisse puto inter
 post victoriae Cyzicensis descriptionem de rebus Athenien-
 narraverat, et ea, quae de Peloponnesiis illo proelio fractis
 erat, quicquam insereret. Sed nihil impedit, ut opinor, quin
 Hellenicorum loco hoc fere conicere audeamus, aliquem ho-
 litteratum, qui bello iam pridem exacto illorumque temporum
 et rationibus partim oblivione obscuratis in Xenophontis histo-
 incidisset, postquam in legendo ad eum locum pervenisset, ubi
 Pharnabazum, ut sociorum animos erigeret, naves, quas per-
 tent, contemptim ligna appellasse, propter quorum jacturam mi-
 esset desperandum, quoniam regis Persarum terra materia
 ret, eum igitur antiquitatis amatorem cujusdam poetae comici
 stulos, quibus nescio an vera Hippocratis verba ridiculum in mo-
 lepravata fuerint adhibita simili navium significatione, haud inepte
 tum una cum epistulae interceptae mentione et cum ejus, qui
 scripserat, nomine in margine enotasse. Quod vero ille lusus
 ex parte pessum datis, sed sermonis habitu laconico fere
 tamquam ab ipso legato spartano profectus non modo a li-
 , sed etiam a Plutarcho, docto quidem homine, sed rerum a
 scientia remotarum captatore, cupide arreptus est, non est quod
 miremur, praesertim cum Plutarchus aperte caverit, ne ei, qui
 lecturi essent, ignorarent illa, ut ipse ait, γράμματα λακωνικῶς
 scripta.

Theodorus Korsch.

Высшій классъ славянскаго населенія въ западномъ поморскомъ княжествѣ XII—XIII в.

Княжество западно-поморское дѣлается извѣстнымъ исторіи только съ XII в. Указанія въ источникахъ на предшествующую исторію этой страны слишкомъ кратки и отрывочны. Въ XII в. въ Западномъ Поморьѣ распространяется христіанство, учреждается епископская кафедра, появляются первые колонисты. Въ XIII в. основываются города на нѣмецкомъ правѣ, количество колонистовъ сильно умножается, возрастаетъ крупное землевладѣніе, церковное и свѣтское, и страна, вмѣстѣ съ ея князьями, подвергается быстрой германизации. Славянское населеніе отгѣсняется, въ городахъ утверждаются новые порядки и новое населеніе. Лишь немногіе славяне, которые успѣшно и во-время приспособились къ новымъ порядкамъ, участвуютъ на службѣ князя и въ качествѣ землевладѣльцевъ. Они отмѣчиваются, и нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются родоначальниками позднѣйшихъ нѣмецкихъ дворянскихъ фамилій¹⁾.

О положеніи и правахъ знатныхъ поморянъ въ пору самобытной жизни, независимо отъ вліянія со стороны переселившихся въ Поморье нѣмецкихъ колонистовъ всякаго званія и состоянія, сохранилось мало извѣстій. Эти немногія извѣстія находятся главнымъ образомъ въ житіяхъ Оттона, епископа Бамбергскаго, и въ грамотахъ. Свѣдѣнія эти не совсѣмъ достаточны; и историкъ, восполняя недостатокъ сравненіемъ, пришли къ заключенію, что положеніе знатныхъ людей въ славянскомъ Поморьѣ было аналогичнымъ польской шляхтѣ или нѣмецкому дворянскому сословію. По господствующему мнѣнію, знать составляла въ Поморьѣ сосло-

¹⁾ При этомъ надо имѣть въ виду, что родословныя, восходящія къ XIII в. даже къ XII вѣку, доказываютъ древность родовъ, но не существованіе сословныхъ привилегій уже въ XII вѣкѣ.

которое располагало крупными населенными имѣніями, и имѣло вѣроятно большую силу. Такое мнѣніе высказывали: Ф. Бартольдъ, Падбергъ, Прюмерсъ, Фуксъ, фонъ-Брюннекъ, Зоммерфельдъ и др.

Источники не подтверждаютъ господствующаго мнѣнія. Хотя указанія довольно скудны и отрывочны, но соответственно даже самымъ сохранившимся даннымъ, положеніе знатныхъ поморянъ представляется нѣсколько инымъ. Поморская знать не была такъ влиятельна, какъ склонны думать многіе историки Поморья; не такъ, чтобы въ ея рукахъ сосредоточивалось крупное землевладѣніе, чтобы ей принадлежали особые права по отношенію къ княжеской власти или къ остальной массѣ населенія.

Для того, чтобы нѣсколько яснѣе представить себѣ положеніе поморской знати, слѣдуетъ обратить вниманіе на а) землевладѣніе, фактическую роль знати и ея дѣйствія, в) наименованіе знати и случаи неуважительнаго отношенія къ знати, даже пренебреженію ею. Нужно признать, что по всѣмъ этимъ вопросамъ указанія источниковъ и недостаточны и неясны; но и то, что есть, не совпадаетъ съ общепринятыми взглядами.

Самымъ важнымъ показателемъ значенія господствующаго сословія въ средніе вѣка являлось его отношеніе къ землѣ и именно — къ землѣ населенной. Владѣніе большимъ количествомъ населенной земли могло бы придавать отдѣльнымъ лицамъ и всему сословію особую силу, съ которой неизбѣжно должны были считаться государство, церковь, не говоря уже о низшихъ сословіяхъ.

Вотъ этотъ-то существенный признакъ всякаго господствующаго сословія обнаруживается въ Поморѣ весьма слабо. Нѣкоторые влиятельные люди, дѣйствительно владѣютъ въ княжествѣ населенными имѣніями. Но это владѣніе оказывается съ такими свойствами, что не даетъ права заключать о существованіи богатой и сильной славянопоморской аристократіи. Одни изъ такихъ владѣльцевъ — родственники князя, и, слѣдовательно, ихъ положеніе является особеннымъ исключительнымъ по сравненію съ другими знатными поморянами. Другіе владѣютъ землями не въ собственномъ Поморѣ, а въ другой части княжества, которая лишь недавно присоединена была къ Поморью. Третьи обнаруживаютъ признаки феодалныхъ отно-

шеній и, слѣдовательно, переходъ къ нимъ населенныхъ земель произошли лишь недавно¹⁾.

Кромѣ того, были лица, которыя «владѣли имѣніями князя», т. е. получали участки земли въ разныхъ мѣстахъ моря на условіяхъ службы или въ награду за службу. Это бы какъ бы служилое землевладѣніе. Въ какой мѣрѣ оно было развито на какихъ условіяхъ и съ какими особенностями, — трудно сказать, но оно существовало, какъ видно изъ нѣсколькихъ указаній²⁾.

Поморяне рѣдко выступаютъ въ документахъ, какъ землевладѣльцы. Еще рѣже обозначается переходъ имѣнія какого-нибудь поморянина по наслѣдованію. Самая значительная, почти исключительная роль (не считая появившихся позднѣе переселенцевъ, знатныхъ и незнатныхъ, а также церковныхъ учреждений) принадлежала князю. Княземъ одарялись десятки церковныхъ учреждений и церковныхъ лицъ, онъ же раздавалъ во множествѣ населенныя имѣнія и свѣтскимъ лицамъ. Знатные поморяне не играютъ во всемъ этомъ почти никакой роли.

б) Гораздо чаще выступаютъ знатные поморяне на какой-нибудь службѣ князю или княжеству. Князь не разъ упоминаетъ объ ихъ совѣтѣ, напр., въ дѣлѣ пожертвованія какому-либо церковному учрежденію. Довольно рѣдко говорится при этомъ объ ихъ согласіи. Обыкновенно о согласіи знати говорится тогда, когда выдавательницею грамоты является княгиня-вдова, мать или даше производится въ пользу какого-либо иностраннаго церковнаго учрежденія³⁾. Для этого послѣдняго важно было, чтобы противъ ея

¹⁾ Ср. М. Бречкевичъ: Введеніе въ социальную исторію княжества Славянъ, стр. 97—119.

²⁾ Грам. князей Барнима и Вартислава III отъ 1244 г. (Codex Pomeranicus diplomaticus, № 335, р. 716): *Concedimus quoque omnibus hominibus nostris, ut quis ex eis aliquid de bonis, que a nobis possidet, predictis fratribus conferre uoluerit, aut quicquid ipsi pretio comparauerint, liberam habeant licentiam hoc faciendo*. Ср. также № 127, р. 288—289 (о пожалованіи земли монастырю за упокой князя Нусловиса, который погибъ на княжеской службѣ). — Можетъ быть, о служиломъ землевладѣніи свидѣтельствуетъ и часть тѣхъ случаевъ, когда какой-нибудь поморянинъ свое право на землю переноситъ на церковное учрежденіе «съ согласія и по воли князя». Грам. Барнима отъ 1223 г. (ib., № 144, р. 343).

³⁾ Напр., грам. княгини Мирославы монастырю Suchow отъ 1229 г. (Cod. Pom. dipl., № 401, р. 839; Pomm. Urk., I, № 256, р. 208—209): *cum assensu omnium nobilium nostrorum qui tunc temporis articulo astiterunt presentes*.

личныхъ правъ въ Поморѣ не было возраженій ни съ чьей стороны, и потому это учрежденіе такимъ способомъ застраховывало отъ всякихъ возможныхъ и вліятельныхъ претендентовъ.

Итакъ всего поморяне выступаютъ въ княжескихъ актахъ, какъ свидетели. Свидѣтелями были лица свѣтскія и духовныя, всякихъ званій и состояній, поморяне и иностранцы. Замѣчательнѣе всего то, что въ составѣ свидѣтелей упоминаются не только знатные, но и «знатные», что и отмѣчаетъ грамота¹⁾. Въ сущности эти представители въ грамотахъ и служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ инструментовъ о тогдашнихъ знатныхъ или просто выдающихся личностяхъ.

Кроме «совѣта» и свидѣтельскихъ функцій довольно часто встречается объ отправленіи знатыми людьми какихъ-либо должностей, — каштеляна, коморника, стольника и т. п.

Наконецъ, они выполняютъ какія-либо отдѣльныя порученія и функціи: служатъ посредниками въ спорахъ, опредѣляютъ штрафы²⁾, вѣзять ко двору сюзерена³⁾ и т. п.

Въ общемъ, по сохранившимся документамъ, знать выступаетъ въ значительную частію подлѣ князя, въ княжескихъ актахъ, по княжескимъ приказамъ и должностямъ; однако не видно, въ какой формѣ она, въ отличіе отъ простого народа, ограничивала княжескую власть.

Въ некоторыхъ поморьянахъ сообщается кое-что и помимо государственности. Но это немногое недостаточно ни для того, чтобы вывести заключеніе о могуществѣ лицъ или фамилій ни даже для того, чтобы извлечь наиболѣе типичныя черты высшаго класса населенія. Однако однимъ, нѣкоимъ Добеславѣ, рассказывается, что онъ выпро-
силъ у князя позволеніе продать опустѣвшую деревню Bralin, чтобы

¹⁾ Гр. Ратибора, князя славенскаго отъ 1223 г. (Pomm. Urk., I, № 215, p. 160): *in presentia, in quorum presentia factum est, sunt isti: Lisco castellanus tunc — et alii plurimi nobiles et innobiles.*

²⁾ Гр. Барима Кольбацкому монастырю отъ 1235 г. (Cod. Pom. dipl., № 224, p. 491; Pomm. Urk., I, № 312, p. 235—237): *terminos predictarum possessionum ex tempore patris nostri per eum vel per eius nobiles eo vidente distincti sunt.* — *constatimus.*

³⁾ Гр. еп. Зигвина Гробскому монастырю отъ 1216 г. (Cod. Pom. dipl., № 107, p. 251; Pomm. Urk., I, № 171, p. 129—130): *Acta sunt hec in ecclesia Grobensi multis nobilibus Sclauie, qui eo die procedebant cum principibus suis ad curiam regis Dacie.*

имѣть возможность уплатить долги покойнаго отца¹⁾. О другомъ Dirschowitz'ѣ, говорится, что онъ, «изъ-за страха передъ Богомъ», отказывается отъ своихъ притязаній на ту деревню, которую князь пожертвовалъ монастырю²⁾. Третій «благочестиво въ сердцѣ своемъ рѣшилъ» пожертвовать Даргунской церкви одну деревню, но «этого не было въ его возможности», и ему пришлось князя просить объ этомъ³⁾. Почему онъ не имѣлъ возможности пожертвовать, такъ остается неяснымъ. Равнымъ образомъ неясны права и двухъ преемствующихъ поморянъ: каково было отношеніе Добеслава къ деревнѣ Bralin, на немъ основывались притязанія Dirschowitz'a. Все это даетъ матеріалъ только для болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ.

А между тѣмъ три приведенные примѣра упоминаній о поморянахъ высшаго класса въ сущности принадлежать къ наиболѣе подробнымъ извѣстіямъ о знатныхъ поморянахъ. Во множествѣ другихъ случаевъ дается одно имя, иногда—съ обозначеніемъ личности. Часто при имени есть указаніе на мѣсто происхожденія и мѣсто жительства (напр., *Prisniborus de Stetin*).

в) Не лишены значенія и общія обозначенія высшаго класса и вообще упоминавшихся по тому или другому поводу поморянъ. Такихъ общихъ обозначеній употреблялось грамотами довольно много и притомъ безъ строго и послѣдовательно проводимаго различія. Похоже было на то, какъ будто не знали или не увѣрены были, какъ называть; бывало и такъ, что одно и то же лицо определялось неодинаково въ разныхъ грамотахъ. Вотъ общія обозначенія знатныхъ людей, не всегда, конечно, равносильныя: *barones, beneficiarii, capitanei, comites, discreti, domini, domicelli, famuli, fideles, heredes, homines, laici, majores, milites, nobiles, optimates, primates, principes, priores, supparii, vasalli*.

Безполезнымъ для изслѣдователя является опредѣленіе принадлежности къ свѣтскимъ людямъ и безъ того легко констатируется, такъ какъ при имени духовнаго лица обозначался и

¹⁾ Гр. княгини Игарды Даргунскому монастырю около 1220—1222 г. (Cod. Pommer. dipl., № 162, р. 378; Pommer. Urk., I, № 201, р. 146).

²⁾ Гр. князя Казимира II монастырю Арендазе отъ 1215 г. и гр. Dirschowitz (Cod. Pommer. dipl., № 102, р. 236; Pommer. Urk., I, № 166—167, р. 126).

³⁾ Гр. князя Казимира II отъ 1216 г. (Cod. Pommer. dipl., № 109, р. 236—237; Pommer. Urk., I, № 174, р. 131).

Большинство другихъ названій—не что иное, какъ перенесеніе чуждѣйшій классъ поморскаго населенія терминовъ иноземныхъ, и эти названія мало пригодны для объясненія туземной жизни и особенностей.

Слово *suppani*, жупаны,—самое характерное¹⁾. Но это слово употреблено всего одинъ разъ, и при томъ при такихъ обстоятельствахъ, не давая возможности дѣлать какія-либо заключенія. Грамота, въ которой упомянуто это слово, составлена вдали отъ Поморья, безъ участія и присутствія поморянъ, хотя она имѣетъ въ виду жупанъ изъ Поморья (дарованные Бамбергскому монастырю).

Конечно, слово *suppani* взято монахами-составителями грамоты изъ нѣмецкой жизни, а изъ славянской. Но исследователь все-таки въ правѣ видѣть здѣсь безспорное отраженіе славяно-поморско-порядковъ, потому что къ Бамбергу были гораздо ближе и, конечно, извѣстнѣе другія славянскія племена, которыя жили тогда въ западной Германіи; и, слѣдовательно, не исключена возможность того, что монахи воспользовались терминомъ, который былъ извѣстенъ изъ наблюденій надъ жизнію не поморянъ, а другихъ германскихъ племенъ.

Также указанія на общую роль, которая бамбергскими монахами играетъ поморскимъ жупанамъ (согласіе на пожертвованіе имъ всѣхъ бароновъ и жупановъ) не имѣетъ особенной цѣны: зная факта согласія знатныхъ поморянъ, мы можемъ легко предположить, что иностранное лицо или учрежденіе для большаго измѣненія своихъ имущественныхъ правъ само старательно искало и получило одобреніе или согласіе возможно большаго количества знатныхъ къ князю или вліятельныхъ въ странѣ лицъ. На дѣлѣ же не всегда, повидимому, было необходимымъ условіемъ согласія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ собственномъ Поморьѣ князья и княземъ церковныя учрежденія и частныя лица сплошь и рядомъ обходились безъ подобнаго «согласія».

Самымъ болѣе общимъ и частымъ обозначеніемъ поморской знати было слово *nobiles*. Однако это слово не указывало на обособленное

¹⁾ Гр. Вольфрама, аббата Михельсбергскаго монастыря въ Бамбергѣ отъ 874 (Cod. Pom. dipl., № 64, p. 156; Pom. Urk., I, № 109, p. 84): *ipsi principes patrie in generali conventu et concilio consensu fere omnium baronum et episcoporum suorum universali decreto statuerunt.*

сословіе. Слово *nobilis* заключало въ себѣ идею вообще чего выдающагося, отмѣннаго, сравнительно лучшаго. Въ этомъ смыслѣ слово *nobilis* прилагается, напр., къ городу¹⁾, къ деревнѣ²⁾. Этимъ же терминомъ обозначается самъ князь Поморья³⁾, племянникъ датскаго короля⁴⁾, епископъ⁵⁾ и т. д. Этимъ же терминомъ обозначаются и вообще выдаватели грамоты и совершающіе какой-либо публичный актъ юридическаго характера⁶⁾.

Въ болѣе тѣсномъ и собственномъ смыслѣ употребляется слово *nobilis* въ княжескихъ актахъ для опредѣленія тѣхъ лицъ, которые принимаютъ участіе въ этихъ актахъ болѣею частью въ качествѣ свидѣтелей. Чтобы внушить мысль, что составъ свидѣтелей—одни изъ лучшихъ составовъ, что въ немъ участвуютъ отмѣнные, знатные люди, иногда употребляется выраженіе: *nobiliores*⁷⁾.

Что дѣйствительно въ словѣ *nobilis*, прилагаемомъ къ какому-либо лицу, не заключается необходимаго указанія на принадлежность этого лица къ дворянскому сословію, въ этомъ насъ убѣждаетъ точное опредѣленіе слова *nobilis* въ грамотѣ Вартислава III, князя поморскаго. Этотъ князь, по просьбѣ нѣсколькихъ поморянъ далъ Столицкому монастырю вмѣсто прежняго одного имѣнія два другихъ имѣнія. Актъ этотъ совершенъ былъ въ присутствіи епископа Каминскаго и другихъ свидѣтелей, духовныхъ и свѣтскихъ. Вотъ всѣхъ этихъ свидѣтелей и замѣчается, что они «знатны въ родѣ»

1) Гр. имп. Фридриха I отъ 1170 г. (Pomm. Urk. I, № 53, p. 27): *insigne et nobile castrum Dimin*.

2) Гр. папы Александра III отъ 1178 г. (Pomm. Urk., I, № 75, p. 49): *villam unam nobilem in Barth*.

3) Гр. папы Григорія IX отъ 1233 г. (Cod. Pom. dipl., № 210, p. 465): *nobilis vir dux Pomeranie*.—Гр. князя Барнима отъ 1271 г. (Pomm. Urk., II, № 941, p. 253): *nobilis vir Kazimarus noster consanguineus*.

4) Гр. папы Григорія IX поморскому князю отъ 1238 г. (Pomm. Urk., II, № 360, p. 275): *concedimus ut cum dicta nobili, si velis, nuptias contrahere valeas*.

5) Гр. еп. Гермаза отъ 1253 г. (Pomm. Urk., I, № 576, p. 453): *presentibus honestis viris, nobilibus et discretis, quorum nomina sunt hec: venerabilis dominus Willelhelmus quondam Caminensis ecclesie episcopus*.

6) Гр. Барнима отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1075, p. 358): *Cum memoratis hominum labilis sit, necesse est acta nobilium scriptura et testibus perhennari*.

7) Гр. княгини Анастасіи отъ 1220 г. (Pomm. Urk., I, № 199, p. 145): *omnes Stetineus castri nobilioribus pre tristitia flentibus*.

1), а не «рожденіемъ», какъ замѣчаетъ объ одномъ пѣмцѣ грамота 2).

Такимъ образомъ слово *nobilis* въ Поморьѣ не заключало въ себѣ непременно мысли о благородствѣ рожденія.

При всемъ томъ, были, конечно, поморскія фамиліи, уже отлеченныя отъ другихъ фамилій особеннымъ вліяніемъ, значительнымъ достаткомъ и т. д.; лицамъ изъ такихъ фамилій, вѣроятно, перѣдко то же опредѣленіе: *nobiles* 3). Но пропасти между «знатными» и «незнатными» не было. Тѣ и другіе могли выступать княжескихъ грамотахъ, какъ полноправные и правоспособные представители 4).

Князь, какъ видно изъ документовъ, не всегда былъ пренебрежителенъ по отношенію къ тому классу, который обозначался словомъ *nobiles*. Гораздо большимъ вліяніемъ на князя пользовался епископъ и вообще духовенство. По поводу одного и того же дѣла епископъ «убѣждаетъ» князя, «настаиваетъ» на своемъ мнѣніи; а князь высказываетъ князю только свои «нижайшія просьбы» 5). Эти просьбы бывали иногда и «съ воздыханіемъ» 6).

Въ указанія на то, что славяно-поморская знать подвергалась значительнымъ стѣсненіямъ со стороны князя. Стѣсненія эти происходили, впрочемъ, не по инициативѣ князя и не въ цѣляхъ княже-

1) Гр. отъ 1231 г. (Cod. Pom. dipl., № 187, p. 425): *testimonium assignando confide et actu nobilium*.

2) Гр. еп. Зигфрида отъ 1187 г. (Pomm. Urk., I, № 108, p. 83): *quidam Benignicus in ciuitate Bambergensi bene natus, in Stetin honeste conuersatus*.

3) Въ отличіе отъ грамотъ, болѣе склонны говорить о знатности нѣкоторыхъ поморскихъ родовъ составители житій Оттона Бамбергскаго. Но и въ житіяхъ видное место водятся личнымъ качествамъ знатныхъ поморянъ. Ср., напр., отъ 9) объ одномъ поморянинѣ: *Domizlaus quidam, corpore et animo ac ingenio copia sed et generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus*.

4) См. выше, стр. 449, примѣч. 1.

5) Гр. Варислава III отъ 1228 г. (Cod. Pom. dipl., № 171, p. 392; Pomm. Urk., № 243, p. 197): *nos hortatu et instantia uenerabilis patris nostri Conradi episcopi, necnon et aliorum nobilium humili prece communiti*.

6) Гр. Варислава III Даргунскому монастырю около 1227—1228 г. (Cod. Pom. dipl., № 163, p. 379; Pomm. Urk., I, № 237, p. 187—188): *dilectus homo noster, domini bone memorie fidelis hominis nostri Rochilli, quondam in Dimin borgrauii nostri nobili matrona, matre sua Anna, et aliis quam pluribus terre nostre nobilitatis me veniens, non sine gemitu conquestus est. — ab ipsa (id est: uenerabili matre) humili prece obtinuit, ut. — — permitterem, ut uillam — — uendere liceret*.

скихъ матеріальныхъ выгодъ, а ради пришельцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Князь былъ какъ бы ихъ орудіемъ. Онъ благоволилъ переселенцамъ и надѣлялъ ихъ, въ особенности церковныя учрежденія, разными имѣніями; при этомъ не разъ страдали права поморянъ имѣвшихъ то или другое отношеніе къ этимъ имѣніямъ. Иногда въ послѣднюю минуту видоизмѣнялъ свое распоряженіе, невыгодное для знати¹⁾. Но въ другихъ случаяхъ оно осуществлялось²⁾. Стененіе видно и тамъ, гдѣ поморянамъ за отказъ отъ ихъ правъ давали крайне скудное вознагражденіе, вродѣ, напр., 8 марокъ за деревню³⁾.

Все вышеизложенное располагаетъ къ мысли, что высшій славяно-поморскаго населенія къ XII вѣкѣ еще не обособился въ отдѣльное сословіе. Знатные люди были людьми болѣе выдѣляющимися по богатству, по вліянію на окружающихъ, по близости къ князю, по отправленію какой-либо должности, по своимъ личнымъ качествамъ или заслугамъ; это были люди «лучшіе». От сына знатнаго поморянина ожидали, что онъ окажется достойнымъ своихъ предковъ, и сила вещей (въ особенности—богатство, близость къ вліятельнымъ кругамъ и др.) неизбежно располагала потомка къ удержанію преимущественнаго предъ другими положенія.

¹⁾ Гр. Барнима отъ 1228 г. (Pomm. Urk., I, № 250, p. 201): *Uerum quia a Slaus inhabitata ad libertatem ecclesie et canonicorum utilitatem sine gravibus expensis et perpetua multorum nobilium persecutione nequaquam poterit expediri, nos — predictae uille recompensationem duas uillas conferimus.*

²⁾ Гр. Барнима тамплиерамъ отъ 1234 г. (Cod. Pom. dipl., № 220, p. 482—483, Pomm. Urk., I, № 309, p. 234): *Heredes autem sepredictae terre. et villarum in a sitarum. in nostra presentia constituti. quicquid iuris in ipsa terra et villis addixerant uel attribuerant sibi. bona uoluntate penitus relaxarunt. Nomina vero heredum haec sunt.*—О какомъ-либо вознагражденіи дѣдичей нѣтъ и помину.—Гр. того же Барнима новоучреждаемому ильменскому городу Гарцу отъ 1259 г. (Pomm. Urk., II, № 663, p. 36): *dilectis nostris de Gardz burgensibus uniuersos agros — et campos — qui fuerant militum in castro nostro Gardz quondam residentium, integraliter contulimus. О судьбѣ этихъ militum и о вознагражденіи ихъ ничего неизвѣстно.*—Гр. Dirschowitz'a отъ 1215 г. (Pomm. Urk., I, № 167, p. 126): этотъ знатный поморянинъ, „охваченный страхомъ предъ Богомъ“, отказывается отъ своихъ правъ на деревню Warghentimъ въ пользу иностраннаго монастыря.

³⁾ Гр. отъ 1287 г. (Pomm. Urk., III, № 1414, p. 5): *predictus Dedic. recepit octo marcis denariorum monete currentis, — cessit ab omni impetitione et iure, quod in villa Cantum se habere dixerat.*—Изъ исторіи областей у западной границы княжества поморскаго извѣстны случаи, когда славянамъ давали корову или кусокъ хлеба въ качествѣ отступного за деревню.—Ср. Н. Ernst: *Die Colonisation Mecklenburgs im XII. und XIII. Jahrhundert.* Rostock, 1875, S. 49—50.

видно, чтобы и правовое положеніе знатнаго челоѣка уже въ ту рожденія было инымъ по сравненію съ рядовою массою населенія. Развѣтіе сословныхъ отличій хотя уже началось, но нѣсколько замедлилось, по сравненію съ ближайшими сосѣдями—полянами, лютичами, даже руянами, не говоря уже о населеніи нѣмецкихъ княжествъ.

М. Бречкевичъ.

Къ исторіи взаимныхъ отношеній монархіи и земства въ Пруссіи въ XVII—XVIII вѣкахъ.

«Эпилогомъ исторіи прусскихъ сословій» назвалъ изслѣдователь общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній въ Прусскомъ герцогствѣ ¹⁾ время правленія курфюрста-короля Фридриха III (1690). Конѣцъ XVII и начало XVIII вѣка являются, дѣйствительно, періодомъ быстрого и неотвратимаго упадка политическаго значенія земскихъ чиновъ въ этой классической странѣ сословности, подготовленнаго, впрочемъ, всей полувѣковой дѣятельностью Великаго курфюрста и стоящаго въ связи съ общимъ переломомъ въ государственной жизни Германіи послѣ «великой нѣмецкой войны», мощнымъ натискомъ юнаго княжескаго абсолютизма на обветшалыя цитадели дуалистическихъ сословно-земскихъ «конституцій».

Въ исторіи этой борьбы нарождавшейся военно-бюрократической монархіи со старыми историческими силами территориальной эпохи царствованіе курфюрста Фридриха-Вильгельма составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ самыхъ яркихъ страницъ. Съ рѣзкой энергіей и дипломатической ловкостью осуществлялъ курфюрстъ двѣ основныя задачи, поставленныя предъ Гогенцоллернами съ начала XVII вѣка, съ тѣхъ поръ какъ подъ ихъ властью оказались многочисленныя, разбросанныя по всему нѣмецкому сѣверу территоріи, обладавшія до присоединенія значительной внутренней самостоятельностью и далеко не желавшія мириться съ бранденбургскимъ «иноземнымъ» господствомъ. Объединеніе этихъ разрозненныхъ, чуждыхъ другъ другу областей посредствомъ одноформенныхъ общегосударственныхъ учрежденій сдѣлалось первой изъ этихъ

¹⁾ R. Bergmann, Geschichte der ostpreussischen Stände und Steuer von 1688 bis 1704, p. 13 (Staats- und Socialwissenschaftl. Forschungen herausg. von G. Schmoller, XIX, 1. Leipzig 1901).

судныхъ задачъ, отъ разрѣшенія которой зависѣло все будущее прусской державы. Не менѣ важнымъ дѣломъ курфюрста закрѣпленіе и развитіе монархической власти въ территоріяхъ, при съ чрезмѣрными политическими полномочіями, «автономіей» старыхъ сословій, ихъ стѣснительными правами въ законодательствѣ (особенно, финансовомъ) и управленіи, унаслѣдованными отъ вѣрху феодалистическаго государства XV—XVI вѣковъ. Извѣстно, что осуществленія объединительной и абсолютистской политики Великаго курфюрста въ общемъ увѣнчались успѣхомъ, несмотря на тогдѣшнее и долговременное сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ въ неприсоединенныхъ областяхъ, главнымъ образомъ, на Рейнѣ (вѣрхнегерцогствѣ Клеве и графствѣ Маркъ) и въ старомъ Орденомъ владѣнномъ герцогствѣ Прусскомъ. Въ половинѣ 60-хъ годовъ опредѣнились главные итоги этой борьбы монархіи и «земства»: повсюду государственная власть въ большей или меньшей степени освободилась отъ отвлекающаго вліянія сословныхъ чиновъ, дворянскихъ землевладельцевъ-вотчинниковъ и патриціата олигархически управляемыхъ городовъ, и вынудила ихъ къ повиновенію, заставляя вмѣстѣ съ тѣмъ выйти изъ сферы мѣстныхъ интересовъ ихъ территоріальнаго «отечества» и призывая къ несенію общегосударственныхъ повинностей и участію новымъ широкимъ задачамъ общаго государства.

Въ политикѣ прусской сословности отличался особенно бурнымъ характеромъ по той энергіи и упорству въ отстаиваніи своей собственности «благопріобрѣтенныхъ вольностей» отъ натиска абсолютизма, привилегированные классы въ герцогствѣ, въ особенности его дворянство, Oberstände, и богатое бюргерство значительнаго въ странѣ торговаго центра Кенигсберга. Исходъ этой борьбы — «эпилогъ», по выраженію Бергмана, приходится уже на правленіе преемника Великаго курфюрста и былъ здѣсь иной, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ государства. Въ началѣ XVIII вѣка, въ 1713—1706 годахъ, мы встрѣчаемся съ кореннымъ переворотомъ въ устройствѣ этой важной окраины, съ формальнымъ признаніемъ основного земскаго учрежденія — ландтага, съ отменой старыхъ политическихъ привилегій мѣстныхъ чиновъ: въ традиціонныхъ политикѣ Гогенцолерновъ, избѣгавшихъ крутой и рѣшительной политики существующихъ учрежденій, предпочитавшихъ сохра-

нять их de jure неприкосновенными и ставить рядом съ новыми монархическими органами, послушныя орудія своего «суверенитета», — актъ, исключительный по своему характеру и, безъ сомнѣнія, по вызвавшимъ его мотивамъ.

Главнѣйшимъ и даже единственнымъ поводомъ къ этой монархической реформѣ *O. Hintze* въ своихъ очеркахъ о «Государствѣ и обществѣ при первомъ королѣ» считалъ непрекращавшееся на начала XVIII вѣка противодѣйствіе прусскихъ чиновъ установленнаго въ странѣ централизованнаго монархическаго управленія и системы постоянныхъ налоговъ, освобождавшей курфюрста отъ вліянія сословныхъ финансовыхъ правъ ¹⁾, и этотъ взглядъ лучшаго знатока эпохи находить въ общемъ подтвержденіе въ обстоятельномъ изслѣдованіи Бергмана, гдѣ прослѣженъ весь ходъ тогдашней борьбы прусскихъ сословій съ финансовыми требованіями абсолютизма. Ни тотъ, ни другой изслѣдователи не ставили однако своей задачею (да и по самому характеру названныхъ монографій не имѣла въ томъ надобности) — прослѣдить, какъ возникла и развилась въ предшлагающихъ правящихъ кругахъ мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи, какимъ было упраздненіе прусскихъ ландтаговъ; каковыя внѣшнія обстоятельства дали толчекъ къ ея сформированію и, наконецъ, осуществленію; въ какой мѣрѣ этотъ актъ абсолютистской политики возможно связывать съ укоренявшимися въ это время новыми представленіями о правахъ монархической власти. Выясненіе этихъ вопросовъ не лишено нѣкотораго значенія, ибо проливаетъ свѣтъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи нѣмецкаго абсолютизма начала XVIII вѣка; въ частности, самый ходъ и цѣль этого преобразованія прусскихъ сословныхъ учреждений заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго изображенія, чѣмъ данное въ работѣ Бергмана (стр. 182—183), хотя бы и на основаніи почти того же архивнаго матеріала, какой былъ въ распоряженіи нѣмецкаго историка.

Въ 1688 году, при вступленіи на престолъ курфюрста Фридриха III прусскіе земскіе чины еще владѣли весьма значительными

¹⁾ *O. Hintze*, Staat und Gesellschaft unter dem ersten König (Historische und politische Aufsätze, I, 74): Um das zu erreichen, hatte man den Landtag ganz beseitigen müssen; es wäre wahrscheinlich nicht geschehen, wenn die Stände dem König ein willigeres Entgegenkommen gezeigt hätten.

политическими правами, уцѣлѣвшими несмотря на установленіе въ Пруссіи «суверенитета» бранденбургскихъ курфюрстовъ. Речесъ 1663 года сохранялъ въ Пруссіи въ качествѣ высшаго административнаго учрежденія коллегію четырехъ оберратовъ, являвшуюся издавна органомъ сословныхъ интересовъ, тѣсно связаннымъ своимъ составу и по своимъ общественнымъ и политическимъ отношеніямъ съ землевладѣльческимъ дворянскимъ классомъ; этому «правленію» (Regierung) попрежнему предоставлялось участвовать въ разрѣшеніи всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ. На ландтагъ прусское земство (Landschaft) въ лицѣ помѣстнаго дворянства герцогскаго патриціата попрежнему пользовалось широкой при всей опредѣленности компетенціей *in omnibus causis statum Prussiarum concernentibus*, какъ гласили жалованныя грамоты начала XVII вѣка: ему принадлежали право разрѣшенія налоговъ (Steuerbewilligungsrecht) и связанное съ налоговымъ законодательствомъ право въ финансовомъ управленіи; другое исконное право—ходатайство и жалобъ (gravamina) на ландтагъ—оставалось въ рукахъ высшихъ чиновъ средствомъ законодательнаго почина и контроля надъ курфюршескими административными органами, образовавшимися изъ сѣбѣ администраціей сословной. Речесъ шелъ такъ далеко въ признаніи самостоятельности предъ сословными требованіями, что даже устанавливалъ для разрѣшенія разногласій между курфюрстомъ и ландтагомъ особый третейскій судъ изъ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, который, впрочемъ, фактически не собиравшійся.

Въ правду, монархія въ послѣдующую четверть вѣка мало считалась съ параграфами земской «конституціи» и собственными речесами. Для разрушительная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организующая работа считалась шагомъ за шагомъ нестройное зданіе сословныхъ привилегій. Земскіе органы—«правленіе» и «земская казна» (Landstehende)—все болѣе и болѣе стѣснялись въ своей традиціонной самостоятельности, правительственная опека подтачивала ихъ самостоятельность и урѣзывала ихъ компетенцію. Новый органъ монархическаго военно-хозяйственнаго управленія, крингс-комиссаріатъ постепенно сосредоточилъ въ своемъ вѣдѣніи важнѣйшія финансовыя дѣла земскихъ учреждений; *casus necessitatis*, провозглашенный курфюрстомъ, дѣлалъ иллюзорной свободу сословій въ

дѣлъ опредѣленія новыхъ налоговъ: *gravamina* зачастую оставались безъ отвѣта или же получали неудовлетворительное и запоздалое разрѣшеніе, и самое примѣненіе этого права, допускавшееся только на общихъ собраніяхъ земства (*allgemeiner Landtag*) становилось болѣе затруднительнымъ, благодаря стремленію курфюрста не нять общеземскіе сѣзды комиссіями, делегаціями и другими способами сословнаго представительства¹⁾.

Въ формальномъ сохраненіи сословной «конституціи» (*Verfassung*) слѣдуетъ видѣть главную причину того оживленія земствъ дѣятельности и возрожденія сословныхъ притязаній въ Пруссіи, которыми отмѣчены ближайшіе годы послѣ смерти Великаго курфюрста. Созданный послѣднимъ новый порядокъ, столь близкій абсолютизму, казался чинамъ еще доступнымъ измѣненію, ибо покоился онъ лишь на правительственной практикѣ и не получилъ государственно-правового завершенія. Какъ только властная рука побѣдителя при Ферберлинѣ перестала тяготѣть надъ «вѣчными сословіями», они тотчасъ же обнаружили стремленіе возвратить себѣ утраченное положеніе и выступили съ рѣзкой критикой новыхъ монархическихъ порядковъ, причемъ, надо сказать, эта «сословная реакція»²⁾ проявилась не только въ Пруссіи, но и въ другихъ герцогштернскихъ облястяхъ³⁾. Заявленія прусскихъ чиновъ, представленные новому курфюрсту въ августѣ 1689 года⁴⁾, особенно ярко отразили въ себѣ возрожденіе сословныхъ чаяній: это — настоящій обвинительный актъ по адресу минувшаго царствованія, особенно его второй половины, въ теченіе которой накопилось множество

¹⁾ Подробное изображеніе сословной политики курфюрста Фридриха-Вильгельма въ Пруссіи содержится у *Rachel*, *Der Grosse Kurfürst und die ostpreussischen Stände*, Leipzig 1905. (Staats- und Sozialwissenschaft. Forschungen herausg. von G. Schmoller, XXIV, 1).

²⁾ Такъ называется прусское сословное движеніе 1689 и слѣдующихъ годовъ *Bergmann*.

³⁾ Напримѣръ, въ Курмаркѣ (меморіалъ бранденбургскихъ чиновъ 5 мая 1688 года. *Geheim. Staatsarchiv Berlin, Reposit. 20. H. H.*), въ княжествѣ Милленбургъ (*Vorstellungen und Bitte der Stände*, 15. Aug. 1690. R. 32, n. 69). При сомажнѣ на рукописные матеріалы въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣется въ виду главнымъ образомъ R. 6. B. B. B. 1—6 Берлинскаго тайнаго архива.

⁴⁾ *Gravamina und desiderata der gesambten Stände des Herzogthums Preussen*. Praes. 6. August 1689 (R. 7. 166. b. 4).

усмотрѣнных жалобъ и вольности пришли въ великое «ума-
нительно съ прежними «безцѣнными временами». Главнымъ
источникомъ сословныхъ жалобъ (*urgentissima gravamina*) явились
реформы въ строѣ мѣстнаго управленія, произведенныя курфюр-
стомъ вопреки «основнымъ законамъ этого герцогства» и въ нару-
шеніе давнихъ привилегій. «Авторитетъ» оберратовъ—жаловались
на нихъ—подорванъ курфюршеской политикой до такой степени, что
имъ не осталось «тѣни прежнихъ достоинства и власти»; намѣст-
ники изъ знатныхъ лицъ непрусскаго происхожденія всячески ума-
няли свою компетенцію, рѣшая по собственному усмотрѣнію поды-
мать и снимать оберратамъ дѣла; сословія просили курфюрста не назна-
чать на будущее время дорого стоящихъ странъ намѣстниковъ, ибо
представлять его «высокою персону» возложено еще герцог-
скими указами на оберратовъ. Не мѣньше вражды вызываетъ въ
сословіяхъ другой органъ монархіи—кригскомиссаріатъ, первоначаль-
но учрежденный въ Пруссіи для завѣдыванія военно-интен-
дантской частью, а съ конца 70-хъ годовъ получившій участіе въ
гражданской администраціи, послѣ того какъ ему стали поручать
въ провинціи до времени принудительное взиманіе денежныхъ сборовъ
и получившихъ утвержденія ландтаговъ и предназначавшихся
на поддержаніе регулярнаго войска. Переустроенный въ концѣ
70-хъ годовъ на коллегіальныхъ началахъ комиссаріатъ сдѣлался
замѣнителемъ военной палаты (*Kriegskammer*) постояннымъ орга-
номъ военно-хозяйственнаго управленія, независимымъ отъ оберра-
товъ, получавшимъ распоряженія непосредственно отъ курфюрста
и Тайнаго совѣта, и началъ вытѣснять или подчинять своей
власти сословныя финансовыя учрежденія, функции которыхъ посте-
пенно переходятъ въ руки правительственныхъ сборщиковъ, руко-
водимыхъ военной палатой. Суровые приемы взиманія казенныхъ
денегъ, въ которое палата вносила свойственные ей по самому ея
положенію черты воинской исполнительности и дисциплины, сдѣлали
ее ненавистною въ глазахъ земскаго населенія олицетвореніемъ без-
огляднаго фискализма, символомъ безконтрольной и неограниченной
власти водворившейся въ странѣ¹⁾. *Gravamina* сводили воедино
различныя жалобы, раздававшіяся по адресу этого учрежденія, созданнаго

wider alle Verfassungen, незнакомаго съ мѣстнымъ правомъ и обычаями и не считающагося съ вольностями земли. Комиссаріатъ, являясь сословія, присвоилъ себѣ «неподобающій авторитетъ», распоряжаясь наравнѣ съ оберратами, разсылая указы по городамъ и уѣздамъ, давая предписанія самимъ земскимъ чинамъ; въ виду докѣ взысканія податей внесень имъ произволь «подъ ложной личиною» наблюденія высокаго курфюршескаго интереса», земскіе сборщики встрѣчаютъ помѣхи при исполненіи своихъ обязанностей и замѣняются другими, дорого обходящимися населенію и бесполезными агентами. Въ частности, такъ наз. «малые города» (kleine Städte) жаловались на то, что комиссаріатъ наложилъ свою руку на ихъ скудные финансы, облагаетъ ихъ незаконными поборами, взыскиваетъ несущестующія недоимки. Просьбой объ упраздненіи этого несправедливаго для всѣхъ сословій учрежденія и назначенія слѣдствія надъ всей его дѣятельностью и заканчиваются gravamina 1689 года.

Gravamina эти съ ихъ требованіями объ отменѣ важнѣйшихъ административныхъ преобразованій Великаго курфюрста наглядно свидѣтельствовали о томъ, какъ мало, въ сущности, измѣнились политическія стремленія сословій въ теченіе всего XVII вѣка, какъ медленно и неохотно они свыкались съ новымъ строемъ общественныхъ и государственныхъ отношеній, который приносилъ съ собою упрочивавшійся абсолютизмъ. *Bergmann* въ названномъ изслѣдованіи показалъ, насколько и въ другихъ вопросахъ, напримѣръ, въ вопросѣ о правѣ обложенія, сословія остались вѣрными воззрѣніямъ территоріальной эпохи. Налоги все еще не сдѣлались для нихъ институтомъ публичнаго права и не приобрѣли въ ихъ глазахъ характера государственной повинности. Вотированіе новыхъ субсидій правительству попрежнему разсматривается ими какъ право, принимаемое по усмотрѣнію чиновъ, обставляется различными ограничительными условіями относительно вида (modus) и размѣровъ (quantum) налога, длительности его и цѣлей самаго ассигнованія¹⁾. Поведеніе ландтага 1692 года производило на курфюршескаго уполномоченнаго такое впечатлѣніе, что сословія склонны смотрѣть на себя и на монарха какъ на двѣ равнозначащихъ силы, а на вотированіе налоговъ какъ добровольный съ ихъ стороны актъ, вызванный

¹⁾ *Bergmann*, 125—126.

дѣйствомъ» послѣдняго¹⁾; ландтагъ 1696 года считалъ себя вправе накладывать по своему усмотрѣнiю ту или другую сумму сборовъ, такъ какъ она была ниже предъявленнаго требованiя²⁾. Не исчезли и сословія и слѣды того провинціального сепаратизма, которымъ такъ усердно боролся покойный курфюрстъ, говоря о томъ всѣ области его государства суть *membra unius capitis*, т. е. члены единства власти и необходимостью взаимной поддержки. И даже еще въ 1699 году прусскіе чины³⁾ въ отвѣтъ на предложеніе усиленныхъ ассигнованій, въ виду опасностей, угрожающихъ Имперіи, что Пруссія находится внѣ имперской территоріи заинтересована лишь въ оборонѣ собственныхъ границъ!

Но эти притязанія земскихъ чиновъ не встрѣчали, понятно, сочувствія въ курфюрствѣ, смотрѣвшемъ, подобно Фридриху Вильгельму, на подвластные области, какъ «члены единого тѣла» (*Glieder des Leibes*), на которыхъ лежитъ обязанность взаимной помощи и общаго сохраненія⁴⁾, и еще менѣе сочувствія вызывало оно, равно какъ и въ его совѣтникахъ, прошедшихъ большей частью школу Великаго курфюрста, стремленіе сословій отстаивать привилегіи и независимость своихъ старинныхъ правъ въ сферѣ управленія и законодательства. Да и вся политическая обстановка Европы XVII вѣка была, какъ извѣстно, крайне неблагоприятна для осуществленія подобныхъ стремленій: то было время, когда абсолютныя торжествовали почти повсюду на Западѣ окончательную побѣду надъ областными и сословными вольностями, и въ политикѣ упрочивались взгляды, оправдывавшіе и санкциони-

¹⁾ R. v. Fuchs an die Geheime Räte, 7. Juli 1692: da es gleichsam geschienen, als wenn man al pari mit dem Landesherrn tractiren und dasjenige, so man willigt, nicht als praecarie und bittweise schenken (R. 6. B. B. B. 3).

²⁾ Besetzung der gesambten Stände, 30. Jan. 1696: die erforderte Willigung unzureichend zurichten (R. 6. B. B. B. 5). Слабое проявленіе зарождающагося публично-правоваго возрѣнія на значеніе и дѣли обложенія видно въ Vereinigte Bedenken der Stände, 16. Febr. 1698 (ibidem). Ср. *Bergmann*, 124 и 128.

³⁾ Vereinigtes Bedenken der gesambten Stände, 19. Febr. 1699 (R. 6. B. B. B. 5). ⁴⁾ Reskript an die pr. Regierung, 24. Okt. 1697 (R. 6. B. B. B. 5). Ср. Cautzlers Vortag an die Stände in fine 1697 (ibid.). Политическія возрѣнія курфюрста Фридриха III (I) вообще не могутъ быть выяснены въ полной мѣрѣ изъ сочиненій его „политическаго завѣщанія“, хранящагося въ Гогенцоллернскомъ архивѣ; изданіе это готовится. Ср. *G. Kuntzel und M. Hass*, Die Testamente der Hohenzollern, I, p. IV.

ровавшие этот переворот: учение о первенствѣ права монархическаго предъ правомъ частныхъ корпорацій, къ которымъ тогда причисляли земскіе чины, объ *initium vitiosum* сословныхъ вольностей, правѣ государства ихъ пересматривать и упразднить во имя государственной пользы и «общаго блага». Фридрихъ III и его совѣтники несомнѣнно стояли подѣ влияніемъ этихъ ходячихъ въ свое время, что видно лучше всего изъ ихъ отношеній къ привилегіямъ прусскихъ сословій. Не договоръ, обязывающій монарха, а лишь его курфюршеская милость—заявляетъ Фридрихъ III в одной изъ резолюцій начала царствованія¹⁾—является опорой этихъ правъ, «во многихъ отношеніяхъ сомнительныхъ и подверженныхъ различнымъ толкованіямъ»; многія изъ нихъ, по мнѣнію членовъ Тайнаго совѣта, уже не соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ государственнаго быта (*post mutationem status publici*), устарѣлы и непримѣнимы²⁾. При такомъ взглядѣ на юридическое значеніе привилегій «подтвержденіе» послѣднихъ при Фридрихѣ III сплошь и рядомъ приводитъ къ пересмотру ихъ основаній и отменяетъ—въ цѣломъ или въ части—такихъ договоренныхъ вольностей, которыя не отвѣчаютъ новому пониманію задачъ государственной власти или международному положенію курфюршеской державы. Пруссіе чины даже не получали обычной клятвенной «ассекраціи» своихъ «основныхъ законовъ» при принесеніи ими присяги вѣданства въ 1690 году и должны были удовольствоваться простымъ письменнымъ обѣщаніемъ курфюрста «беречь земскія вольности и обычаи»,—новый шагъ къ освобожденію монархіи отъ стѣснительнаго вліянія сословныхъ силъ.

Ни одно изъ политическихъ правъ сословій не стояло въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ укладомъ и тенденціями военно-бюрократическаго государства, какъ право разрѣшать налоги, и нигдѣ противоположность взглядовъ курфюрста и чиновъ не достигала такой остроты и непримиримости, какъ въ вопросѣ объ обложеніи и о правахъ, принадлежащихъ въ этомъ отношеніи обѣимъ сторонамъ. Монархія нуждалась въ регулярномъ, правильномъ

¹⁾ Kurfürstliche Resolution, 26. Febr. 1691 (R. 6. B. B. B. 2).

²⁾ Grumbkows Bedenken über das 8-te gravamen der pr. Stände (1690). Unterthan. Gutachten von Meinders, 4. März 1690 (R. 7. 166. b. 4).

уши своихъ доходовъ, въ непрерывномъ дѣйствіи финансово-
вой системы, на которой зиждились ея основы — *miles perpetuus*
сама внутренняго управленія, и право ландтаговъ рѣшать въ
важнѣйшемъ вопросѣ государственнаго бытія стояло предъ
вѣчной угрозой, способное при случаѣ затормозить работу
государственного механизма и помѣшать достиженію государ-
ственныхъ задачъ. Отсюда постоянное стремленіе и Великаго кур-
фюрка, и Фридриха III положить конецъ финансовой супрематіи
ландтаговъ, превратить это право (*jus*) въ повинность
(*nus*), оставивъ за ними самое большее — право устанавливать ха-
рактеръ новаго налога, а не рѣшать относительно необходимости
его введенія, о такъ называемомъ *casus necessitatis*.
Повинность чиновъ», гласила пропозиція ландтагу 1692 года:
«обязывать по мѣрѣ силъ содѣйствіе поставленной надъ ними власти»,
въ служеніи монарху и заключается ихъ «наибольшая
любовь»¹⁾; предъ «государственной необходимостью» (*allgemeine
nützliche Necessität*) должно, такимъ образомъ, склониться право
свободнаго и добровольнаго самообложенія сословій, пережитокъ
феодальнаго духа и натурально-хозяйственнаго быта. Новыя условія
государственныхъ и хозяйственныхъ отношеній требовали устано-
вленія постоянныхъ налоговъ или, по крайней мѣрѣ, вотированій
на опредѣленные сроки при точномъ опредѣленіи общей суммы
задаваемыхъ сборовъ (*gewisses quantum*), словомъ, въ устраненіи
элемента случайности и произвола, какой вносило въ госу-
дарственный бюджетъ ничѣмъ неограниченное право сословій.

Въ 1691 году курфюрстъ приказывалъ не распускать
ландтаговъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ имъ разрѣшена точно уста-
новленная сумма «контрибуціи» и притомъ не ниже ассигнованія
предыдущаго года; въ 1692 году онъ извѣщалъ оберратовъ о своемъ
намереніи не принимать на будущее время вотированій, лишенныхъ
актомъ опредѣленія общей суммы (*als die in einem gewissen quanto
bestehen*)²⁾. Наряду съ этимъ идетъ довольно быстрое повышеніе

¹⁾ Kurf. Proposition, 28. Apr. 1692 (R. 6. B. B. B. 3).

²⁾ Resolution auf der Stände gravamina, 7. Juli 1691. — Reskript an die pr. Re-
genten 12. Sept. 1692 (R. 6. B. B. B. 3).

общей суммы прусских сборовъ, мотивируемое виѣшними осложненіями и смягчаемое заявленіями курфюрста, что то же приходится дѣлать «во всѣхъ его нѣмецкихъ областяхъ» ¹⁾. Сословія упорно отказывали въ удовлетвореніи всѣхъ этихъ требованій. Они предпочитали предоставлять въ распоряженіе курфюрста налоги долевыя, притомъ на короткіе, не свыше года, сроки, разнообразныя по способу раскладки и по объектамъ обложенія. Такъ, въ 1690 году ландтагъ вотиrowалъ субсидіи на одинъ годъ, причемъ не бралъ на себя отвѣтственности относительно поступленія полной ихъ суммы или покрытія недобора; *sine denominatione quantı* вотируются въ слѣдующемъ году сборы поголовный и питейный, причемъ опять-таки сословія не соглашались «ни въ какомъ случаѣ» связывать себя какими либо обѣщаніемъ относительно *quantum'a* (*zu etwas gewisses*), если не будутъ выполнены поставленныя ими условія. Столь же мало-успѣшны были обыкновенно настоянія курфюрста (съ 1692 года) о продленіи ассигнованій на двухгодичныя (*biennium*) или даже трехгодичныя (*triennium*) періоды, по крайней мѣрѣ, до 1702 года, когда сословія впервые согласились разрѣшить взиманіе налоговъ впередъ на два года, однако при условіи, что это разрѣшеніе утратить силу по истеченіи условленнаго срока *ipso jure et facto* и что оно не можетъ служить прецедентомъ въ смыслѣ умаленія сословнаго права ²⁾. Излишне говорить, что всякое повышеніе податнаго оклада встрѣчало упорное, почти неодолимое сопротивленіе ландтаговъ. Государственное хозяйство въ Пруссіи обречено было, такимъ образомъ, опираться на неустойчивую сословную систему обложенія, столь мало соответствовавшую разросшимся и усложнившимся нуждамъ новой государственности. Вѣчныя колебанія размѣровъ ассигнованій, недоборъ вотиrowанныхъ суммъ, неисправное доставленіе сборовъ земскими финансовыми учрежденіями были обычными отличительными чертами этой системы. Вдобавокъ, на свои ассигнованія ландтаги соглашались лишь послѣ долгихъ колебаній и споровъ, пользуясь каждымъ случаемъ для предъявленія своихъ ходатайствъ.

¹⁾ Reskript an die pr. Regierung, 4. Jan. 1690 (R. 6. B. V. B. 1). — Karl. Proposition, 28. Apr. 1692 и 8. Juni 1694 (R. 6. B. V. B. 4).

²⁾ Bedenken der Stände, 3. März 1690 (R. 7. n° 166. b. 4). — Vereinigtes Bedenken, 26. Juni 1691 (R. 6. B. V. B. 2). — Bericht v. Kreytzens, 23. Jan. 1702 (R. 6. B. V. B. 6).

«неистаннныя жалобы и противорѣчія», «всяческія несвоевременныя отпущенія, уловки и пререканія» — такъ характеризуютъ документы процессъ прусскихъ ландтаговъ въ 90-хъ годахъ ¹⁾; быстрое удовлетвореніе правительственныхъ требованій въ одномъ случаѣ отмѣчается какъ необычное явленіе ²⁾; правиломъ оставался затяжной характеръ сословныхъ совѣщаній, медлительныхъ и запаздывающихъ постановленійхъ (*lang verzögerte Willigungen!*), что не могло не отражаться на успѣшности военно-политическихъ предпріятій монархіи, для которой Пруссія являлась, какъ и при Великомъ курфюрстѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ ея финансовыхъ ресурсовъ.

Такое поведеніе прусскихъ чиновъ, ихъ постоянное противоявленіе требованіямъ «общаго отечества» и стремленіямъ монархіи болѣе должно было раздражать правящіе круги въ Курфюрстѣ и казаться имъ тѣмъ болѣе недопустимымъ, что оно явилось въ концѣ XVII вѣка единственнымъ примѣромъ сословной оппозиціи на всемъ пространствѣ курфюршеской державы. Только въ областяхъ сословія были приведены къ покорности, всемірныя ростки провинціальной автономіи придавлены. Ландтаги, органы территоріальной обособленности и политической самостоятельности сословій, во многихъ областяхъ уже не существовали. Въ Магдебургскомъ герцогствѣ они давно (съ 1678 года) заменены «управами» которые собираются на свои засѣданія грае-
nische Versammlungen ³⁾; въ самой Курмаркѣ общеземскихъ съѣздовъ не было съ 1653 года и, несмотря на обѣщаніе курфюрста, данное въ отвѣтъ на ходатайства бранденбургскихъ чиновъ въ 1688 году, ландтагъ, какъ только позволятъ «многообразныя и весьма множавшіяся дѣла его правленія» ⁴⁾, дѣло ограничивается совѣщаніемъ правительства съ отдѣльными выборными «старшихъ городовъ» или дворянскихъ обществъ различныхъ *Landschaften*, и по-прежнему бранденбургское земство едва осмѣливается напоминать о

¹⁾ Unmassgebliches Bedenken etc., 1697 oder 1698 (R. 6. B. B. 5). — Landtagsopposition 8. Juni 1694 (R. 6. B. B. 4).

²⁾ Relation der pr. Regierung, 20. Jan. 1698: dieses Mahl in der Willigung sehr prompt erwiesen (R. 6. B. B. 5).

³⁾ Acta Borussica, VI, 1, p. 416—417.

⁴⁾ Kurfürstl. Resolution auf der Stände Memoriale, 31. Mai 1688 (R. 20. H. H.).

неисполненныхъ статьяхъ рещесса 1653 года и просить объ удовлетвореніи своихъ нуждъ «единственно изъ милости», не помышляя о томъ, чтобы поставить какое-либо ограниченіе (Ziel und Mass setzen) курфюршеской волѣ ¹⁾. Но и тамъ, гдѣ сословныя учрежденія еще удѣляли, ихъ дѣятельность ничуть не умаляетъ полномочій монархическаго всемогущества. Въ Минденѣ и Гальберштадтѣ функционировать ландтаги съ малочисленнымъ и неполнымъ представительствомъ, похожіе на земскія управы; въ Помераніи ходатайства чиновъ о ландтагѣ удовлетворяются съ такими оговорками (относительно срока ихъ дѣятельности и числа участниковъ), что они уничтожаютъ всякое значеніе курфюршеской уступки ²⁾. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ успѣла уже установиться система постоянныхъ налоговъ, упразднившая фактически «право вотированія» ландтаговъ, и на долю послѣднихъ осталось лишь опредѣленіе вида испрашиваемаго налога и установленіе порядка его взиманія, поскольку финансовая администрація еще остается въ рукахъ сословій. Въ прирейнскихъ областяхъ (герц. Клеве и гр. Маркъ) земская дѣятельность въ концѣ XVII вѣка носитъ еще довольно оживленный характеръ, но и здѣсь сосредоточивается преимущественно на второстепенныхъ хозяйственныхъ и дѣловыхъ вопросахъ мѣстной жизни; финансовыя требованія правительства не встрѣчаютъ возраженій на ландтагахъ, регулярно созываемыхъ въ теченіе всего этого времени. Занятый ландтагъ 1691 года можетъ служить нагляднымъ образцомъ той «доброй гармоніи», какая здѣсь установилась между монархіей и земствомъ, когда то встрѣтившимъ упорнымъ сопротивленіемъ водвореніе власти курфюрстовъ: сословія вотируютъ теперь Фридриху III «охотно и безпрекословно» значительныя суммы, испрашивающіяся въ пропозиціи, «чего за много лѣтъ, чайтельно, доселѣ не бывало», какъ писалъ по этому поводу изъ Клеве самъ курфюрстъ своему Тайному совѣту. Онъ считалъ полезнымъ довести до свѣдѣнія прусскихъ сословій объ этомъ успѣхѣ и о такой готовности ихъ собратій на Рейнѣ идти на встрѣчу интересамъ общаго государства; «доброй примѣръ» клевскаго ландтага, надѣялся курфюрстъ, повліяетъ на

¹⁾ Bitte der Deputirten von Praelaten etc., 10. Nov. 1696 (R. 20. H. H.).

²⁾ Reskript an die hinterpomm. Regierung, 16 Febr. 1689. — Bericht der hinterpomm. Regierung, 25. Febr. 1689 (R. 30. n. 231).

земство въ смыслѣ отказа отъ всегдашней его строител-
ской и неуступчивости въ дѣлѣ установленія налоговъ¹⁾.
Необходимо при этомъ замѣтить, что борьба между монархіей
и феодальными чинами въ концѣ XVII в. происходила въ обстановкѣ,
мало измѣнившейся сравнительно съ временами Великаго кур-
фюрста. Фридриху III уже не приходилось имѣть противъ себя
мощныхъ силъ землевладѣльческаго класса и городовъ съ Кениг-
сбергомъ во главѣ, съ тѣхъ поръ какъ его предшественнику удалось
престижъ (въ 1680 году) такъ наз. *separatio*, отдѣленіе Кенигсберга
податномъ отношеніи отъ остальныхъ участниковъ ландтага.
Система «акциза», особой городской системы сборовъ, основанной
на обложеніи предметовъ потребленія, въ то время какъ сельскіе
хозяева продолжали платить поземельную подать («контрибуція»)
ослабляла непримиримую вражду между вліятельнѣйшимъ бюргерствомъ
и дворянствомъ, такъ какъ послѣднее не безъ вѣско-
ваго основанія видѣло въ этомъ *separatus modus contribuendi*
стѣнокъ податного переобремененія (*Praegravation*) для себя и зави-
сѣ отъ него крестьянъ и средство эксплуатаціи со стороны
Кенигсберга. Какъ политическая мѣра, «отдѣленіе» было, такимъ
образомъ, чрезвычайно выгодно для монархій: оно разстраивало
единство оппозиціи, опиравшееся до тѣхъ поръ на общій интересъ
всѣхъ въ обложеніи и затемняло политическую сторону борьбы
монархій, выдвигая на каждомъ шагѣ острую внутреннюю про-
тивоположность экономическихъ интересовъ. При полномъ политическомъ
разрывѣ «малыхъ городовъ» и безучастіи къ земскому дѣлу Кениг-
сберга, получившаго выгодное для него и обособленное положеніе
въ отношеніи налоговъ, единственнымъ противникомъ монархій на ланд-
тагахъ этого времени осталось, въ сущности, дворянство: борьба,
идущая монархіей вела съ чинами въ концѣ XVII в., была такъ обр.
прежде всего борьбой съ «первенствующимъ сословіемъ» (*Oberstände*),
поэтому тому какъ и преобразованія во внутреннемъ устройствѣ
государства въ началѣ XVIII в. были направлены прежде всего къ
ослабленію политическаго значенія дворянъ-землевладѣльцевъ.

¹⁾ Kurfürst an den Statthalter und Geheime Räte zu Berlin, 21. Jan. 1691
(R. 13. B. B. 1). — Kurfürst an den Fürsten von Anhalt und Paul von Fuchs. 29. Jan.
1692. — *„Nehmen das gute Exempel derer Clevischen zu Gemüthe zu führen und dieselbe
mit der guter Nachfolge aufzumuntern (R. 6. B. B. 1).“*

Впродовженіе перваго десятилѣтія правленія Фридриха II оппозиція прусскихъ сословій, вѣрнѣе, прусскаго дворянства, въ просяхъ обложенія не вызывала рѣшительныхъ мѣропріятій со стороны правительства. Энергичная сословная политика въ духѣ Виллиама курфюрста не соответствовала настроенію его преемника, который выражалъ желаніе придерживаться въ отношеніи сословій «отеческаго» образа правленія и въ своемъ политическомъ завѣщаніи 1698 года совѣтовалъ сыну проявлять въ обращеніи съ послѣдними такую же умѣренность и мягкость (*Gelindigkeit*), не допуская, однако, чрезмѣрнаго усиленія ихъ политическаго значенія ¹⁾. Взгляды курфюрста раздѣлялись и самымъ вліятельнымъ государственнымъ дѣтелемъ этого времени Эбергардомъ ф.-Данкельманомъ, ставившимъ себя въ заслугу послѣ своего паденія (въ 1697 г.) уваженіе съ сословнымъ привилегіямъ въ теченіе своей правительственной дѣятельности ²⁾, и въ Тайномъ совѣтѣ 90-хъ годовъ также преобладало стремленіе улаживать столкновенія съ ландтагами, по возможности миролюбиво, избѣгая рѣзокостей (*harte Termini*) и угрозъ по адресу послѣднихъ ³⁾.

Вопросъ объ установленіи извѣстнаго *modus vivendi* между монархіей и земствомъ занималъ въ 90-хъ годахъ не только правительственные круги. Въ рядахъ прусскаго дворянства было немало лицъ — и при томъ весьма вліятельныхъ членовъ сословія — которые вовсе не занимали по отношенію къ монархіи и ея требованіямъ непримиримой позиціи «патріотовъ», рьяныхъ поборниковъ былаго сословнаго строя. Эти благонамѣренные (*wohlgesinnte*) мирились съ утратой дворянствомъ политическаго значенія и находили наиболѣе благоразумнымъ заключить съ монархіей выгодное для обѣихъ сторонъ соглашеніе. Многие изъ нихъ охотно шли на службу абсолютнаго государства, не порывая, однако, связи съ мѣстными интересами и земскою дѣятельностью. Изъ ихъ рядовъ выходятъ въ XVII в. представители мѣстной администраціи — «уѣздные начальники» (*Amtshauptleute*), служившіе исполнителями

¹⁾ *L. v. Ranke*, Zwölf Bücher preussischer Geschichte. Sämmtl. Werke XIV, XXVI, 481.

²⁾ *Isaacsohn*, Geschichte des preussischen Beamtenthums, II, 272.

³⁾ *Erinnerungen des Geheimen Rats zur kurfürstl. Resolution*, 13. Sept. 1694. R. G. B. V. B. 4).

органомъ центральной власти, и въ то же время право участія въ первой (дворянской) куріи ландтага, въ коллегіи ландратовъ (собственно: Herren und Landräte), предоставлявшееся этимъ высшимъ начальникамъ, ставило ихъ въ тѣсное соприкосновеніе съ нуждами и стремленіями земскаго общества, къ которому они сами принадлежали, побуждало ихъ отстаивать сословные интересы, такъ какъ сталкивавшіеся съ «интересомъ» государственнымъ. Въ двойномъ обликѣ этихъ земцевъ-чиновниковъ сословное, земское начало въ Великаго курфюрста все болѣе и болѣе подавлялось началомъ правительственнымъ, послушнымъ представителемъ котораго является, за немногими исключеніями, ландратъ конца XVII и начала XVIII вѣка. Соображенія личной карьеры, выгодныя условія военной и придворной службы, благоволеніе «двора» — все это въ болѣе степени опредѣляетъ и накладываетъ свою печать на поведеніе ландратовъ въ моменты рѣзкихъ столкновеній монархіи и дворянства въ Пруссіи, чѣмъ сила мѣстныхъ связей и узы корпоративной солидарности. Неудивительно, что въ спорѣ, разгорѣвшемся въ 1690-хъ годахъ изъ-за налоговъ въ Пруссіи, нѣкоторые члены этого высшаго слоя дворянства были на сторонѣ монархіи, выступали въ дворянскими записками, «меморіями», «проектами», въ которыхъ разоблачали слабыя стороны сословнаго устройства, доступнаго нападенію со стороны абсолютизма. Такія записки представляли наиболѣе вліятельнымъ лицамъ въ правительствѣ — Эбергарду фонъ-Вельману (до 1697 года), а затѣмъ ставшему на его мѣсто «министру» — графу Кольбе ф.-Вартенбергу, генералъ-фельдмаршалу фонъ-Фуксу и Паулю ф.-Фуксу. Записки эти обыкновенно содержатъ рядъ политическихъ совѣтовъ, какимъ путемъ правительство могло бы положить конецъ «чрезмѣрнымъ и неосновательнымъ притязаніямъ прусскихъ сословій» и, не прибѣгая къ прямому нарушенію сословныхъ правъ, добиться удовлетворенія своихъ неотложныхъ финансовыхъ требованій. Таковъ, напр., мемуаръ, находящійся среди бумагъ П. ф.-Фукса и отнесенный *Spahn*’омъ къ 1690 году ¹⁾. Невѣстный составитель его принадлежалъ, по предположенію

¹⁾ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg, XVI, 1052—1061 (Gutachten eines Preussen).

O. Hintze ¹⁾ къ знатному роду *Dohna*, принявшему кальвинизм и утратившему вслѣдствіе этого влияние въ странѣ, гдѣ приваженность къ лютеранству была условіемъ для политической дѣятельности. Съ явнымъ раздраженіемъ и, видимо, сгущая краски, говоритъ авторъ о дворянскомъ засильи въ странѣ, благодаря которому *ordo civicus* оттѣсненъ на второй планъ, а въ рукахъ дворянства оказались двѣ куріи ландтага, и должности въ высшей администраціи превратились въ наследственное достояніе двухъ-трехъ вліятельныхъ семействъ; въ такомъ преобладаніи землевладѣльческаго класса усматриваетъ онъ серьезную опасность для монархіи, ибо дворянство проникнуто такимъ же оппозиціоннымъ духомъ, какъ и во времена Великаго курфюрста, о чемъ свидѣлствуютъ недавнія его *gravamina*, ничѣмъ почти не отличающіяся отъ дворянскихъ заявленій шестидесяти годовъ: все тѣ же отжившіе притязанія, которымъ нѣтъ мѣста съ установленіемъ въ странѣ «суверенитета» бранденбургскихъ курфюрстовъ, и тѣ же неосновательныя жалобы на «потрясеніе авторитета» оберратовъ, которые никогда и не обладали такою всеобъемлющею компетенціей, какая имъ приписывается дворянствомъ. Дворянскій ландтагъ въ союзѣ съ оберратами стремится ограничить суверенныя права курфюрста—таковъ смыслъ предостереженій автора записки. Но всѣмъ своимъ взглядамъ онъ примыкаетъ къ той немногочисленной части прусскаго общества, которая склонялась была примириться съ новымъ порядкомъ вещей, шла на искренній отказъ отъ крайностей олигархическаго строя; его идеалъ—въ мирномъ сотрудничествѣ монархіи и земскихъ учреждений: полноправные элементы населенія должны сохранить по старинѣ свои *jura*, обезпечивая «основными законами» страны и, въ ихъ числѣ, право созыва палатовъ ²⁾, а безпартійная курфюршеская власть обезпечить мирное процвѣтаніе страны, положить конецъ господству олигархическаго кружка (*Cliquenherrschaft*), расхищающаго земскія средства, призвать къ управленію «истинныхъ» патриотовъ (*rechtschaffene* *unpar-*

¹⁾ *O. Hintze*, Die Hohenzollern und der Adel (*Hist. Zeitschr.* 1914, B. 112, Heft 3, p. 503). Нѣкоторыя мѣста этой записки говорятъ, впрочемъ, въ пользу герскаго происхожденія автора (такъ *Rachel*, 97); въ такомъ случаѣ, онъ обнаруживаетъ высокое политическое безпристрастіе, выступая, напр., противникомъ фискально-податнаго «отдѣленія» городовъ, невыгоднаго для дворянства.

²⁾ *Urk. und. Act.* XVI, 1059.

и Patrioten). Необходимо установить новую систему государственных отношений (*formulam regiminis*), болѣе соответствующую идеямъ монархіи, принявъ за основаніе извѣстный когда-то изданный сословіями проектъ 1661 года, такъ наз. *Novum Instrumentum regiminis*.¹⁾ Великаго курфюрста, переработанный въ соответствии измѣнившимися политическими условіями: курфюршеская власть должна энергично (*summa cum auctoritate*) поддерживать эту систему, рѣшительно вторгаться въ дѣятельность ландтаговъ, строго примѣняя свое право самостоятельнаго выбора между различными постановленіями курій (такъ наз. *jus complanandi*). Это высоко подниметъ «авторитетъ» монархіи, упрочитъ идею государственности въ Пруссіи, «у которой нѣтъ большаго грѣха, исключокорыстіе и господство частныхъ интересовъ»²⁾.

Въ концѣ 90-хъ годовъ относится другая политическая записка, посвященная тому же вопросу — борьбѣ монархіи съ дворянствомъ въ Пруссіи и принадлежащая перу неизвѣстнаго по имени автора, въ которомъ *Bergmann* видитъ Мельхіора ф.-Теттау³⁾: «полезныя соображенія» о томъ, какими мѣрами возможно побороть сопротивление ландтаговъ и превратить его — *unvermerkt*, незаметно — въ полное подчиненіе правительственнымъ требованіямъ. Теттау указываетъ, что при настоящемъ устройствѣ ландтаговъ въ Пруссіи исходъ голосованій зависитъ почти исключительно отъ первой куріи — ландратовъ; дворянство, составляющее вторую курію никогда не рѣшится разойтись въ своихъ *vota* съ ландратами, чтобы не подорвать и безъ того шаткаго «единства» всѣхъ ландтаговъ *Oberstände*. Для достиженія цѣлей «двора» достаточно имѣть своею вліянію (*an die Hand haben*) коллегію ландра-

¹⁾ См. о немъ *Urk. und Act. XV*, 646. Сословія отказывались признавать за нимъ такое значеніе и въслѣдствіи, при ссылкахъ правительства на этотъ актъ. *Verhandl. d. Sämptl. Stände*, 29. Apr. 1690 (R. 7. n° 166. b. 4).

²⁾ *Urk. und Act. XVI*, 1061.

³⁾ *Bergmann*, 28. У него же обзоръ содержанія этой записки (р. 27--28), дополненный здѣсь нѣкоторыми подробностями. Подлинный заголовокъ документа, напечатаннаго въ R. 6. B. B. 5, слѣдующій: *Unmassgebliches Bedenken, wie S. Ch. Friedrich von Brandenburg, unser gnädigster Herr, denen langwierigen preussischen Landtagsgewalt beschwerlichen Contradictionen mit der Zeit abhelfen und die Stände zu Gehorsamlichkeit haben könnte*. Надъ заглавіемъ помята рукой ф.-Ильгена: 1697 d. 11.

товъ и потому слѣдуетъ обратить особое вниманіе на подборъ членовъ: до сихъ поръ въ этомъ дѣлѣ, при назначеніи правительствомъ ландратовъ и предоставленіи связанныхъ съ этимъ званіемъ административныхъ должностей, не соблюдалось надлежащей «осмотрительности»: должности поручались людямъ молодымъ, съ академическимъ образованіемъ, склоннымъ къ теоретическимъ спорамъ и пререканіямъ (*pruritus vel impetus scribendi*, язвительно отъзываются авторы); едва укрѣпившись на своихъ мѣстахъ, всѣ они забываютъ, кому они обязаны своими бенефиціями и должностями и начинаютъ выступать въ «воображаемой» роли борцовъ за интересы своего «отечества», дѣйствуютъ наперекоръ двору, выплачивая «цѣлѣнами краснорѣчія» необходимыя правительству оклады (*quantum*). Необходимо производить болѣе тщательный отборъ кандидатовъ на эти должности, причемъ не слѣдуетъ основываться на отзывахъ оберратовъ, далеко не свободныхъ отъ сословныхъ симпатій ¹⁾; о каждомъ кандидатѣ слѣдуетъ собирать тайныя свѣдѣнія (*geheime und sichere Kundschaft*), характеризующія его отношеніе къ двору; наиболѣе пригодны лица, не обладающія особеннымъ образованіемъ, лучше всего военные (*Soldaten, preussische Cavalieren*), которые отличаются и болѣе открытымъ характеромъ, и большею склонностью къ повиновенію, выработанной привычками воинской дисциплины, а, главное, знаютъ по опыту, важно для арміи своевременное поступленіе государственныхъ доходовъ. Прусскіе уроженцы, состоящіе на курфюршеской военной придворной службѣ, а также «иностранцы» (уроженцы другихъ курфюршескихъ областей), получившіе прусское «право туземности» (*j. indigenatus*), другими словами, люди, оторванные происхожденіемъ или карьерой отъ мѣстныхъ вліяній, привыкшіе служить общегосударственнымъ интересамъ, таковы, по мнѣнію Теттау, наиболѣе подходящій матеріалъ, изъ котораго вербуются преданные правительству ландраты. Ихъ покорность можно къ тому же обезпечить постоянной матеріальной зависимостью отъ двора, давая имъ бенефиціи не пожизненное владѣніе, а лишь — *revocabilia ad nutum*. Теттау называетъ еще одно средство воздѣйствія на несговорчивые прусскіе ландтаги

¹⁰⁾ Weil leicht zu erachten, dass die Regierung zu keinen Zeiten zu präsumiren suchen werde, dass nicht die besten Patrioten in den Landrat kommen sollen.

въ ландратской коллегіи въ качествѣ предсѣдателя, а также
 и представителя сословій при ихъ сношеніяхъ съ правительственной
 властью стоялъ такъ наз. Landratsdirector, назначавшійся самымъ
 высокимъ. Директоръ, по Теттау, и долженъ былъ служить
 орудіемъ правительственнаго вліянія, которому онъ самъ всегда
 подчинялся по самому характеру своихъ обязанностей, въ со-
 бую среду. Преданный и надежный предсѣдатель, назначенный
 имъ послѣ ознакомленія съ его политическими взглядами
 (gegen den Hof gesinnet), сумѣетъ и ландратами руководить,
 какъ показываютъ прежніе примѣры, держать въ рукахъ и вести
 остальное дворянство. А горсть самостоятельныхъ, не под-
 дающихся такому руководству членовъ сословія «петрудно умиро-
 миръ и другимъ способомъ» — намекъ на хорошо извѣстную
 неспособность дворянскихъ депутатовъ на знаки милости со стороны
 императора личное воздѣйствіе — отъ дружеской бесѣды съ курфюршескимъ
 назначеннымъ beim Stücke essen und Glase Wein¹⁾ до болѣе
 замаскированной покупки депутатскихъ vota путемъ пре-
 ставленія выгодныхъ должностей или пожалованія пенсій.

Въ 1701 году, когда борьба между правительствомъ и
 дворянскими чинами послѣ установленія королевскаго титула вступала
 въ новую фазисъ, ландратъ и уѣздный начальникъ (въ Таплакен-
 бургѣ) Иог. Альбр. ф.-Крейценъ, членъ вліятельной прусской фа-
 мили, какъ и Теттау, представилъ графу Вартенбергу мемуаръ²⁾,
 въ которомъ развивалъ сходную программу борьбы съ дворянской
 оппозиціей. Крейценъ относится еще враждебнѣе къ господству на
 ландтагахъ рядового мелкопомѣстнаго дворянства, къ «демократи-
 ческому» строю Пруссіи, который слѣдуетъ превратить въ «аристо-
 кратическій». Privilegia sunt stricte, non late interpretanda, заявляетъ
 онъ въ самомъ начала. Jus complanandi — лучшее средство въ
 рукахъ монарха для подчиненія дворянства на ландтагахъ рѣ-
 шенію обоихъ «благочестивыхъ чиновъ» — городовъ и ландра-

¹⁾ Bericht Werners an den Kurfürsten, 11. Okt. 1701 (R. 6. V. B. V. 6).

²⁾ «Pro memorie», Königsberg, 5. Febr. 1701 (R. 6. V. B. V. 6). Вопросы о
 ландтагахъ Крейценъ касался и въ другой, болѣе ранней политической
 запискѣ (нами не найденной), представленной также Вартенбергу; въ ней, напр.,
 подробно (weitläufig) разсматривалъ доводы, направленные противъ compla-
 нации, доказывая ихъ несостоятельность.

товъ. И онъ, какъ и предыдущій авторъ, совѣтуетъ сдѣлать перекурію орудіемъ проведенія правительственныхъ плановъ (*die Landtage auf die Conduite der Landräthe vornehmlich zu gründen*). Ландраты суть *perpetui consilarii* монарха, связанные по отношенію къ нему присягой и несущіе болѣе тяжкую отвѣтственность за свои рѣшенія, чѣмъ выборные депутаты прочихъ курій, которые могутъ и не считаться съ соображеніями «общаго блага». Въ организаціи сословныхъ сѣздовъ ф.-Крейценъ находитъ крупныя недостатки, ослабляющіе ихъ работоспособность. Слѣдуетъ прекратить выдѣлы сѣдочнаго довольствія (*Landtagszehrung*) ландратамъ и дворянскимъ выборнымъ, существованіе котораго побуждаетъ заинтересованныхъ лицъ затягивать разсмотрѣніе поставленныхъ вопросовъ¹⁾, установить для ландратовъ определенное жалованье (*fixum quid*) и ограничить сессіи ландтаговъ какимъ-нибудь предѣльнымъ срокомъ, истеченіи котораго дворяне-депутаты утрачивали бы право на вознагражденіе, выдававшееся имъ изъ земскихъ средствъ. «Такъ сами собой исчезаютъ депутаты, ни у кого не становится охоты засѣдать лишнее время на свой счетъ и разыгрывать такъ называемыхъ патріотическихъ иронически заключаетъ ф.-Крейценъ. Другой недостатокъ въ устройствѣ ландтага это—вошедшее въ обычай соединеніе въ однихъ рѣшеніяхъ депутатскихъ полномочій отъ нѣсколькихъ уѣздовъ, благодаря чему ландтагъ перестаетъ служить подлиннымъ отголоскомъ стремленій и нуждъ населенія, а депутаты получаютъ возможность «ловить рыбу въ мутной водѣ», располагая 4—5 голосами одновременно. Крейценъ совѣтуетъ прибѣгать для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ на ландтагахъ—какъ разъ въ началѣ 1701 года куріи разошлись между собой при голосованіи *donativum* на коронаціонные расходы Фридриха I—къ своего рода референдуму, передачѣ вопросовъ на обсужденіе и разрѣшеніе самихъ избирателей на уѣздныхъ сѣздахъ (*Amsttage*): тогда и выяснится, что лежитъ въ основѣ того или другого *votum* дворянской куріи: наличность ли дѣйствительнаго большинства, голосующаго согласно полученнымъ отъ избирателей наказамъ, или интриги и своекорыстіе нѣсколькихъ злонамѣренныхъ

¹⁾ *Landtagszehrung, welche diejenige durch Verschleppung der Landtage zu Zwecken haben, quibus res angusta domi est...* Корыстные соображенія принадлежатъ оппонентамъ правительства на ландтагахъ и ф.-Теттгау: *unendliche contradictio, dass es auf die Weise mehr Landtagszehrungen herschiessen muss.*

intentionen) и враждебныхъ «общему интересу» лицъ. Только осуществленіямъ всѣхъ этихъ измѣненій въ организациі ландтаговъ думаетъ Крейцъ возможно будетъ направлять ихъ дѣятельность духъ королевскихъ предначертаній и въ соотвѣтствіи съ воззрѣніями «истинныхъ слугъ и патріотовъ».

Политическіе совѣты, содержащіеся въ разсмотрѣнныхъ нами документахъ, не оставались безъ вліянія на политику Фридриха III въ отношеніи прусскихъ чиновъ. Не одно указаніе ихъ авторовъ принималось къ руководству и нашло осуществленіе среди разнообразныхъ мѣропріятій, выдвинутыхъ въ разсматриваемую эпоху со стороны оппозиціи, причемъ, однако, не слѣдуетъ забывать и на эти указанія, и на образъ дѣйствій правительства оказала также вліяніе политика Великаго курфюрста и тѣ испытанныя имъ воздѣйствія на строптивую волю чиновъ, какія примѣнялъ прусскаго абсолютизма¹⁾. Подобно Фридриху-Вильгельму, стремившемуся, по возможности, созыва многочисленныхъ «общихъ ландтаговъ» съ ихъ правомъ предъявлять *gravamina* къ «вѣчному» княжескому авторитету²⁾, его преемникъ съ самаго начала правленія пытался (впрочемъ, неудачно) замѣнять общенародныя сѣзды (*einen formellen Landtag*) въ Пруссіи немногочисленными депутатами или земскими комиссіями (*Ausschuss*), лишенными права предъявлять петиціи³⁾. Не добившись въ этомъ курфюрстъ стремился, по крайней мѣрѣ, создать на ландтагахъ наиболѣе благопріятную обстановку для проведенія своихъ дѣлъ. Курфюршескіе комиссары развивали въ уѣздахъ во время приближенія въ ландтагъ настоящую агитацію, стараясь добиться отъ землевладельцевъ заблаговременнаго согласія на финансовыя запросы, чтобы тѣ были предъявлены ландтагу, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобы земскіе послы не были связываемы слишкомъ узкими рамками постановленій и являлись бы на сѣздѣ *cum libera*, т. е. съ

Rachel, 148—162.

Die politischen Testamente der Hohenzollern herausg. von G. Kuntzel und E. H. I, 62.

Friedrich an P. v. Fuchs, 26. Jan. 1691 (R. 6. B. B. B. 1) Обычные мотивы отношенія къ ландтагу см. въ Reskript an die preuss. Regierung, 24. März 1691 mit... die Stände mit keinem weiltläufigen *gravaminiren* oder anderen unnöthigen die kurtze und köstliche Zeith hinbringen können (R. 6. B. B. B. 1).

правомъ рѣшать по вопросамъ, не оговореннымъ въ наказаніи. II *complanatio*, на которую указывали политическія, записки пускалась въ ходъ или, вѣрнѣе, только выдвигалась въ качествѣ угрожающаго оружія монархіи противъ дворянской оппозиціи²⁾. Было недостатка и въ попыткахъ воздействовать на волю отдельныхъ депутатовъ путемъ общанія милостей или, наоборотъ, угрозы привлеченія упорныхъ оппонентовъ правительства къ личной отвѣстности, какъ, напримѣръ, поступилъ курфюрстъ въ 1695 году³⁾, потребовавши сообщенія именъ дворянскихъ выборныхъ, не согласившихся на разрѣшеніе поземельнаго сбора до выдачи «ассекुरаціи» сословныхъ правъ, или въ 1700 году⁴⁾, когда предъявлено было требованіе, чтобы сословныя «мнѣнія» снабжались подписями депутатовъ (*Concipisten*). «Свобода» сословныхъ совѣщаній стѣснялась и въ другихъ отношеніяхъ: съ половины 90-хъ годовъ продолжительность сессій ландтаговъ ограничивается 6-недѣльнымъ срокомъ. Крейценъ высказывался даже за четырехнедѣльный — по истеченіи коего ландраты и депутаты отъ дворянства теряли право на предложеніе діетъ, первые — отъ казны, вторые — отъ своихъ уѣздныхъ земствъ⁵⁾. Важнѣе всѣхъ названныхъ мѣръ было то обстоятельство, что правительство имѣло возможность, какъ и совѣтовали его сторонники, пользоваться содѣйствіемъ одного изъ элементовъ самаго учрежденія — ландратской куріей, этой «верхней палатой» ландтага съ полумонархическимъ, полусословнымъ характеромъ. Теттау неоднократно доказывалъ, что ландраты являются удобнѣйшимъ рычагомъ монархической политики: такая точка зрѣнія на коллегію неукоснительно проводится правительствомъ Фридриха III, которое смотритъ на нее, какъ на свой исполнительный органъ, обязанный ему особымъ повиновеніемъ и отъ него зависимый. Во время столкновеній монархіи съ земствомъ ландраты обязаны были приспособлять свое поведеніе свое и свои *vota* къ правительственнымъ видамъ⁶⁾, въ

1) Bericht Werners an Friedrich, 11. Okt. 1701; idem, 13. Dez. 1701 (R. 6. B. B. 6).

2) Entschliessung der Stände, 11. Febr. 1695 (R. 6. B. B. B. 5). Ср. Bergmann, 82.

3) Reskript an die preuss. Regierung, 29. Jan. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

4) Memorial der Stände, 1. März 1700 (R. 6. B. B. B. 6). Bergmann, 83.

5) Landtagsproposition 30. Nov. 1695; so wenig vom Lande, als auch Dero Cammer.—Instruction für H. von Barfuss, 17. Sept. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

6) Relation der pr. Regierung, 2. Juli 1691.

удалось, чтобы они руководились такими же мотивами, какъ «ответственные» выборные члены ландтага¹⁾; ихъ дѣятельности ландтагъ, равно какъ и при выборахъ въ это учреждение, ставилъ опредѣленную задачу — содѣйствовать возможно полному и окончательному удовлетворенію требованій центральной власти. Къ этому обращаются, чтобы вліять при ихъ посредствѣ на избіеніе дворянской куріи при составленіи ими наказа или для избранія угоднаго правительству лица, ибо извѣстно, «какъ много они сдѣлали и въ ландратской куріи и внѣ ея»²⁾, и Крейценцъ въ запискѣ также не преминулъ отмѣтить, какую роль играютъ эти выборы ландраты-Hauptleute, на обязанности которыхъ лежалъ самый созывъ элекціонныхъ сѣздовъ. Для той же цѣли — вліанія на рѣшенія земскихъ чиновъ — эксплуатируется и вліаніе «прокура» ландратовъ, какъ между прочимъ совѣтоваль Теттау³⁾. Государственные комиссары въ 1701 году могли отмѣтить въ своихъ донесеніяхъ наличность немалого количества ландратовъ, тогда проводилъ выдвинутый въ это время *triebniss*⁴⁾, а другой официальный документъ конца 1703 года⁵⁾ насчитывалъ не менѣе 1000 оныхъ, т. е. свыше половины общаго ихъ числа, гдѣ правительственное вліаніе, основанное на содѣйствіи мѣстной администраціи, ставилъ упроченнымъ и не предвидѣлось возможности сопротивленія даже весьма радикальнымъ преобразованіемъ сословнаго быта. Все сказанное до сихъ поръ даетъ достаточное понятіе объ общему характеру сословной политики Фридриха III въ Пруссіи въ первый десятилѣтія его правленія. Несмотря на обозначившееся въ эту эпоху рѣзкое расхожденіе политической программы варшавянъ, съ одной стороны, и сословій, съ другой, нельзя еще

¹⁾ Relation von Fuchs, 7. Juli 1691 (R. 6. B. B. B. 2). Ср. Bergmann, 71.

²⁾ Brief eines Kriegesrats an den Landvoigt zu Schaaken Tettau, Wallenrodt, 13. Dez. 1698 (R. 6. B. B. B. 5).—Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6) и Bericht Werners, 23 Dez. 1701 (ibid.).

³⁾ Bericht Werners, 8. Nov. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁴⁾ Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701: Landrat und Hauptmann Tettau (Шанбень)... versicherte die Landstände auf dem nehesten Landtage dahin zu versprechen, dass die Willigung auf drei nach einander folgende Jahre gerichtet werden soll.—Bericht Werners, 23. Dez. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁵⁾ Vorschlag wegen Abstellung der abusuum der Landtage in Preussen (R. 6. B. B. B. 6). См. о немъ ниже.

правомъ рѣшать по вопросамъ, не оговореннымъ въ наказѣ. И *complanatio*, на которую указывали политическія записки такъ и пускалась въ ходъ или, вѣрнѣе, только выдвигалась въ качествѣ угрожающаго оружія монархіи противъ дворянской оппозиціи². Не было недостатка и въ попыткахъ воздѣйствовать на волю отъѣзжихъ депутатовъ путемъ обѣщанія милостей или, наоборотъ, угрозы привлеченія упорныхъ оппонентовъ правительства къ личной ответственности, какъ, напримѣръ, поступилъ курфюрстъ въ 1695 году³, потребовавши сообщенія именъ дворянскихъ выборныхъ, не согласившихся на разрѣшеніе поземельнаго сбора до выдачи «ассекраціи» сословныхъ правъ, или въ 1700 году⁴), когда предъявлено было требованіе, чтобы сословныя «мнѣнія» снабжались подписями ретторовъ (*Corcipisten*). «Свобода» сословныхъ совѣщаній стѣснялась и въ другихъ отношеніяхъ: съ половины 90-хъ годовъ продолжительность сессій ландтаговъ ограничивается 6-недѣльнымъ срокомъ. Крейценъ высказывался даже за четырехнедѣльный — по истеченіи коего ландраты и депутаты отъ дворянства теряли право на участіе въ дѣлѣ, первые — отъ казны, вторые — отъ своихъ уѣздныхъ земствъ⁵). Важнѣе всѣхъ названныхъ мѣръ было то обстоятельство, что правительство имѣло возможность, какъ и совѣтовали его сторонники, пользоваться содѣйствіемъ одного изъ элементовъ самаго учрежденія — ландратской куріей, этой «верхней палатой» ландтага съ полумонархическимъ, полусословнымъ характеромъ. Теттау неоднократно доказывалъ, что ландраты являются удобнѣйшимъ рычагомъ монархической политики: такая точка зрѣнія на коллегію неукоснительно проводится правительствомъ Фридриха III, которое смотритъ на нее, какъ на свой исполнительный органъ, обязанный ему особымъ повиновеніемъ и отъ него зависимый. Во время столкновеній монархіи съ земствомъ ландраты обязаны были приспособлять свое поведеніе свое и свои *vota* къ правительственнымъ видамъ⁶).

1) Bericht Werners an Friedrich, 11. Okt. 1701; idem, 13. Dez. 1701 (R. 6. B. B. 6).

2) Entschliessung der Stände, 11. Febr. 1695 (R. 6. B. B. B. 5). Cp. Bergmann, 85.

3) Reskript an die preuss. Regierung, 29. Jan. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

4) Memorial der Stände, 1. März 1700 (R. 6. B. B. B. 6). Bergmann, 83.

5) Landtagsproposition 30. Nov. 1695: so wenig vom Lande, als auch Dero Cammer. — Instruction für H. von Rarfuss, 17. Sept. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

6) Relation der pr. Regierung, 2. Juli 1691.

только, чтобы они руководились такими же мотивами, как «ответственные» выборные члены ландтага¹⁾; их деятельность ландтагъ, равно какъ и при выборахъ въ это учреждение, ставила определенную задачу — содѣйствовать возможно полному и именному удовлетворенію требованій центральной власти. Къ таковымъ обращаются, чтобы вліять при ихъ посредствѣ на избітіе дворянской куріи при составленіи ими наказа или для выбора угоднаго правительству лица, ибо извѣстно, «какъ много могутъ они сдѣлать и въ ландратской куріи и внѣ ея»²⁾, и Крейценъ въ своемъ запискѣ также не преминулъ отмѣтить, какую роль играютъ эти выборы ландраты-Hauptleute, на обязанности которыхъ лежитъ самый созывъ элекціонныхъ съѣздовъ. Для той же цѣли — вліянія на рѣшенія земскихъ чиновъ — эксплуатируется и вліяніе «протора» ландратовъ, какъ между прочимъ совѣтовалъ Теттау³⁾. Земельные комиссары въ 1701 году могли отмѣтить въ своихъ донесеніяхъ наличность немалого количества ландратовъ, которые проводили выдвинутый въ это время тієрпінгъ⁴⁾, а другой важный документъ конца 1703 года⁵⁾ насчитывалъ не менѣе 10 чиновъ, т. е. свыше половины общаго ихъ числа, гдѣ правительственное вліяніе, основанное на содѣйствіи мѣстной администраціи, имѣло въ упроченномъ и не предвидѣлось возможности сопротивленія весьма радикальнымъ преобразованіемъ сословнаго быта. Все сказанное до сихъ поръ даетъ достаточное понятіе объ общему характеру сословной политики Фридриха III въ Пруссіи въ первое десятилѣтіе его правленія. Несмотря на обозначившееся въ эту эпоху рѣзкое расхожденіе политической программы дворян, съ одной стороны, и сословій, съ другой, нельзя еще

¹⁾ Relation von Fuchs, 7. Juli 1691 (R. 6. B. B. B. 2). Ср. Bergmann, 71.

²⁾ Brief eines Kriegsrats an den Landvoigt zu Schaaken Tettau, Wallenrodt, 13. Dez. 1698 (R. 6. B. B. B. 5).—Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6) и Bericht Werners, 23. Dez. 1701 (ibid.).

³⁾ Bericht Werners, 8. Nov. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁴⁾ Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701: Landrat und Hauptmann Tappe (Шалбень)... versicherte die Landstände auf dem nehesten Landtage dahin zu versetzen, dass die Willigung auf drei nach einander folgende Jahre gerichtet werden soll.—Bericht Werners, 23. Dez. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁵⁾ Vorschlag wegen Abstellung der abusuum der Landtage in Preussen (R. 6. B. B. B. 5). См. о немъ ниже.

жалобы» сословій, оставленныя властью безъ удовлетворенія, и внесъ обязательное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе (*rechtlicher Ausspruch*).

Gravamina 1699 года сыграли, безъ сомнѣнія, немаловажную роль въ исторіи дальнѣйшихъ отношеній монархіи и земства; они сдѣлывали опредѣленнымъ образомъ, что прежняя политика поумѣръ по отношенію къ чинамъ не можетъ дать никакихъ результатовъ. Было очевидно, что въ своемъ стремленіи установить въ Пруссіи управленіе, подчиненное монархическимъ учрежденіямъ и ввести правильную и устойчивую систему обложенія курфюрсту и въ будущемъ придется имѣть дѣло съ игнорированіемъ общегосударственныхъ интересовъ со стороны чиновъ, съ такимъ же рѣзкимъ сопротивленіемъ его требованіямъ, органомъ и выразителемъ котораго были ландтаги. Если такое убѣжденіе складывалось въ сознаніи курфюрста и его совѣтниковъ, — а оно не могло не сложиться въ десятилѣтней распрѣ монархіи съ чинами — тѣмъ самымъ обозначался возможный практическій выходъ изъ этого положенія, *remedium*, котораго не рѣшались еще назвать авторы «мемуаровъ»: такимъ выходомъ былъ бы рѣшительный натискъ на всю систему прусскихъ сословныхъ учреждений — уничтоженіе права ландтаговъ и связанныхъ съ послѣднимъ права петицій и самообложенія.

Сословная челобитная 1699 года своимъ неуступчивымъ, почти вызывающимъ тономъ могла лишь укрѣпить правящіе круги въ этомъ рѣшеніи. Курфюрстъ былъ сильно ею раздраженъ; его «революція» содержала чрезвычайное рѣзкое осужденіе сословныхъ притязаній (*nichtige und unziemliche gravamina!*) и вызвала, въ свою очередь, новый протестъ со стороны чиновъ, жаловавшихся на пренебреженіе къ ихъ «настоятельнѣйшимъ ходатайствамъ» (*urgentissima gravamina*), касающимся интересовъ всей земли. Во что превратится, спрашивали сословія, «знатнѣйшая и величайшая ихъ привилегія» свободно обсуждать свои нужды и «безбоязненно» ихъ доводить до свѣдѣнія власти, если отказано во всякой помощи и уваженіи къ ихъ заявленіямъ? Сословія высказывали опасеніе, что ландтаги при такомъ положеніи дѣлъ перестанутъ приносить «всю пользу, какую съ давнихъ поръ привыкли ждать отъ нихъ и земля и государственная власть ¹⁾». Впослѣдствіи, въ 1706 году

¹⁾ *Allgem. Bedenken*, 27. Nov. 1699 (R. 6. B. V. 5).

сия, образованная для рассмотрѣнія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи ландтаговъ, поставить прусскимъ чинамъ въ вину свои заявленія (*impertinentes Memorial von 1699*) и найти въ нихъ законное основаніе для отмѣны сословныхъ собраній¹⁾. На новый курсъ въ сословной политикѣ, все яснѣе обозначившійся съ 1699 года, толкали курфюрста не только отмѣченныя законоуказанія съ чинами и упорное отстаиваніе послѣдними старыхъ традицій въ законодательствѣ и управленіи. Не безъ вліянія въ этомъ отношеніи были и происшедшія за это время перемѣны въ составѣ самого правительства: съ 1698 года, послѣ опалы Ганшмана, власть перешла къ извѣстному «тріумвирату», состоявшему изъ курфюршескаго фаворита, оберкаммергера графа Кольбе-Вартенберга, оберкригс-комиссара графа ф.-Барфуса и дѣйств. члена сов. Пауля ф.-Фукса, подѣлившихъ между собой главные отрасли государственнаго хозяйства и управленія. Все это были люди, поднявшіяся на придворно-бюрократической службѣ, склонны были разсматривать политическіе вопросы подъ угломъ личныхъ интересовъ и соображеній своей карьеры. О «береженіи» (*Conservierung*) сословныхъ правъ, какое ставилъ себѣ въ заслугу Данцихъ, не могло быть и рѣчи у безпринципнаго и корыстнаго политика ф.-Вартенберга, стоявшаго во главѣ «кабинета», ни у его товарищей, которые и раньше, въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ на ландтагахъ, были усердными проводниками абсолютистской политики въ Пруссіи²⁾. Сторонникомъ централизованной политики и подавленія сословныхъ вольностей былъ и влиятельный Рюдигеръ ф.-Ильгенъ, сыгравшій столь видную роль въ упраздненіи прусскихъ сословныхъ учреждений въ 1705—1711 годахъ³⁾. Къ этимъ наиболѣе виднымъ членамъ прави-

¹⁾ Protokoll der Kommission wegen der preuss. Landtage, Nov. 1706 (R. 6. B. 16).

²⁾ Ср. отзывы Фукса о ландтагѣ 1692 (P. v. Fuchs an die Geheime Räte, 7. Juli 1692, R. 6. B. V. B. 3).

³⁾ Acta Borussica IV, 2, p. 125, Vorstellung des General-Directoriums, 2. Febr. 1705, welcher vorhin angeführter Maszen in der Sache wegen Abschaffung der preuss. Landtage viel gearbeitet. О дѣятельной роли этого члена Тайнаго совѣта въ прусскихъ дѣлахъ свидѣлствуютъ набросанные его рукой черновики, помѣты на документахъ запискахъ въ R. 6. B. V. B. 1—6. Отъ него же исходитъ инициатива упраздненія оберратской коллегіи въ 1706 г. (см. *Isaacsohn*, III, 3).

тельства примыкали по своимъ воззрѣніямъ второстепенные ея агенты какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ (напримѣръ, Мейндеръ, Вернеръ и др.), составлявшіе въ совокупности внушительную партію абсолютизма.

Но, можетъ быть, еще важнѣе, чѣмъ всѣ эти особенности тенденціи тогдашняго правительственного состава, были измѣненія самой идеологіи монархіи, опредѣлившіяся на исходѣ вѣка и замедлившія отразиться на ея политической практикѣ. «Фактический абсолютизмъ» ¹⁾ Гогенцоллерновъ XVIII вѣка, еще щадившій въ своемъ поступательномъ развитіи формы сословнаго устройства, довольствовавшійся частичнымъ или временнымъ ихъ нарушеніемъ во имя «государственной необходимости», все болѣе перерождается къ этому времени въ абсолютизмъ принципиальный, отвергающій самыя формы исторически образовавшагося уклада сословной государственности. Въ основѣ новаго теоретическаго абсолютизма лежала, какъ извѣстно, мысль о богоустановленности и неограниченности власти монарха, исключавшихъ возможность равнаго съ нимъ участія (*condominium*) или даже содѣйствія ему въ управленіи подчиненныхъ общественныхъ группъ. Яркій отпечатокъ этихъ идей лежитъ на государственныхъ актахъ курфюрста второй половины 90-хъ годовъ; многія заявленія въ этихъ документахъ кажутся позаимствованными изъ боссюэтовской „*Politique tirée de l' Ecriture Sainte*“ или изъ какого-нибудь трактата нѣмецкихъ абсолютистовъ этого времени. «Князья и государи—гласила пропозиція, прочитанная прусскому ландтагу въ 1695 году—суть боги на землѣ, коимъ Всевышній поручилъ распоряжаться, въ качествѣ своихъ намѣстниковъ, въ земныхъ и временныхъ вещахъ» ²⁾. Повиновеніе, оказываемое подданными монарху, «образу Божію», есть наилучшій способъ выполненія ихъ обязанностей по отношенію къ самому Богу. Въ другомъ случаѣ ³⁾ проводится какъ бы параллель между божественнымъ міровладыствомъ и правленіемъ абсолютнаго монарха: какъ тайны божіи предначертаній мудро сокрыты отъ людей, такъ и высокіе правители (*hohe Potentaten, die so zu reden auf Erden vergöttert seyn*)

¹⁾ R. Koser, Hist. Zeitschr. 1889, B. LXI, p. 247.

²⁾ Landtagsproposition, 30. Nov. 1695 (R. 6. B. B. 5).

³⁾ Kurfürstl. Proposition an die Verordnete der Landschaft (въ Курфюрстл. 6. Nov. 1700 (R. 20. H. H.).

не могут допустить, чтобы «превеликія тайны» ихъ управленія назначались предъ подданными (земскими чинами) и переставали, наконецъ, служить охранѣ «государственнаго интереса». Отсюда одинъ шагъ до отрицанія всякаго права сословій на сотрудничество съ исполнительной властью; монархъ столь же мало связанъ чьей-либо мыслью своею «регентъ», какъ Творецъ въ своемъ міродержавіи (Weltregiment). Последовательнымъ выводомъ изъ этой мысли являлся, наприм., отказъ Фридриха III въ 1700 году санкціонировать новыя сословныя привилегіи въ одной изъ областей, ограничивая его права въ сферѣ внѣшней политики: weil Wir diese Lande nicht in communione, sondern für Uns alleine regieren und besitzen ¹⁾. Противорѣчія монархической и сословной идеологіи должны были особенно возрасти послѣ приобрѣтенія курфюрстомъ королевскаго титула, поднявшаго его на высшую іерархическую ступень, съ которой монархъ соединялъ и новыя теоретическія притязанія, и, въ частности, тѣ причины, что королевскій титулъ былъ поставленъ въ ближайшую государственно-правовую связь какъ разъ съ той провинціей, въ которой абсолютистскія стремленія встрѣчали наиболѣе упорное сопротивление. Еще въ 1699 году возникло рѣшеніе обосновать новое между собой положеніе курфюрста не на его старинныхъ наслѣдственныхъ правахъ, подчиненныхъ императорскому сюзеренитету, а на свободномъ (въ 1657 году) отъ всякихъ ленныхъ узъ обладаніи герцогствомъ Пруссіею; отъ Пруссіи и получилъ свое начало королевскій титулъ (König in Preussen), присвоенный курфюрстомъ при исключительномъ торжественномъ церковномъ церемоніалѣ въ январѣ 1701 года въ Мюггебергѣ. Пруссіе чины получили при этомъ новое подтвержденіе привилегій, которыя король обѣщалъ «крѣпко и нерушительно охранять и даже «милостиво приумножать», причемъ заявлялось, что установленіе новаго титула ни въ чемъ не измѣнитъ положенія, пожалованныхъ чинамъ «ради ихъ неліцемерной вѣрности службы» ²⁾. Королевскія обѣщанія стояли, однако, въ явномъ противорѣчьи съ тѣмъ взглядомъ на значеніе событія 3 января 1701 года, къ которому склонялся и самъ Фридрихъ и окружавшіе его государственные дѣятели. Приобрѣтеніе королевскаго

¹⁾ Confirmation der pommersch. Privilegien, 16. März 1700 (R. 30. n. 231).

²⁾ Пр. Прусс. Стände an den König, 25. Febr. 1701 (R. 6. B. B. 6).

титула, въ дѣйствительности, лишь содѣйствовало дальнѣйшему развитію «принципіальнаго» абсолютизма, въ корнѣ враждебнаго сословнаго самостоятельности. Религіозное освященіе новой власти ставило «посланника Божія» подъ непосредственное попеченіе божественнаго Промысла, сообщало ему дары исключительнаго призванія въ дѣло государственнаго строительства, упрочивала мысль о надчеловѣческомъ достоинствѣ «божьяго викарія»¹⁾, которая съ меньшей опредѣленностью выступала уже и въ актахъ до 1701 года. Вознесенный на такую теоретическую высоту, король, всемогущій Pro-Deus, еще меньше нежели до сихъ поръ, могъ считаться связаннымъ узами договора съ своими подданными—чинами или нуждаться въ содѣйствіи при ограниченнаго разума при осуществленіи своей власти и менѣе всего, конечно, въ Пруссіи, съ обладаніемъ которой связанъ былъ самый королевскій титулъ. Именно здѣсь, въ Пруссіи, согласно распространенному въ это время воззрѣнію, коронованіе 1701 года сообщило Фридриху новыя полномочія, «неограниченную отнынѣ суверенную власть», по выраженію сословнаго оратора въ томъ же 1701 году²⁾, и, слѣдовательно, право перестраивать, по усмотрѣнію образовавшіяся въ этой странѣ взаимоотношенія монарха и подданныхъ. Со времени превращенія Пруссіи въ «наслѣдственное суверенное королевство», заявлялъ прусскій канцлеръ Г. Ф. ф.-Крейценъ³⁾, существованіе ландтаговъ зависитъ всецѣло отъ воли самого монарха (steht E. M. schlechterdings frey die Landtage zu abrogiren). Такимъ образомъ, по убѣжденію современниковъ, къ которымъ, понятно, присоединялось и безъ того абсолютистски настроенное правительство Фридриха I, не было послѣ 1701 года теоретическихъ препятствій для преобразованія прусскаго сословнаго устройства въ духъ абсолютизма; такое преобразование, напротивъ, вскорѣ выдвигается впередъ въ качествѣ очередной задачи королевской политики въ Пруссіи, одинаково оправдываемой и практическими соображеніями, и отвлеченными принципами, легшими въ основаніе новой власти.

1) Hubrich, Zur Entstehung der Preussischen Staatseinheit (Forschungen zur brandenb. und preuss. Geschichte, XX, 367), гдѣ собраны указанія на реальное политическое значеніе, какое придавалъ Фридрихъ I акту своего коронованія.

2) Eines königl. preuss. Landraths und Hauptmanns an die Noblesse des ihm anvertrauten Amts im Jahr 1701 gethane Anrede (R. 6. B. B. B. 6).

3) G. F. v. Kreytzen an den König, 7. Sept. 1705 (ibidem).

Дѣйствительно, имѣются нѣкоторыя указанія на то, что вопросъ формальной отмѣны прусскихъ ландтаговъ ставился въ правящихъ кругахъ уже въ томъ же 1701 году, въ особенности, осенью, когда сословія снова отвѣтили отказомъ на требованіе трехгодичнаго налога. Противники сословій, повидимому, даже намѣчали мѣры, долженныя ослабить возможное сопротивленіе реформѣ. Вернеръ, зимой осенью 1701 года переговорами по поводу triennium'a, предлагалъ Фридриху ¹⁾ заявить напередъ, что ландраты, «по особому королевской милости», сохранять свое денежное содержаніе даже въ случаѣ полного прекращенія ландтаговъ (wenn auch künftighin kein Landtag wäre). Неизвѣстный ландратъ, авторъ рѣчи, произнесенной на одномъ изъ уѣздныхъ сѣздовъ этого времени, очевидно осведомленный относительно видовъ двора и, можетъ быть, инспирированный послѣднимъ, недаромъ предостерегалъ своихъ „собратьевъ“ отъ чрезмѣрной неуступчивости по отношенію къ правительству, которое можетъ привести къ тому, что сословія утратятъ возможность собираться на свои сѣзды (Sie endlich gar Ihrer Zukünfte verlustig gehen könnten)—опасность, отъ которой уже хотѣли ихъ защитить «бумажныя стѣны земскихъ конституцій» ²⁾. Попытка провести triennium усилила и безъ того тревожное настроеніе чиновъ, порождавшееся подобными предостереженіями и слухами о замыслахъ правительства. Мотивомъ этого требованія являлась, какъ всегда, необходимость сократить расходы, связанные съ ежегодными созывами ландтаговъ ³⁾, но за этими соображеніями не скрывался у противниковъ прусской самостоятельности другой мотивъ—подготовить реформу ландтага путемъ постепеннаго свѣдѣнія на нѣтъ всей его дѣятельности. Вернеръ и не скрывалъ этой мысли сообщая въ одномъ изъ своихъ донесеній въ декабрѣ 1701 года, что онъ надѣется добиться ассигнованій по крайней мѣрѣ на два,

¹⁾ Bericht Werners, 11. Okt. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

²⁾ Einem preuss. Landraths... im Jahr 1701 gethane Auredé.—Не лишено, въ связи съ этими ожиданіями, извѣстной выразительности то обстоятельство, что обер-трибуналу 1701 года, обращаясь къ королю, не ставить прямо обычнаго вопроса о созывѣ очереднаго ландтага, а лишь „was Sie desfalls zu der künftigen Landtributution uns allergnädigst zu befehlen werden geruhen wollen“. Relation an die Regierung, 15. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

³⁾ Obristdienenant v. Lüttwitz an den Geh. Kriegsrat, 16. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

если не на три года и ждать от этого мѣропріятія того результата, что сословія утратятъ привычку къ своимъ ежегоднымъ ландтагамъ, а съ теченіемъ времени согласятся вотировать налоги и на болѣе продолжительные періоды ¹⁾. Сословія, однако, выступили противъ *biennium*'а ²⁾ какъ разъ по тѣмъ соображеніямъ, которые побуждали курфюршескаго комиссара добиваться установленія такого порядка обложенія тѣмъ болѣе противились они установленію налоговъ на цѣлое трехлѣтіе, какъ «необычному», могущему имѣть послѣдствіемъ «полное устраненіе вашихъ ландтаговъ» и, такимъ образомъ, лишитъ сословіе, вмѣстѣ съ правомъ соизволенія налоговъ, возможности подносить престолу свои *gravamina* ³⁾. Напрасно сторонники *triennium*'а доказывали, что всѣ такіа опасенія не имѣютъ почвы подъ собою (*blosse Schreck- und Scheinlarven*), порождены «слѣпою ревностью сословій къ интересамъ отечества», и что новый порядокъ не противорѣчитъ «конституціи», а ежегодные ландтаги ничуть не являются неизмѣнной принадлежностью прусскаго строя ⁴⁾: всѣ эти увѣренія не могли разсѣять охватившихъ дворянство опасеній предъ возможной утратой права ландтаговъ и, вмѣстѣ съ нимъ, важнѣйшей опоры ихъ соціальнаго и хозяйственнаго преобладанія въ странѣ. «Дрожащими руками и со смятеннымъ духомъ», по картинному изображенію Кальнейна, вручалъ ландтагъ свои ассигнованія, решаясь продлить ихъ свыше обычнаго срока. «Полагають (чины), что самое вѣрное средство оберечь ихъ права и вольности это—устанавливать всѣ *landa* не болѣе, какъ на годъ, благодаря чему, при ежегодномъ возобновленіи своихъ собраній, сословія имѣютъ каждый разъ новые поводы напоминать о своихъ привилегіяхъ, дабы послѣднія не пришли въ забвеніе» ⁵⁾.

Небольшой по объему документъ, сохранившійся среди актовъ ландтаговъ и связанной съ ними административной переписки начала XVІІІ вѣка, проливаетъ еще болѣе яркій свѣтъ на планы берлинскихъ правящихъ круговъ этого времени; озаглавленъ онъ

¹⁾ Bericht Werners, 13. Dez. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

²⁾ Sämmtlicher Stände Ansuchen, 23. Jan. 1702 (R. 6. B. B. B. 6); in diesem Königreich noch nie fūrgewesene... zweijährige Willigung.

³⁾ Eines pr. Landraths... Anrede.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Kurtzer, doch wohlgemeinter Entwurf ... eines Königl. Dieners.

Vorschlag wegen Abstellung der abusuum der Landtage in Preussen
описится, судя по сдѣланной на немъ помѣтѣ, къ 1703 или
1704 году. Въ концѣ текста значится: королевскому камергеру
Ф.-Шлибену¹⁾. Припиской этой опредѣляется назначеніе
характеръ разсматриваемаго документа: составленный отъ имени
разъ и предназначенный для графа Эрнеста ф.-Шлибена, пред-
ставителя вліятельной и родовитой прусской фамиліи, предан-
ной иенбургскому дому, Vorschlag является инструкціей для
потенія политической миссіи, возложенной на Шлибена, на
которую и раньше возлагались королемъ отвѣтственные порученія,
примѣръ, участіе въ комиссіи для ревизіи управленія прусскихъ
дѣлъ въ 90-хъ годахъ²⁾. На этотъ разъ дѣло, порученное
Шлибену, заключалось въ подготовкѣ общественнаго мнѣнія въ
Пруссіи къ задуманному королемъ уничтоженію сословнаго пред-
ставительства. Въ инструкціи и намѣчались мѣры для проведенія
юридической реформы и предупрежденія ожидавшагося противо-
поставленія этому замыслу (Unser Dessen wegen Aufhebung der Land-
tage); стороны прусскихъ сословій.

Инструкція открывается пространнѣмъ разсужденіемъ о преи-
муществахъ самодержавнаго строя сравнительно съ монархіей со-
стоявшеюся въ которой земскіе чины хотя и подчинены суверенамъ,
но въ «недовѣрія» къ послѣднимъ отняли у нихъ неограниченную
власть. Порядки сословнаго государства изображаются въ самомъ
неблагопріятномъ свѣтѣ: сословные съѣзды являются поприщемъ
неизбѣжныхъ пререканій между властью и подданными, чему спо-
собствуютъ честолюбцы, становящіеся во главѣ партій и прикрываю-
щіеся обманчивымъ наименованіемъ патріотовъ»; смуты и вну-
шнія раздоры приводятъ, наконецъ, къ тому, что утомленный
ergötzen Regiments überdrüssig) народъ добровольно вручаетъ
своимъ государямъ «свободную неограниченную власть», послѣ чего
судяство становится и могущественнѣе, и счастливѣе, чѣмъ при
воображаемой золотой вольности». Примѣромъ могутъ слу-
жить Англія и Швеція, населеніе которыхъ поняло преимущества

¹⁾ «Vorschlag» etc. находится въ Repos. 6. В. В. В. 5; кромѣ Шлибена, онъ
сдѣлывается еще для одного лица, имя котораго написано неразборчиво (Tribu-
lerung).

²⁾ Acta Borussica, I, 73.

абсолютной власти и надѣлило ею своихъ монарховъ, тогда какъ Англія до недавняго времени, а Венгрія и Польша и донынѣ являются собой печальный примѣръ смуты и бѣдствій, къ какому приводитъ народовластіе. Изобразивъ затѣмъ «блаженное состояніе» Пруссіи въ теченіе истекшаго полустолѣтія со времени отторженія отъ Польши и установленія суверенитета Гогенцоллерновъ, инструкция подходит къ основному своему тезису: такъ какъ прусскій народъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ обязанъ исключительно «непреставленному попеченію» курфюрстовъ — сословныя *consilia* не принесли ему никакой малѣйшей пользы! — долгъ благодарности по отношенію къ монархамъ обязываетъ Пруссію «безъ колебанія» вручить послѣднимъ свою судьбу въ довѣренность ихъ попечительному руководству и просить, по собственному почину, объ упраздненіи „бывшихъ до сего времени такъ называемыхъ ландтаговъ“; Пруссія пріобрѣтетъ себѣ великую славу предъ цѣлымъ міромъ, принявъ добровольно (*ungezwungen*), среди полного мира и благополучія такое рѣшеніе, къ которому ея сѣверныя сосѣди пришли лишь подъ угрозой разоренія и войны.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ инструкция присоединяла указанія болѣе практическаго свойства и конкретнаго характера. Предполагаемая отмѣна ландтаговъ ставила на очередь вопросъ о способѣ представленія сословныхъ петицій и жалобъ. Въ инструкціи давалось обѣщаніе со стороны правительства обращаться непосредственно къ населенію отдѣльных уѣздовъ (*von Ampt zu Ampt*), собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ и удовлетворять ихъ съ большей полнотой, чѣмъ того достигали ландтаги своими выпадами по адресу верховной власти. Инструкция совѣтовала Шлибену вести дѣло съ большою осмотрительностью и осторожностью, въ виду возможности противодѣйствія со стороны отдѣльных лицъ, «страшащихся самаго слова-перемѣна». Въ случаѣ предъявленія требованія о созывѣ ландтага для разрѣшенія этого вопроса, Шлибенъ долженъ былъ такое требованіе отклонить: правительство, видимо, не надѣялось привести разнородные элементы ландтага къ единогласному рѣшенію — *den Körp unter einen Hut zu bringen*. Инструкция намѣчала другой путь-воздѣйствія на отдѣльныя мѣстныя группы, орудіемъ котораго должны были явиться уѣздные начальники, обычные проводники правительственныхъ видовъ на мѣстахъ. Шлибену поручалось довести до

о рѣшеніи короля впредь не созывать ландтаговъ, ведуще уменьшенію его власти и обременительныхъ для населенія: одной стороны, ландтаги бесполезны (ohne Noth und Nutzen), ни поръ какъ наличность регулярнаго войска привела, по необходимости, къ установленію и постояннаго обложенія, съ другой — никакая власть все равно не можетъ допустить «предписывать» то бы то ни было, не отказываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять на себя смотрѣніе земскихъ ходатайствъ. На уѣздную администрацію возлагалась обязанность внушать королевскій взглядъ на ландтаги и населенію, «располагать» уѣздные съѣзды «путемъ надлежащихъ увѣщаній къ добровольному отказу отъ ландтаговъ»; отношенію каждого такого постановленія мѣстныхъ собраній составленъ приговоръ, снабженный подписями всѣхъ участниковъ. Съ одной стороны, Шлибенъ долженъ былъ пустить въ ходъ свое вліяніе связи среди прусской аристократіи, не скупиться на обѣщанія милостей и благорасположенія къ тѣмъ лицамъ, кои проявлять усердіе въ этомъ благомъ дѣлѣ (heilsames Werk). С другой стороны, милости должны были коснуться и остальнаго населенія. Предлагалось уѣзднымъ начальникамъ собирать жалобы мѣстныхъ жителей и сообщать ихъ правительству, снабдивъ своими замѣчаніями относительно способовъ ихъ удовлетворенія: населеніе должно было, напр. обр. убѣдиться, что его нужды встрѣтять и безъ ландтага и безъ королевскаго милостиваго отношенія со стороны верховной власти¹⁾; поземельный налогъ въ предстоящемъ году предлагалось установить по соглашенію съ землевладѣльцами и городами въ опредѣленномъ мѣрѣ отвѣчающемъ хозяйственному положенію отдѣльных мѣстностей, и въ наиболѣе удобной для нихъ формѣ (modus); разслѣдованію нечестныхъ показаній плательщиками облагаемыхъ имуществъ препятствовало; «малые города» получали обратно въ распоряженіе своихъ магистратовъ перебранныя съ нихъ суммы контрибуцій, обременительная опека и «новшества» военно-полицейской администрации (на что города жаловались еще въ 1689 году) должны были отменены; дворянство получало льготы по части ленныхъ повинностей, права охоты и т. п. Всѣ эти преимущества и выгоды

... dass Wir die Beschwerde derselben viel eher und geschwinder ohne Aufwands auf dem Landtag, heben und remediren können.

въ сферѣ экономической имѣли цѣлью примирить сословія съ окончательной утратой ихъ правительственного значенія, «нѣкоторыхъ прежнихъ обычаевъ и правъ», по выраженію инструкции ¹⁾.

Такова была въ основныхъ чертахъ сущность миссіи, возложенной на графа ф.-Шлибена въ концѣ 1703 или не позже половины 1704 года. Къ этому времени въ берлинскихъ правящихъ кругахъ, какъ видимъ, окончательно созрѣла мысль о необходимости покончить съ ландтагомъ и опирающимся на это учрежденіе сословными политическими правами. Со стороны чиновъ не ожидалось сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія: въ концѣ концовъ, оппозиція дворянской куріи была въ глазахъ Фридриха I и его вѣтниковъ дѣломъ немногихъ «мальконтентовъ» или политическихъ новичковъ, строптивость которыхъ питается агитаціей «злонамѣренныхъ людей» ²⁾, тогда какъ представители мѣстной власти, члены вліятельной крупнопомѣстной знати, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣлъ успѣхъ дѣла, были на сторонѣ правительства и большей части уѣздовъ ³⁾, и ихъ примѣръ не замедлил бы вызвать „похвальное соревнованіе“ всѣхъ остальныхъ. Въ Берлинѣ всѣмъ предпочитали дѣйствовать въ этомъ вопросѣ съ извѣстной осторожностью, не придавать задуманному дѣлу характера насилія, возмущающаго вѣковыми традиціями порядкомъ. Реформа прусскихъ учреждений должна была осуществляться при помощи своего рода плебисцита на мѣстахъ, явиться «въ глазахъ всего міра» не переворотомъ сверху, какихъ немало было въ сословно-монархической Европѣ XVII вѣка, а добровольнымъ расторгненіемъ со стороны подданныхъ узъ древняго «договора», ограничивавшаго полновластіе новой монархіи. Поборникамъ королевскаго абсолютизма въ Пруссіи

¹⁾ Въ случаѣ необходимости повышенія суммы прусскихъ сборовъ изъ-за сигнаванія чрезвычайныхъ кредитовъ инструкция допускала возможность конвокаціи, однако, не болѣе, чѣмъ изъ 10—12 депутатовъ (по 3—4 отъ каждаго изъ прусскихъ «округовъ»), избираемыхъ пожизненно и, стало-быть, совершенно независимыхъ отъ населенія; при неслѣдственности и малочисленности учрежденія открывалось, понятно, широкій просторъ для всевозможныхъ стороннихъ вліяній.

²⁾ «Pro memoria» ф.-Крепцена. — Relation v. Fuchs, 14. Juni 1692 (R. 6. 3. B. B. 3).

³⁾ Vorschlag etc. перечисляетъ эти уѣзды (Rhein, Johannisburg, Taplaken, Ortelsburg и др.), а также вліятельныя прусскія фамиліи, на которыя слѣдуетъ опираться при проведеніи реформы: v. Tettau, v. Wallenrodt, v. Schlieben, v. Kreutzow, v. der Gröben и друг.

предложенной имъ недостаточной суммѣ сборовъ, разрѣшенію на 2 года (вмѣсто *triennium'a*, котораго требовало правительство) и проявило такую неуступчивость, что оберраты поднимали вопросъ о роспускѣ ландтага или примѣненіи королевской *Instanz*, ожидая, впрочемъ, желательнаго «эфекта» отъ послѣдней мѣры. До половины 1705 года никто въ Кенигсбергѣ, повидямому, не былъ посвященъ въ берлинскія рѣшенія или не ожидалъ, чтобы слухи о томъ могли превратиться въ дѣйствительность. Въ концѣ августа (24 августа) оберраты, по обыкновенію, заблаговременно обратились въ Берлинъ съ представленіемъ о необходимости собрать въ ноябрѣ «конвокацію» для разрѣшенія новыхъ налоговъ ²⁾, но уже задолго до отсылки этого донесенія былъ подписанъ рескриптъ (9 августа) и довѣренному агенту берлинскаго двора гофрату *Jetzke*, находившемуся въ Кенигсбергѣ, поручено было „въ великой тайности“ ознакомить съ его содержаніемъ двухъ членовъ прусскаго провинціального правленія, канцлера Георга-Фридриха ф.-Крейцена и обербургграфа ф.-Раушке, и предложить имъ сообщить свои сужденія относительно королевскихъ намѣреній и способовъ ихъ выполненія. Не безъ смущенія узнали оберраты, что «Е. К. В. какъ на сей разъ, такъ и на будущее время въ собраніяхъ земскихъ чиновъ надобности не видить», за благо почитая ихъ волею отмѣнить, а земскія повинности взыскивать по старому, въ разбирѣ установленномъ въ послѣдній разъ, не испрашивая соизволенія отъ словій. Обербургграфъ въ своемъ донесеніи ³⁾ свидѣтельствовалъ свою неизмѣнную покорность монаршей волѣ, но подъ его записками въ преданности сквозило горестное изумленіе по поводу полученныхъ извѣстій и трудно было прочесть готовность служить королевскому «дѣлу». Въ Берлинѣ предпочитали, поэтому, въ дальнѣйшемъ имѣть дѣло съ однимъ ф.-Крейценомъ и на него всецѣло возложить подготовку общественнаго мнѣнія къ имѣющимъ произойти перемѣнамъ. Канцлеръ обнаружилъ, въ противоположность ф.-Раушке, большой запасъ дипломатической изворотливости и

1) Relation der pr. Regierung, 28. Jan. 1704. (R. 6. B. V. B. 6, гдѣ и осталая переписка 1705—6 г.). Относительно *Instanz* см. *Bergmann*, 83.

2) Relat. der pr. Regierung, 24. Aug. 1705.

3) Rauschke an der König, 7. Sept. 1705.

иной гибкости: онъ умѣлъ, какъ нельзя лучше, попасть въ тонъ политическихъ настроеній, когда писалъ ¹⁾, что сохраненіе или отмена ландтаговъ зависитъ всецѣло отъ воли короля, и что сословія само себѣ не имѣютъ *jus congregandi*,—попытка ихъ собраться безъ королевскаго соизволенія была бы наказуемымъ дѣяніемъ—однако и не составляютъ независимаго отъ верховной власти политико-правового союза (*Corpus*). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Крейценъ извѣщалъ увѣренность, что король, освободившись отъ сословнаго контроля, не возложитъ на страну чрезмѣрнаго (*über sein Maass*) податнаго бремени, и что жалобы прусскихъ подданныхъ будутъ «отечески выслушиваемы, несмотря на пріостановку делъ». Послѣднія слова были явнымъ отголоскомъ тревоги, уже возбуждала въ чинахъ перспектива утратить, заодно съ другими, и право самообложенія и не менѣе цѣнное право петицій. Увѣренность относительно поведенія чиновъ побуждала правительство еще въ теченіе нѣкотораго времени хранить въ тайнѣ намѣренія. Въ Берлинѣ опасались неблагоприятнаго впечатлѣнія (*unleichte Impressionen*), какое можетъ произвести внезапное распоряженіе среди дворянства, и канцлеру подавали совѣтъ прилагать свои усилія въ эту сторону ²⁾. Крейценъ спрашивалъ 1-го октября, не слѣдуетъ ли сообщить о намѣреніи Его Величества представителямъ дворянства и городовъ, которые уже надаютъ справки о ландтагѣ, или оставить все *in dubio*, общая команда «подготовить» тѣхъ и другихъ «соотвѣтственно высочайшему намѣренію и интересу Его Величества» ³⁾. Разрѣшеніе было дано въ концѣ того же мѣсяца: Крейцену поручалось разъяснить сословнымъ представителямъ мотивы, побуждающіе короля къ подобнымъ образованіямъ,—на первомъ мѣстѣ стояли обычные упреки въ злоупотребленіяхъ (*weitläufige Deliberationes*) и злоупотребленіи властью ландтага—и въ то же время завѣрить ихъ, что всѣ права собственности земли останутся неприкосновенными и обложеніе не выйдетъ изъ обычной нормы ⁴⁾. Крейценъ не замедлилъ обо всемъ

¹⁾ Kreytzen an den König, 7. Sept. 1705.

²⁾ An den Kantzler v. Kreytzen nach Preussen, 25. Sept. 1705: ihre Mitbrüder und dem Adel animiren.

³⁾ Kreytzen an den König, 9. Okt. 1705.

⁴⁾ An den Kantzler v. Kreytzen, 20. Okt. 1705.

этомъ довести до свѣдѣнія прочихъ оберратовъ, еще не посланныхъ въ дѣло, и другихъ обращающихся къ нему лицъ изъ имперской среды. Въ новомъ донесеніи онъ предлагалъ поставить въ просъ на официальную потву, а именно — извѣстить «правленіе» рескриптомъ о приостановкѣ сословныхъ собраний и повелѣть имъ разослать соответствующія сообщенія по уѣздамъ, гдѣ Напріе должны были ознакомить съ ними мѣстныя общества земледѣльцевъ и дать имъ, такимъ образомъ, возможность приготовить къ внесенію причитающихся на слѣдующій годъ повинностей¹⁾. Королевскіе указы, изданные 28 ноября на имя оберратовъ комиссаріата, полагали конецъ господствовавшей до тѣхъ поръ неопредѣленности: «правленіе» должно было понять, что король повелѣлъ бы созвать чины своевременно, еслибы не считалъ ихъ извѣщанія излишними (unnötig); размѣръ прямыхъ налоговъ оставался безъ измѣненія на слѣдующій годъ, хотя тревожныя военныя обстоятельства могли бы оправдать даже значительное повышеніе сборовъ; военная палата должна была принять надлежащіе мѣры по взысканію установленной суммы, не останавливаясь, еслибы встрѣтилась необходимость, предъ рѣшительными мѣрами понужденія (unaussetzliche militärische Execution) по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ²⁾. Считались, такимъ образомъ, возможными попытки сопротивленія неразрѣшеннымъ на ландтагъ сборамъ! Крейценъ даже находилъ необходимымъ извѣщать о томъ приѣмѣ, какимъ будутъ встрѣчены эти требованія въ теченіе ближайшаго мѣсяца, и усердно работалъ надъ ихъ проведеніемъ, полагая при этомъ, что лишь крайне «осторожный и скрытный образъ дѣйствій» можетъ привести къ желательному результату³⁾. Нужно ли говорить, что для подобныхъ опасеній сословные чины начала XVIII вѣка не давали почти никакого повода? Новые порядки финансоваго законодательства и управленія входили въ жизнь, не встрѣчая сопротивленія съ чьей либо стороны, ohne eines gehaltenen Landtages und keine Menschen Contradiction, какъ торжествующе сообщалъ Крейценъ

¹⁾ Kreytzen an den König, 10. Nov. 1705.

²⁾ Reskript an die pr. Regierung, 28. Nov. 1705. — Reskript an die pr. Kriegskammer, 28. Nov. 1705.

³⁾ Kreytzen an den König, 14. Dez. 1705.

В 1706 года: дѣло подвигалось впередъ настолько успѣшно, что финансовое поступленіе доходовъ въ первую половину года считалось обезпеченнымъ; даже города не протестовали противъ повышения ихъ податного оклада. Осенью канцлеръ высказывалъ рѣшенность въ полномъ успѣхѣ монархической реформы¹⁾.

Начало ли это, что прусское дворянство такъ легко и безропотно смирилось съ утратой своихъ политическихъ правъ, «драгоцѣннаго своего сокровища». Въ послѣднемъ донесеніи Крейценъ, кромѣ прочаго, отмѣчалъ, что въ мѣстныхъ кругахъ слышались требованія по адресу оберратовъ, чтобы они ходатайствовали о разрѣшеніи ландтагъ еще до истеченія этого года²⁾. Видимо, при этомъ настояніямъ, провинціальное правленіе въ октябрѣ обратилось къ королю съ донесеніемъ, въ которомъ указывало на «политическое послушаніе», съ какимъ были встрѣчены сословіями прусскіе указы, и просило монаршихъ указаній относительно этого года, избѣгая, однако, прямого упоминанія о ландтагѣ³⁾.

Нѣтъ эти прусскія чаянія, надежды на возстановленіе ландтага, исполнились, по всей вѣроятности, толчкомъ къ учрежденію (въ октябрѣ 1706 года) чрезвычайной комиссіи подъ предѣлствомъ графа Ф.-Вартенберга, которая и должна была рѣшить, какъ указать, оформить уже предрѣшенную судьбу ландтага.

Дѣе раньше, въ іюнѣ 1706 года, ортельбургскій гауптманъ Гансъ I. А. Кальнейнъ подалъ оберкаммергеру извѣстную намъ записку⁴⁾, содержаніе которой проливаетъ свѣтъ на

¹⁾ Freyzen an den König, 5. Febr. 1706. — Idem an den König, 24. Sept. 1706. B. 18. B. 6.).

²⁾ Freyzen an den König, 24. Sept. 1706: wenn ich nicht zu besorgen hätte, so müßte aus sehr dörle gedungen werden eine Anfrage wegen des Landtages, umd um solch einen auf dieses Jahr in Unterthänigkeit instanter anzuhalten.

³⁾ Relation der preuss. Regierung, Okt. 1706: damit wir nun mit E. K. M. um das Erlaubniß wissen mögen, welcher Gestalt Sie es aufs bevorstehende ergehen haben wollen, werden E. K. M. allergnädigsten Befehl in Alleruntergeordnetem erwarten.

⁴⁾ Еще въ августѣ 1705 года Кальнейнъ обращался къ Ф.-Вартенбергу чрезъ посредство приближенныхъ послѣдняго съ предложеніемъ своихъ литературныхъ трудовъ (Hnein an den Hofrat Grabe, 4. Aug. 1705) и получилъ приказаніе etwas zurück bringen. Интересно для характеристики дворянско-служилой среды начала XVIII в. то, что авторъ сообщаетъ въ предисловіи объ обвиненіи его въ некомпетентности съ стороны соперниковъ (ob wäre ich nehmlich zumahlen auf den Hnzen dem Königl. Interesse entgegen und unziemlicher massen zuwider) съ той стороны, чтобы отъснять его «bey vorgefallenen Vacantien».

настроение прусских сословий в это переходное время. Реформа вызвала сильное возбуждение в земских кругах и, вместе с тем, породила полную неопределенность относительно дальнейшей судьбы сословных учреждений: по смыслу указовъ 28 ноября можно было при желании, заключить, что приостановка созыва ландтаговъ основана на 1705 года была временной только мѣрой, вызванной особыми внешними обстоятельствами ¹⁾, и къ такому толкованію охотно склонилась большая часть дворянства, — въ томъ числѣ и самъ Кальнейнъ, — все еще надѣявшаяся, что ландтаги, послѣдній оплотъ его сословныхъ преимуществъ ²⁾, не будутъ окончательно упразднены (*ganzlich abrogiret*). Съ негодованіемъ встрѣчало оно въ своей среде такихъ измѣнниковъ сословному интересу, приверженцевъ абсолютизма, которые сочувствовали полной «кассации» ландтаговъ ³⁾. Нетрудно, разумѣется, — писалъ Кальнейнъ — осуществить подобную реформу, ибо право созыва чиновъ — въ рукахъ монарха и всякія совѣщанія внѣ ландтага считаются, по закону, недозволенными сборищами (*pro conventiculis*), но отъ такого рѣшенія произошелъ бы только «непоправимый вредъ для Его Королевскаго Величества и Его прусскаго королевства». Дальнѣйшее въ разсматриваемой запискѣ является своего рода апологіей сословной политической системы, точнѣе — ея государственно-хозяйственныхъ установлений, причемъ мѣстами угадывается скрытая полемика по адресу поборниковъ монархіи, оправдывавшихъ преобразованія ссылками на «неограниченный суверенитетъ» ⁴⁾. Постановленія ландтаговъ относительно новыхъ податей обладали въ глазахъ населенія такимъ авторитетомъ и принудительной силой, что вся финансовая дѣятельность, раскладка сборовъ и поступленіе доходовъ, получали изъ

¹⁾ Въ указъ на имя оберратовъ, именно, говорилось о военныхъ опасностяхъ въ Германіи и сосѣдней Польшѣ (*Reskript an die pr. Regierung, 28. Nov. 1705*).

²⁾ Kurtzer, doch wohlgemeinter Entwurf: ...eintzig und allein aus einer gefassten Beisorge aller ihrer wohlerlangten Privilegien und Berechtigungen gänzlich verlustig zu gehen, wann die Landtage weiter ausgesetzt und die Willkür auf etliche Jahre eingegangen werden sollten.

³⁾ Andere halten, ich weiss nicht aus was für übereilten Absehen, dass man die bisher üblich gewesene Landtage und Deliberationes mit den Steuern ganz und gar aufheben und cassiren sollte.

⁴⁾ ...Massen S. K. M. obzwar von unbeschränkter Souverainität, dennoch dabei auch nimmermehr sattam zu rühmender Gottesfurcht sind etc.

устойчивости и определенности, который неминуемо исчезнет при новомъ порядкѣ; управлять страной и добывать необходимыя средства станутъ несравненно труднѣе прежняго, возрастутъ смуты (confusiones), жалобы, недовольство. При сборѣ «конри», и безъ того не пользующейся популярностью, а нынѣ, лишенной санкціи законодательнаго учрежденія, встрѣчатся значительныя затрудненія, а разныя мѣры государственнаго хозяйства, постой, реквизиція сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и прочее движимаго имущества, только разорять плательщиковъ и не смогутъ привести къ желательнымъ результатамъ. Въ концѣ концовъ, корона (Crown und Scepter) скорѣе потеряетъ въ смыслѣ авторитета и вліянія въ странѣ, нежели выиграетъ отъ реформы. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія является, по мнѣнію Кальнейна, восстановленіе прежней «гармоніи» между государственной властью и чинами, для чего необходимо возвращеніе къ старымъ порядкамъ самообложенія и созывъ ландтага. Авторъ утверждаетъ, что сословія пойдутъ теперь на всяческія уступки, и не станутъ вотивать подати на продолжительные сроки—до шести-восьми лѣтъ включительно—безъ затрудненій и обычныхъ проволочекъ (und in gar wenig Tagen), не обременяя страну расходами на поддержаніе сословныхъ депутатовъ, лишь бы они увѣрились въ доброту правительства выслушивать и разсматривать по существу всѣ представленныя петиціи. Обсужденіе этихъ ходатайствъ могло бы быть поручено на смѣшанную комиссію изъ королевскихъ уполномоченныхъ и нѣсколькихъ членовъ ландтага, старое требованіе, столько разъ предъявлявшееся—и въ 1689, и въ 1699 годахъ! Новымъ мотивомъ это заявленіе, что въ основу отношеній монархіи и земства слѣдуетъ положить Regierungs-Instrument 60-хъ годовъ послѣ необходимаго въ немъ поправокъ и дополненій. Когда то отвергавшіяся какъ недопустимое покушеніе на ихъ полуреспубликанскую конституціонную акцію Великаго курфюрста теперь составляли бы не предѣлъ сословныхъ политическихъ стремленій.

Заявленія, которыя здѣсь сдѣланы Кальнейномъ, не были его личнымъ мнѣніемъ: записка несомнѣнно отражаетъ взгляды умѣренной и лояльной части прусскаго дворянства, считавшей необходимою—при всей ея готовности мириться съ новой властью—

сохраненіе, по крайней мѣрѣ, основныхъ гарантій своихъ «нестей»; самое появленіе записки можно разсматривать какъ попытку противодѣйствовать вліянію поборниковъ абсолютизма, которые не останавливались предъ обвиненіемъ «умѣренныхъ» въ предѣлы, въ принципиальной враждебности къ монархіи (unübertreffliche Hartnäckigkeit und renitence). Устами Кальнейна говорила та часть «первенствующаго сословія», которая, уставъ отъ долгой и упорной борьбы съ монархіей, всему предпочитала установленныя прочныхъ и опредѣленныхъ правоотношеній (gewisse positive Verhältnisse), какъ бы новаго договора съ монархіей, который положилъ бы извѣстныя границы ея всеподчиняющему и требовательному вторженію въ сложившійся вѣками бытъ сословнаго общества.

Рѣшенія правительственной комиссіи, созванной, какъ было упомянуто, въ ноябрѣ 1706 года, полагали конецъ всѣмъ этимъ политическимъ иллюзіямъ. Комиссіи этой, составленной изъ заветныхъ противниковъ прусской самостоятельности¹⁾, потребовалось, кажется, не больше одного засѣданія чтобы отвѣтить на вопросъ поставленный на ея разрѣшеніе: «не надлежало ли бы почестъ и благо, при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ и по причинѣ возведенія герцога Прусскаго на степень королевства, Его Величеству въпрямую никакихъ ландтаговъ не держать, но, какъ до сего дня, прежде бышшія подати взыскивать ежегодно и далѣе такъ поступать?» Для всѣхъ участниковъ комиссіи было безспорно, что ландтаги служили лишь къ появленію «безпричинныхъ и дерзостныхъ жалобъ», лучшее доказательство граваміна 1699 года: безъ преній и единогласно было принято постановленіе объ упраздненіи на будущія времена этого учрежденія, стѣснявшаго неограниченную власть.

Вполнѣ послѣдователенъ былъ гофратъ Jetzke, предложившій издать «въ такомъ случаѣ» изъ обращенія «такъ называемую книгу привилегій» прусскихъ чиновъ, извѣстный сборникъ жалованныхъ

¹⁾ Участвовали въ ней: Вартенбергъ, Данкельманъ (Даниэль Людольфъ) Пильгенъ и гофратъ Jetzke, сыгравшій извѣстную роль въ дѣлѣ отмены ландтаговъ въ концѣ 1705 г. Protokoll der Kommission wegen der preussischen Landtage, S. 30. 1706. (R. 6. B. B. B. 6).

²⁾ Protokoll der Kommission: wird unanimität dafür gehalten, dass S. K. M. keine Landtage mehr zu convociren, welches S. K. M. wegen des impertinenten Memorialis von 1699 zu thun befueget.

и рецессовъ, напечатанный еще въ началѣ XVII вѣка и бывший горделивымъ девизомъ, въ которомъ отразилось столь въ ту пору политическое самосознаніе сословій¹⁾. Предложеніе было принято и, кажется, не обсуждалось: новая сила, новая бюрократія, не считала полезнымъ раздражать побужден- ныхъ противниковъ, чины, для которыхъ старинная книга была «думомъ» ихъ исконныхъ вольностей.

Въ пассивности, съ какой встрѣтили они теперь формальную «своей» областной «конституцію», лучше всего сказался тотъ же сословный духъ и энергія, о которомъ свидѣлствуетъ представитель этой эпохи²⁾. Уѣздные сѣзды, оставшіеся теперь единственной формой дворянскаго представительства въ Пруссіи, были совершенно безучастны къ совершившейся перемѣнѣ. Въ 1706 года оберраты могли сообщить, что ихъ распоря- жено сборъ налога на 1707 годъ вездѣ на мѣстахъ оказано извѣщеніе, и что его необходимость «понимается» всѣми³⁾. Пренебреженіе сословій все болѣе и болѣе отходитъ въ это время отъ главныхъ вопросовъ государственнаго значенія и сосредото- чивается дѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія дворян- скихъ корпорацій, приуроченнаго къ такъ называемымъ «округамъ»⁴⁾. Чины какъ единое цѣлое (Corpus) прекращаютъ свое су- ществованіе, вмѣстѣ съ общесословнымъ представительствомъ.

Въ дни крушенія сословныхъ институтовъ не могъ остаться неизмѣненнымъ послѣдній органъ провинціальной автономіи — сеймъ прусскихъ оберратовъ. Въ томъ же 1706 году она была упразднена по предложенію Ильгена, своего обособленнаго и полуне- зависимаго положенія; оберраты пріобрѣли «характеръ» королев- скихъ тайныхъ совѣтниковъ, были уравнены (parificiret) съ другими чинами какъ въ отношеніи содержанія присяги, которую обя- заны приносить при назначеніи на свои должности, такъ и въ отношеніи достоинства, причемъ старинный титулъ «оберратовъ», которымъ слышались отголоски правительственнаго верховенства

¹⁾ Privilegia der Stände des Herzogthums Preussen (Brunsbergae, anno 1616).
²⁾ «...homini praesertim Nobili ignorare jus in quo ipse natus sit».

³⁾ Bergmann, 113.

⁴⁾ Relation der pr. Regierung, Dez. 1706 (R. 6. B. B. B. 6). Bergmann, 52.

сословій, объявлялся упраздненнымъ ¹⁾, а вскорѣ послѣ этого, при жизни Фридриха I былъ сдѣланъ и послѣдній шагъ—послѣ вало полное ихъ сліяніе (völlige Combination und Gleichheit) членами берлинскаго Тайнаго совѣта ²⁾: сословный административный органъ раздѣлилъ судьбу сословнаго законодательнаго учрежденія.

Нѣтъ, думается, необходимости опредѣлять во всѣхъ подробностяхъ значеніе разсмотрѣннаго нами эпизода изъ исторіи взаимныхъ отношеній монархіи и земства въ Пруссіи на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ. Въ исторіи гогенцоллернскаго «сложно-составнаго государства» какъ любятъ его называть нѣмецкіе государственовѣды и историки, мѣрпріятія Фридриха I были послѣдовательнымъ и исторически необходимымъ шагомъ въ движеніи этого государства отъ личной уніи реальной, начавшемся при Великомъ курфюрствѣ и закончившемся лишь въ XVIII вѣкѣ, однимъ изъ послѣднихъ ударовъ, нанесенныхъ остаткамъ областной самостоятельности и идеѣ договорныхъ отношеній между «землей» и «властью». Въ частности, для самой Пруссіи (герцогства) акты 1705—1706 г.г. имѣли то значеніе, что создали здѣсь обстановку, въ которой только и возможно было преемнику перваго короля сладить съ «юнкерской спесью», превратить несговорчивыхъ вассаловъ въ покорный служило-бюрократическій классъ и, такимъ образомъ,—говоря словами самого Фридриха Вильгельма,—«воздвигнуть суверенитетъ, какъ бронзовую глыбу, среди обломковъ сословной государственности».

Н. Гольдина.

¹⁾ Acta Borussica, I, 30—31: Erlass an die preussische Regierung, 17. Mai 1706.

²⁾ Acta Borussica, I, 213: Erlass an die preussische Regierung, 2. Juni 1711.

Міросозерцаніе гр. А. К. Толстого.

Къ характеристикѣ общественныхъ типовъ 70-хъ годовъ.

Произведенія гр. А. К. Толстого до сихъ поръ встрѣчаютъ въ нашей литературѣ крайне разнообразную оцѣнку. При характеристическомъ творчествѣ и общественныхъ взглядахъ мнѣнія расходятся и истинности. Одни считаютъ его славянофиломъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, другіе—западникомъ, третьи—ретроградомъ, четвертые—просто «чужимъ», хотя послѣдняя оцѣнка—оцѣнка настоящаго времени: въ оцѣнѣ Толстого въ общественныхъ вопросахъ его не считали безразличнымъ. Литературный обликъ Толстого до сихъ поръ не выясненъ окончательно. По его произведеніямъ никто не рѣшился помѣстить его въ одну какую либо группу изъ существовавшихъ у насъ литературныхъ школъ. Этому виною самъ поэтъ. Кругъ интересовъ творчества былъ чрезвычайно великъ. Это былъ и лирикъ, и прозаикъ, и драматургъ, и сатирикъ; въ каждой изъ этихъ областей литературы Толстой оставилъ слѣды. Можно говорить о немъ, какъ о лирикѣ, драматургѣ и т. д., но, когда мы пытаемся дать общую характеристику поэтической фizioноміи Толстого, мы, конечно, наталкиваемся на непреодолимые противорѣчія во взглядахъ творцомъ которыхъ былъ поэтъ, обычно самъ разрушающій свои произведенія и письмами ходячія характеристики о немъ. Главная оцѣнка поэта мѣшалась и время, въ которое онъ жилъ, мѣшалась оно его творчеству. Шестидесятые годы не были благодатны для жрецовъ чистаго искусства, какимъ выдавалъ себя Толстой, который при этомъ не удерживался отъ ѣдкихъ, далеко идущихъ, выступленій противъ того или другого лагеря. И эту сторону шикали слѣва тогда, когда справа аплодировали. И это не одинъ разъ; не двѣ полозины жизни поэта были связаны одна другою съ тѣмъ или другимъ направлениемъ, эти полосы

перемежались постоянно. Толстой одновременно сотрудничать и в «Современникѣ» и въ «Бесѣдѣ», въ «Вѣстникѣ Европы» Станислава Левица и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова. Въ каждой изъ редакцій его не чуждались; если произведение не подходило по направлению къ одному журналу и тамъ ему отказывали, Толстой несъ его въ журналъ противоположнаго лагеря, гдѣ оно печаталось съ удовольствіемъ. Подобная неустойчивость мнѣній рѣзко клеймилась критиками съ той и другой стороны, но послѣдующіе историки литературы не обратили достаточнаго вниманія на то обстоятельство, что Толстой, перебѣгая, оставался все же близкимъ человѣкомъ тѣмъ и другимъ. Какъ ни былъ графъ лично обаятеленъ и чист, такая частая измѣна убѣжденіямъ должна была бы вызвать о немъ болѣе опредѣленное сужденіе, основанное на принципіальныхъ, а не на личныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе въ то время, когда общественныя традиціи охранялись журналами особенно ревниво. Стало быть, было нѣчто въ произведеніяхъ Толстого, что примиряло партіи и, главное, что было способно примирить. Въ одномъ стихотвореніи — «дробится и плещетъ и брызжетъ волна» поэтъ, говоря о своей душѣ, заявляетъ, что «сродни ей шумящее море», а въ другомъ стихотвореніи — «не пѣвится море, не плещетъ волна» — «сродни ей спокойное море». Очевидно, здѣсь любовь ко всякому морю, чисто эстетическое явленіе, а не выраженіе индивидуальныхъ склонностей. Несомнѣнно, что и критика Толстого должна быть вѣспартійная и среди русскихъ писателей, давшихъ наиболѣе чуткую и правильную оцѣнку Толстому, былъ Вл. Соловьевъ, который, самъ будучи цѣльнымъ, вѣрнымъ самому себѣ, оставался и въ томъ и въ другомъ лагерѣ.

Въ позапрошломъ году появился большой трудъ профессора Лилльскаго университета А. Лиронделя, посвященный жизни и произведеніямъ Толстого¹⁾ Это очень обстоятельная и прекрасно написанная монографія. Французскій ученый, видимо, очень любитъ русскую литературу; громадная библіографія (24 страницы), приложенная въ концѣ книги, говоритъ объ очень внимательномъ изученіи не только произведеній Толстого, но русской жизни и литературы XIX в. вообще. Лирондель излагаетъ біографію и развитіе

¹⁾ A. Lirondelle. Le poète Alexis Tolstol. L'homme et l'oeuvre. 1912.

ства Толстого умно и толково, въ связи другъ съ другомъ, такъ и то и другое у Толстого, дѣйствительно, тѣсно связано съ собою. Хорошее знаніе русскаго языка даетъ возможность русскому ученому говорить, въ отдѣльной главѣ, даже о тонко-толстовской версификаціи. Но самое цѣнное въ трудѣ Лирондель—это спокойное, объективное отношеніе къ поэту и его современамъ. Въ сужденіяхъ историка-иностранца мы слышимъ глубокое пониманіе толстовскаго творчества. На первый взглядъ это не показаться страннымъ—вѣдь Толстой рисуется намъ такимъ «аномальнымъ» поэтомъ, у котораго непереводимыя на иностранный языкъ словечки и выраженія, вродѣ «ой, ладушко, ладо» встречаются чуть не на каждой страницѣ. Но это насъ не должно смущать. Уже въ свое время критика отмѣчала «чужеродное» въ творествѣ Толстого, при всемъ его націонализмѣ, но Лирондель въ тщательнаго анализа показалъ, что, при всѣхъ своихъ спе-цифически русскихъ аксессуарахъ, Толстой остается европейцемъ, чуждымъ искусства, свойственнаго всѣмъ народамъ, и тотъ же анализъ очень удачно, реабилитируетъ Толстого отъ обвиненія въ политизмѣ, подчеркивая русскую душу поэта.

Правильно и глубоко раскрывая философію и эстетику Толстого, авторъ говоритъ: «Толстой написалъ нѣсколько пьесъ, которые могутъ подтвердить взглядъ «искусство для искусства», но онѣ не имѣли успѣха. Въ этомъ противорѣчіи онъ никогда не отдавалъ отчетъ. По совѣсти, онъ считалъ себя единственнымъ, кто бороздѣ, «оставленной всѣми». Безъ сомнѣнія, убѣжденный отождествленіи истины, красоты и добра съ абсолютномъ и въ отношеніи къ искусству и нравственному закону онъ имѣлъ свои понятія, онъ полагалъ, что, сражаясь за свои дорогія идеи, не выходилъ изъ области абсолютнаго и оправдалъ свой девизъ: *veritas, pereat mundus*»¹⁾. Этимъ принципамъ чистаго искусства, жившимъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ прекрасной статьѣ Владиміра Соловьева, Толстой былъ вѣренъ всю жизнь—они-то и составляютъ краеугольный камень всего поэтическаго зданія, созданнаго имъ. Имъ объясняются не только его лирика, но и всѣ его общечеловѣческія тенденціи въ стихахъ, его историческія стихотворенія; только

въ сферѣ подобной критики онѣ могутъ занять то положеніе въ литературѣ, которое заслуживаютъ и только тогда читатели перестанутъ принимать псевдоисторическую реторику толстовскихъ хотвореній за историческія изображенія.

I.

Гр. А. К. Толстой выросъ среди людей утонченныхъ вкусовъ, любившихъ и понимавшихъ искусство. Но характеръ его поэзіи опредѣлили не они, не личное знакомство съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, которымъ были «апробованы» его стихи, — это могло лишь подогрѣть растущую склонность къ поэтическому творчеству — рѣшающую роль здѣсь сыграло воспитаніе, недаромъ дѣтство, по словамъ самого поэта, «оставило въ немъ однѣ свѣтлыя воспомнанія». «Бывъ единственнымъ сыномъ, пишетъ онъ, не имѣвъ товарищей игръ и одаренный пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, среди которой я жилъ, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставляли во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь и не изгладившееся до сихъ поръ». Способность поэта къ внутреннему углубленію благопріятно развивалась и дома, и заграницей. Во время путешествія по Италіи у впечатлительнаго мальчика складывалось цѣлое міросозерцаніе — любовь къ прекрасному и «дальному». Пристальное изученіе вѣчныхъ образцовъ искусства переносило мальчика въ отдаленную глубь вѣковъ и заставляло тосковать по ней. По возвращеніи въ Россію онъ впалъ въ настоящую «тоску по родинѣ» и доходилъ до какого то отчаянія, которое заставляло по его словамъ, «днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны уносили меня въ мой потерянный рай» ¹⁾. Жизнь въ Петербургѣ способствовала уединенію и самоуглубленію.

Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два или три
Могли бы восторга вызвать междометья

¹⁾ Гр. А. Толстой. Литературная исповѣдь. Изд. Маркса т. I.

У знатока. Изъ бронзы фонари
 Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
 Хотя былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
 На лѣпку стѣнъ и форму потолковъ.
Съ раннихъ поръ
 Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
 И населять мечтами ихъ просторъ.
 Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
 Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
 Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
 Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
 Все, что зовутъ серьезныя дѣла —
 Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.

Все это очень характерныя признанія. Среди своихъ сверстниковъ такъ же одаренныхъ, какъ и онъ, Алексѣй Толстой значительно отличался, между прочимъ, по этимъ воспоминаніямъ. Проведя дѣтство въ мрачную эпоху крѣпостного права, мальчикъ не имѣлъ этой «дѣйствительности» и совершенно не далъ, подобно Жуковскому, Салтыкову, Петру Крапоткину и др., никакихъ картинъ бытовой эпопеи. Любопытно, что въ его произведеніяхъ совершенно не отмѣчена эпоха освобожденія крестьянъ и само участіе народа въ общемъ движеніи, какъ увидимъ ниже, было очень вѣроятно и случайно. Толстой всегда былъ поэтомъ призванія — это было его главное призваніе; исторія съ портретомъ, связанная въ поэмѣ «Портретъ», очень характерна для всей его поэмы. Позднѣе вопросъ объ отношеніи реального и нереального у Толстого вылился почти въ цѣлую систему подъ вліяніемъ Шопенгауэра, Гегеля, но главнымъ образомъ, Шеллинга и мистиковъ: Сведенборга, Леви и др.

Въ «Донъ Жуанъ», являющемся наиболѣе яркимъ произведеніемъ, отражающимъ философію поэта, выражены идеи пантеизма, реальность міра.

Едино, цѣльно, недѣлимо,
 Полно созданья своего,
 Надъ нимъ и въ немъ невозмутимо

Царить отъ вѣка Божество.
Осуществилося въ немъ ясно,
Чего постичь не могъ никто:
Несогласимое согласно,
Съ грядущимъ прошлое слито.
Совмѣстно творчество съ покоемъ,
Съ невозмутимостью любовь,
И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
Ея созданья вновь и вновь.

Богъ не остановился въ твореніи. «Вообще, пишетъ Толстой къ Маркевичу ¹⁾, я не допускаю становленія (*le devenir*), но допускаю бытіе (*l'être*), и это вѣчно какъ по отношенію будущаго, такъ и по отношенію прошедшаго, безъ начала и конца, въ вѣчномъ преобразованіи; то, что мы называемъ созданіемъ—есть только трансформация матеріи останется такою же вѣчною въ будущемъ и настоящемъ, какъ и духъ, т. е. такой же старой и такой же молодой, какъ Богъ и я не вижу въ этомъ ничего нечестиваго, потому что я не еврей... Нѣтъ времени въ вѣчности, нѣтъ и отдѣльнаго момента и если Богъ создалъ міръ, онъ его создалъ отъ вѣка и продолжаетъ его творить». Въ этомъ мірѣ продолжаютъ сражаться добро и зло.

Мірозданіемъ раздвинуть,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ,
Божій образъ въ немъ дрожитъ.
И всегда обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять.
И усиліямъ духа злого
Вседержитель волю далъ,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.
Въ битвѣ смерти и рожденія
Основало Божество

¹⁾ Нев. дззиписъю. Lirondelle, op. cit., стр. 469.

Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженъе,
Вѣчной жизни торжество и т. д.

Человѣкъ тѣсно слить съ созданіемъ вселенной, онъ дышитъ съ нею и ея устами говорить. Отсюда этотъ великолѣпный стихъ природы, который замѣняетъ въ историческихъ стихотвореніяхъ Толстого психологическія переживанія героевъ. Въ дальнѣйшій поэтѣ очень занимала проблема объ отношеніи человѣка къ его свободѣ воли, о значеніи страданія, о чемъ еще придется сказать. Наша душа, заключенная въ земныя оковы, не перестаетъ думать о возвращеніи въ свою первоначальную сущность¹⁾. «Если прожить индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно какъ если бы выздоровѣвшій хромоу тужилъ о костыляхъ. Индивидуальность—это только ограниченная *Art von sein*. Она даже не пропадетъ въ томъ смыслѣ, что какъ 1, 2, 3 не пропадутъ, если ихъ вставить въ 10»²⁾.

Между міромъ видимымъ и невидимымъ небольшая перегородка.

Межъ спомъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ.

Въ этомъ отношеніи Толстой слѣдуетъ ученію Сведенборга и др. «Нѣтъ невидимаго міра, есть только нѣсколько степеней существованія въ органахъ: душа можетъ постигать сама по себѣ безъ помощи тѣлесныхъ органовъ, лишь при помощи чувствительности своего «діафана», вещи какъ духовныя, такъ и тѣлесныя, существующія въ мірѣ. Духовный (*spirituel*) и тѣлесный (*corporel*)—это только, выражающія только степени тонкости и плотности сущности (*substance*)». Между этими мірами происходятъ постоянныя сообщенія, которыя, какъ говоритъ Сведенборгъ³⁾ «безпрерывны и столько естественны, что они смѣшиваются съ ощущеніемъ жизни и являются незамѣтными etc».

Между прочимъ, эту посредствующую силу Толстой изобразилъ въ стихѣ командора, которая по его словамъ есть «астральная сила, вселенная сила, служащая одинаково и добру, и злу и нейтральной двумя противорѣчивыми волями сатаны и ангеловъ—

1) См. стихотв. „Горница тихо летѣла душа небесами“.

2) Письма къ жевѣ 24 янв. 1868 г.

3) Lirondelle. Op. cit. стр. 480.

мысль кабалистическая. встречающаяся во всѣхъ герметическихъ сочиненіяхъ и повторяющаяся въ наше время невидимо во всѣхъ дѣйствіи нашей воли и видимо—во всѣхъ опытахъ магнитизма и магіи»¹⁾. Къ магіи, спиритизму и, вообще, оккультивнымъ наукамъ Толстой чувствовалъ всегда живѣйшее влеченіе. Заграницей онъ часто посѣщалъ сеансы всевозможныхъ гипнотизеровъ и меліумовъ и отношеніе къ нимъ, какъ это видно изъ писемъ къ женѣ, ясно говоритъ о вѣрѣ Толстого въ эти ученія и о сочувствіи имъ... Самъ Толстой былъ суевѣренъ, вѣрилъ въ глазъ и т. д. Любовь Толстой къ призракамъ проходитъ черезъ большинство его произведеній. Въ юношескихъ произведеніяхъ (Упырь, Семья Вурдалака, *Rendez-vous dans trois cent ans*²⁾) мы видимъ, въ сущности, одинъ и тотъ же сюжетъ—таинственное сношеніе съ загробнымъ міромъ и разработку этого сюжета, какъ подмѣтилъ Владиміръ Соловьевъ въ предисловіи къ «Упырю», носить слѣды реальности, что и придаетъ этимъ произведеніямъ «элементъ истинно фантастическій». «Существенный интересъ и значеніе фантастическаго въ поэзіи держится на увѣренности, что все происходящее въ мірѣ и, особенно, въ жизни человѣческой зависитъ, кромѣ своихъ наличныхъ и очевидныхъ причинъ, еще отъ какой-то другой причинности, болѣе глубокой и многообъемлющей, но зато менѣе ясной. Если бы жизненная связь всего существующаго была проста и прозрачна, какъ дважды два четыре, то этимъ бы исключалось все фантастическое—дадимъ же мы ему неосмотрительное названіе «сверхъестественнаго» или обозначимъ его болѣе осторожно, какъ необычайное. Не имѣя своего мѣста и смысла въ жизни, оно было бы лишено и всякаго права на изображеніе въ здоровой поэзіи и сама эта поэзія исчерпывалась бы тогда сообщеніемъ красивой формы повседневному, насквозь прозаическому, содержанію... Но представленіе жизни, какъ чего то простаго, разсудительнаго и прозрачнаго, прежде всего противорѣчить дѣйствительности, оно не реально... мистическая глубина жизни иногда близко подходитъ къ жизненной поверхности; но въ этихъ случаяхъ «растительный покровъ» повседневнаго сознанія всетаки на лицо. И вотъ, отличительный признакъ подлинно фан-

¹⁾ Письмо 11 июня 1861 г.

²⁾ *Lirondelle*, приложенія.

скаго, оно никогда не является, такъ сказать, въ обнаженномъ фантастика, вообще, играетъ большую роль въ произведеніяхъ его. Въ романѣ и трагедіяхъ его встрѣчаются колдуны, причѣмъ ему таинственнаго отводится очень большое мѣсто. Въ этомъ его упрекали, но онъ, оправдывая положеніе, что исторія и тѣсно дополняютъ другъ друга, писалъ: «волхвы не обманываютъ, они убѣждены въ истинѣ своей науки. Многіе опыты помимъ, что предвѣщанія ихъ сбываются и это объяснить не можно. Сильно потрясенное воображеніе часто производитъ то, что желаетъ или чего боится. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ сверхъестественному, (которое въ извѣстной степени допущено въ трагедіяхъ), могло бы случиться, что Іоаннъ, потрясенный предвѣщаніемъ предстоящей ему смерти, дѣйствительно умеръ бы въ назначенный день, даже безъ содѣйствія Годунова. Предсказаніе ему престола (если оно дѣйствительно случилось, какъ говорится) также должно было не мало способствовать его возшествію. Если бы Макбету шотландскій тронъ не былъ предсказанъ, вероятно, на него не взошелъ бы»¹⁾. Въ стихотвореніяхъ его встрѣчаются постоянно фантастическія фигуры, принимающія истинное значеніе: Змѣй Тугаринъ, Богатырь, Горе, сюда же отнести и его баллады, построенныя на народныхъ суевѣріяхъ (напр., Волки).

Его проникновеніе въ потустороннюю область возможно не только чистою мыслью, но и чувствомъ. Чуткому уху художника доступны забережныя переживанія. Шеллингъ говоритъ, что «эстетическое творчество, примиреніе сознательной и безсознательной жизни есть безсознательное безконечное, такъ какъ красота, въ безконечной, представляется, какъ конечная». Артистъ, посвященный къ творчеству, «находится подъ вліяніемъ силы, отдѣляющей его отъ другихъ людей и принуждающей его даже выражать то, что онъ не познаетъ въ совершенствѣ и смыслъ котораго безконеченъ»²⁾. Художникъ выводитъ изъ этихъ принциповъ абсолютную независимость искусства отъ удовольствія, отъ морали, знанія. Для него эстетическая интуиція только

¹⁾ Проектъ постановки на сцену тр. «Смерть Іоанна Грознаго», стр. 549.

²⁾ Lirondelle, стр. 489.

интуиция трансцендентальная, сдѣлавшаяся объективной. Искусство открываетъ философу «святилище, гдѣ горитъ однимъ пламенемъ, въ органическомъ и вѣчномъ соединеніи, самое существенное въ природѣ и въ исторіи и то, что должно вѣчно двигаться въ жизни, въ дѣйствіи и въ мысли». Художникъ «проникаетъ черезъ невидимую стѣну, отдѣляющую реальный міръ отъ нереального, въ отверстіе, черезъ которое для насъ открываются вполнѣ формы и области фантазіи, лишь разсѣянные блестками въ реальномъ мірѣ». Толстой до конца жизни оставался вѣренъ этой доктринѣ и имъ «безсознательной воли генія» имъ владѣла всецѣло ²⁾. Въ одномъ письмѣ къ Софѣ (женѣ) Толстой пишетъ о мысляхъ и теоріяхъ, которыя двигаются у него въ головѣ: «чувствую ясно, но не умѣю ясно выразить..... я тебѣ говорилъ про стихи, витающіе въ воздухѣ и что достаточно ихъ ухватить за одинъ волосъ, чтобы привлечь ихъ изъ первобытнаго міра въ нашъ міръ... мнѣ кажется, что это также относится къ музыкѣ, скульптурѣ, къ живописи. Я думаю, что часто, ухватившись за волосъ одного изъ первобытныхъ произведеній, мы такъ неловко тянемъ, тянемъ, что у насъ остается въ рукахъ лишь разоренное или изуродованное произведеніе и что мы продолжаемъ тянуть, тянуть себѣ кусокъ за кускомъ, отрывокъ за отрывкомъ и потомъ мы стараемся все это вмѣстѣ склеить и дополняемъ сами изъ своего воображенія то, чего недостаетъ; мы замазываемъ то, что мы испортили из-шей неловкостью и изъ этого происходятъ всѣ наши недостатки. наша нерѣшительность, которая такъ возмущаетъ артистическія инстинкты» ³⁾.

Тщетно художникъ ты мнишь, что творевій своихъ ты создаешь.
Вѣчно носились они надъ землею, незримые оку.
Бетховенъ не изъ себя взялъ аккорды траурнаго марша:
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ.
Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.

¹⁾ Ibid. стр. 489.

²⁾ Какъ разсказываютъ биографы Толстого, стихъ «Прозрачныхъ облаковъ спокойное видѣнье» написано имъ въ трансѣ. Къ возбуждающимъ средствамъ пріобщенія стиховъ Толстой прибѣгалъ нерѣдко.

³⁾ Письма, 6 окт. 1856 г.

завѣтъ всякимъ художникамъ и поэтамъ:
духъ душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
вдругъ выступаютъ, такъ выступать вдругъ предъ тобою картины,
идутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы.
Свойныя словъ сочетанья въ ясномъ сплетутся значеньи —
и жъ въ этотъ мигъ и внимай и гляди, притаивши дыханье,
и созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье ¹⁾.

И въ призванный творить, художникъ творить, не смотря ни на
препятствія. Обманутый пѣвецъ — слѣпой одинъ поетъ въ лѣсу
и мхамъ.

Вовстину, если бѣ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я бѣ пѣсни не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило.
...Убогому пѣтъ не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Завѣ онъ надъ нею не воленъ.
Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ полвластное ухо.

И не для всякаго поэта раскрывается эта сфера трансценденталь-
но только для настоящихъ жрецовъ искусства. Толстой въ своихъ
стихахъ и стихотвореніяхъ, особенно тенденціозныхъ, является
сторонникомъ чистаго искусства, но опредѣлить его сущ-

¹⁾ Сознательность творчества Толстого весьма специфична. Онъ часто ка-
сказовъ, о которыхъ самъ не имѣлъ устойчиваго представленія. Самое свое-
и въ стихахъ Толстого — обиліе рефреновъ и особыхъ «сло-
выраженій, характеризующихъ все произведеніе, которые какъ бы
къ стихамъ, напр., «Рыцарь правдивый князь», «Дѣдушка Илья»,
«Синее море», «Звѣзда ты моя, Ярославна», «Государь ты нашъ батюшка»,
«Миліица май» и пр. Возможно, что они создавались въ головѣ поэта невольно,
а потомъ уже влекли за собою все стихотвореніе.

ность невозможно: Толстой не установил ни рамок этого искусства, ни основных чертъ его содержанія. Какъ справедливо отзывалось въ критикѣ, самъ Толстой, и по формѣ и по содержанию часто отступалъ отъ общепринятыхъ принциповъ чистаго искусства, оставаясь, однако, неизмѣнно, его горячимъ сторонникомъ: ни въ стихотвореніяхъ, непосредственно примыкающихъ къ этому роду искусства, у Толстого гораздо меньше, чѣмъ остальныхъ мотивовъ. Намъ сомѣнно, что дѣло тутъ было не въ выборѣ сюжетовъ, а въ принципѣ *свободы творчества*, которое тѣснилось утилитарнымъ наравленіемъ. Въ защиту этой свободы Толстымъ были написаны лучшіе строки его произведеній. Въ сущности, этотъ протестъ Толстого противъ обязательства гражданской скорби совпадалъ въ то темное, подцензурное время съ общимъ протестомъ противъ стѣсненія свободы, вмѣстѣ съ таковымъ же протестомъ славянофиловъ, выбивавъ изъ противниковъ Толстого обвиненіе противъ него, какъ писателя-ретрограда. Искренняя позиція Толстого въ этихъ вопросахъ, въ связи съ его личною обаятельностью, и дѣлала его тому и другому лагерю и близкимъ и чужимъ.

II.

Я намѣренно остановился на выясненіи эстетическихъ принциповъ Толстого, ибо ими-то и объясняется вся прелесть его исторической поэзіи. Толстой считается поэтомъ-историкомъ, т. е. дѣйствительно онъ, не говоря о романѣ и трилогіи, затрагивалъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ историческіе сюжеты. Но, приглядываясь къ этимъ стихотвореніямъ, мы обнаруживаемъ въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, поразительную бѣдность, именно, историческаго содержанія. Прежде всего, въ нихъ плѣняетъ насъ ихъ вышвыжасанная красота, гусярный, былинный тонъ, въ которомъ «торжественности много, но слишкомъ мало простоты». Толстой въ историческихъ стихотвореніяхъ, объективныхъ, казалось бы, по своему замыслу является очень субъективнымъ и, по преимуществу, лирикомъ. Многие изъ его былинъ имѣютъ автобіографическое происхожденіе. «Садко» написанъ за границей, подъ непосредственнымъ чувствомъ тоски по родинѣ, «Илья Муромецъ» — есть выраженіе своей собственной отчужденности отъ двора; въ poemѣ «Іоаннъ Дамаскинъ» скрывается

о собственной отставкѣ. Внимательно читая его былинные творенія, задумаешься, что въ нихъ главное—сюжетъ или формы. Нечего уже говорить, что въ стихотвореніи «Сватовство» это не въ бытовой картинкѣ, а въ веснѣ, которую страстно воспѣтъ; въ «Ильѣ Муромцѣ» вся прелесть заключается въ построеніи «государыни-пустыни», въ запахахъ «темнаго» «Алешѣ Поповичѣ»—въ описаніи обольстительной пѣсни, въ царевны и, главное, весны¹). Въ этой балладѣ, особенно первоначальномъ вариантѣ, нѣтъ ничего историческаго, кромѣ богатырь эпохи Краснаго Солнышка говорить такіа слова:

Я ей Богу не изъ тѣхъ,
Какъ тебѣ меня, царевна,
Съ ними смѣшивать не грѣхъ!
Тѣ поповичи всѣ дики,
Гуслей звонъ для нихъ бѣда,
Лишь въ присутствіи владыки
Козлогласятъ безъ стыда.
На мечахъ они не бьются,
Но примаютъ всякій срамъ,
И обиднымъ не считаютъ
Бить другъ друга по щекамъ.
Сами вѣдая не много,
Любятъ мудрости учить;
Мудрость ихъ: не вѣрить въ Бога
И лягушекъ потрошить.

Большинство балладъ Толстого растянуты и бѣдны по содержанию: въ нихъ мало центральнаго, настоящаго дѣйствія, поэтому, глядя на нихъ, не смотря на свою нарядность и внѣшнюю красоту, чувствуешь съ трудомъ: слишкомъ много въ нихъ второстепеннаго, отнимающаго вниманіе и, потому, лишняго. Взять хотя бы «Пѣснь о Ярославѣ и Ярославнѣ». Гаральдъ изъ любви къ Ярославнѣ совершилъ рядъ подвиговъ, въ этомъ вся суть баллады, но въ

¹ См. его письмо къ Маркевичу (неизданное): Я имѣю еще другое стихотвореніе (Алеша Поповичъ), въ томъ же родѣ т. е. былиномъ—это, такъ сказать, предисловіе поговорить о природѣ и о веснѣ. Lirondelle, стр. 445.

ней все вниманіе обращено на рассказы объ этихъ подвигахъ и, на концѣ концовъ, самое стихотвореніе оказывается неинтереснымъ, безцѣльнымъ, растянутымъ для такого сюжета. Та же бѣдность со-
жанія заключается въ стихотвореніи «Боривой», въ «Ночи перестрѣлки» и т. д. Переводъ изъ лѣтописи («Романъ Галицкій») — очень неудаченъ: самоувѣренный порывъ Романа изображенъ какъ-то вяло, а конецъ стихотворенія уже совсѣмъ промученъ¹⁾. Вообще тамъ, гдѣ Толстой слишкомъ точно подражаетъ народному складу, онъ становится крайне безцѣльнымъ и риторичнымъ. У него есть стихотворенія, напр. «Пѣснь стрѣлковъ Императорской Фамиліи», которыя могъ бы написать всякій гимназистъ, прошедшій курсъ народной словесности. Славянофилы говорили, что можно принять стихи Толстого за народные, если бы не были подписи. Если это похвала, то въ искусствѣ очень сомнительная. Самъ Толстой говоритъ, что, «полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно противорѣчить правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя всю, какъ она есть. Иллюзія, производимая искусствомъ не должна быть иллюзіей чуждаго обмана»²⁾. Но его quasi-народныя стихотворенія, именно, даютъ иллюзію народного творчества, потому что они слишкомъ близко схожи со своими оригиналами, которые можно встрѣтить въ сборникахъ Сахарова и Афанасьева, которыми пользовался Толстой. У него получается не художественная переработка народныхъ мотивовъ, а копіи ихъ, гдѣ непремѣннымъ условіемъ встрѣчаются выраженія: ухъ, эхъ, охъ, кабы да, ой да братцы и т. д.

Историческія произведенія Толстого явились слѣдствіемъ большого интереса, который обнаруживалъ Толстой къ старинѣ; онъ писалъ имъ порой весьма старательно, послѣ изученія многихъ источниковъ. Очень возможно, что короткая служба въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ способствовала развитію любви Толстого къ русской старинѣ, а занятія въ архивѣ древними актами дали Толстому нѣкоторый запасъ древнихъ словъ и выраженій.

¹⁾ Можно привести для сравненія тоже точный и безподобный переводъ Микова лѣтописнаго сказанія — Емпианъ.

²⁾ Проектъ къ постановкѣ Царя Феодора стр. 600. Ср. мысли Шоломачева объ искусствѣ (см. брошюру кн. Цертелева подъ тѣмъ же названіемъ).

кое-какой матеріалъ для изображенія московскаго періода¹⁾. Источниковъ, которыми пользовался Толстой, мы встрѣчаемъ *«Скоглавъ, Житія Святыхъ, Переписку Грознаго, Дѣла и Малорусскія пѣсни Максимовича, Письма Курбскаго и ижемавъ «Посадника», онъ проситъ прислать сочиненія Костомаровъ, и вообще, что возможно, относящееся къ изустнымъ эпохѣ. По поводу того, какъ назывался датскій принцъ, Ксеніи, Іоанномъ или Христіаномъ, Толстой запрашивалъ многихъ компетентныхъ лицъ и даже пользовался матеріалами случайныхъ знакомыхъ²⁾. Костомарова же Толстой проситъ узнать, почему этотъ самый Іоаннъ, будучи, вѣроятно, воевалъ за Испанію. Въ этомъ же письмѣ Толстой предположеніе относительно своихъ замысловъ: Борисъ, младшего дворянина, посланнаго въ видѣ подарка Генриху IV, Синебрюховымъ, потому что французскій король имѣлъ привычку *Ventre bleu*³⁾! Этотъ Синебрюховъ дорогой бѣжитъ въ Вишневецкому и изъ мести выдаетъ себя Лжедимитріемъ. Такимъ образомъ, Толстой склонялся къ версіи великорусскаго пролетарія Самозванца.*

Въ общихъ пособіяхъ на Толстого болѣе всѣхъ вліяла исторія, комментаріи котораго къ исторіи онъ внимательно штудировал⁴⁾.

Кіевскій и Московскій періоды—это два полюса толстовскаго міросозерцанія, особенно первый любимъ Толстымъ; называетъ его «хорошимъ», лучшимъ временемъ русской исторіи и особенно любовно вспоминаетъ о немъ. Главная мысль въ киѣвскій періодъ—прославленіе его, его славы, героическаго слиянія князя съ народомъ. Несомнѣнно, на Толстого Толстымъ киѣвскаго періода значительно повліяли славянскія убѣжденія его друзей. Но Толстой сближался съ славянами скорѣе съ виѣшней стороны, въ идеализаціи старины. Толстой и славянофилы идеализировали разныя эпохи:

¹⁾ Толстой, видимо, занимался археологіей и въ молодости раскапывалъ курганы 23 іюня 1869 г.

²⁾ Письмо къ Стасюлевичу 30-го ноябля 1869 г.

³⁾ Стасюлевичъ и его современники т. II, 11 ноябля 1868, къ Костомарову.

⁴⁾ Стасюлевичъ и его совр. т. II. Письма отъ 2 мая 1869.

Толстой—только кievщину, и въ этомъ отношеніи сближеніе его съ славянофилами чистое недоразумѣніе—вѣдь славянофильство, какъ общественно-историческое явленіе, было именно московское, а не кievское. Толстой же ненавидитъ Москву. «Моя ненависть къ московскому періоду—есть идіосинкразія, и я не подвигиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что я говорю. Это не тенденція, это *я самъ*». «Мой добрый пріятель и глубокоуважаемый другъ, Александръ Бутковъ, должно быть, не подозреваетъ, что Русь, которую онъ хотѣлъ воскресить, не имѣетъ ничего общаго съ настоящею Русью. Бутковская одежда, въ которой идеголяли его братья, Константинъ Александровъ и Хомяковъ, такъ-же мало изображаетъ настоящую русскую Русь, какъ и ихъ допетровскія теоріи»¹⁾. Толстой называетъ русскихъ еврспейцами. «Откуда взяли, что мы *антиподы* Европы. Туча прошла надъ нами, *облако монгольское*, но это была *туча* и чортъ долженъ поскорѣе убрать ее. Русскіе—европейцы, а не монголы»²⁾. Въ отношеніи же къ Императорскому періоду Толстого съ славянофилами даже мало отыскивалось точекъ соприкосновенія. «Петръ I, несмотря на его палку, былъ болѣе *русскій*, чѣмъ они, потому что онъ былъ ближе къ дотатарскому періоду. Отрекаясь торжественно отъ моей пѣсни, которая въ свое время имѣла большой успѣхъ:

«Государь ты нашъ, батюшка,
«Государь Петръ Алексѣевичъ,
«Что ты изволишь въ котлѣ варить?»

Гнусная палка Петра Алексѣевича была найдена не имъ. Онъ получилъ ее въ наслѣдство, но употреблялъ ее, чтобы вопиать Россію въ ея *прежнюю родную* колею»³⁾. Только въ кievскихъ и новгородскихъ былинахъ можно узнать основныя черты славянскаго племени «западнаго, но не азіатскаго» и во многихъ своихъ стихахъ, посвященныхъ Кіевской Руси, Толстой старается «особенно выразить нашу связь съ остальной Европой въ это время». Толстой по этому поводу «производилъ розыски о норманскомъ періодѣ русской исторіи», усердно изучая Сакса Грамматика и «Историю

¹⁾ Ibid., 12 ноября 1869 г.

²⁾ 7 февраля 1869 г.

³⁾ «Стасюл. и его совр. т. II. 12 ноября 1869. (Къ Стасюлевицу).

Дальмана. Толстой былъ ярлыкъ норманистомъ, это такой же
у него, какъ и чистое искусство, можетъ быть потому,
антискандинавскими теоріями связано было что-то самобыт-
ное, а эта самобытность была въ глазахъ Толстого весьма
жизельна. Если въ Кіевѣ были какія либо самостоятельныя
(напр. свободы), т. е. не привитыя норманнами, то эти начала
европейскія, потому что нѣтъ никакихъ русскихъ началъ, какъ
русскихъ началъ искусства, какъ нѣтъ русской таблицы умно-
жества, въ строгомъ смыслѣ, и европейскихъ началъ, а
начала абсолютныя, общія, вѣчныя». Испытывая несомнѣнное
вѣдѣніе Костомарова (значеніе татарщины, Грознаго), Толстой не
зналъ лишь одного убѣжденія Костомарова — «антискандина-
визма»¹⁾ и въ этомъ отношеніи онъ продолжалъ «твердо держаться
своего рычага Погодина», полемизируя впрочемъ противъ
влиянія норманскаго вліянія. Славянство «элементъ чисто
славянской, а не восточный, не азіатскій. Оно такъ и сквозитъ въ
славянской исторіи послѣ паденія Рима. Давайте мнѣ Велизара (Ve-
lizar), давайте мнѣ Рѣчиміра (Resimir), давайте мнѣ множество
именъ, которыхъ я теперь забылъ, но которые такъ и бьются въ
славянской исторіи Готтовъ, Вандаловъ и Саксонцевъ. Мы и нѣмцы,
отдѣлились отъ древняго арійскаго ствола, и нѣтъ сомнѣнія,
интересы и мифологія у насъ были общія. Кстати, Вальтеръ-
Скоттъ конечно, не зналъ славянской мифологіи, но помните ли
вы въ *Jvanhoe* упоминается о саксонскомъ богѣ Zornebok?
Гдѣ онъ взялъ это. Держу пари, изъ саксонскихъ хроникъ.
Врядъ ли можно сомнѣваться, что съ Генгистомъ или съ
его пришли въ Британію и славяне и привели своего Черно-
была на этотъ антагонизмъ славянства къ европеизму»²⁾.
И другія теоріи одинаково не удовлетворяютъ Толстого. «Здѣсь
какая-то с...я, пишетъ Толстой къ Стасюлевичу, профессоръ
исторіи, доказывающій пространно, что норманновъ никогда не
было у Руси, а что имена: Карль, Свинельдъ, Фрелафъ, Руальдъ
и т. д. суть имена *турскія*. Вотъ нашла охота давать себѣ по-

¹⁾ «А всетаки варяги были скандинавы, а не литовцы» замѣчаетъ онъ въ
письмѣ по адресу Костомарова.

²⁾ Стасюл. и его совр. т. II. 26 дек. 1869 г. (къ Стасюл.).

щечины, sans y être obligé!» ¹⁾). Толстой очень сожалѣетъ, что Костомаровъ изъ за боязни скандинавизма работаетъ «какъ бы въ пособіе» этому профессору Юркевичу, который «публиковалъ въ Одессѣ толстую книгу, въ которой доказывается, что не было въ Руси варяговъ, а были все турки или, какъ онъ выражается, *тюрки*. И Аскольдъ, и Свенельдъ, и Карлъ, и tutti quanti, подписавшіе Олегъ договоръ, всѣ были *тюрки* и самъ Олегъ былъ *тюрка*, и мать, и отецъ, и всѣ тетки, все это были *тюрки* и *тюркени*. Не знаю, не былъ ли ему сотрудникомъ Вашъ пріятель, Стасовъ, который съ такою начитанностью и безцеремонностью, требующей винограднаго листа, не постыдился утверждать въ Вашемъ журналѣ, что всѣ наши преданія происходятъ отъ татаръ и туранцевъ или *тюраниевъ*. Къ этимъ двумъ я бы еще прикомандировалъ Исихинскаго, сообщившаго Европѣ, что русскіе суть татары, потому что у нихъ не растутъ волосы подъ мышками. Иловайскій открылъ, что мы Готы—это лучше, но я пока этому также не вѣрю» ²⁾.

Но, при всей любви къ Кіевскому періоду, изображеніе былинныя у Толстого, въ сущности,—не историческія картины. Это былинные, нарядныя описанія постоянного праздника.

Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодь и старь,
И слышенъ далеко звонъ кованныхъ чарь.

Персонажи толстовскихъ былинъ характеризуются подвигами былиннаго склада ³⁾.

Я городъ Мессину въ раззоръ раззорилъ,
Разграбилъ поморье Царыграда,
Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
А тканей и мѣрить не надо...
Сшиблись вдругъ ладьи съ ладьями
И пошла межъ ними сѣча...

¹⁾ Ibid. 10 марта 1869 г. (Къ Стасюл.).

²⁾ Ibid. 29 января (10 февр.) 1873 г. (Къ Стасюл.).

³⁾ Это встрѣчается и въ болѣе реальномъ изображеніи московскаго періода «Спаенъ былъ ударъ Никиты Романовича. Раздалася пощечина, словно мастръ пиццальный; загудѣлъ сыръ-боръ, посыпались злетья; бросилась звѣри со всѣхъ ногъ чащу; вылетѣли изъ дупель пучеглазыя совы; а мужики, далеко оттолъ дравшіе змѣи, посмотрѣли другъ на друга и сказали дивись:—Слышь, какъ треснуло, ужъ не стары ли дубъ надломился надъ Поганою-Дужей». «Князь Серебряный». Стр. 261.

Васильевой Гаконъ разошелся «не внемлетъ словамъ»

Ударъ за ударомъ онъ садить».

Вотъ же Владиміръ послѣ твердаго намѣренія креститься и сми-
ренно говорить:

«Я готовъ»,

Но только смирюсь безъ урону.

Какъ сколько богатыри у Толстого имѣютъ свою индивидуальную
жизнь, настолько же другіе герои его стихотвореній одноцвѣтны,
какъ другъ на друга. Мы видимъ въ этихъ Владимірахъ, Кану-
щихъ Законахъ, Гаральдахъ, Боривояхъ обычныхъ героев роман-
тистическими которыми авторъ обращается, какъ романтикъ, пускаясь
заблужденію своихъ излюбленныхъ сюжетовъ, напр. дѣлая изъ факта
жизни князя Ростислава въ Днѣпрѣ фантастическое стихотвореніе.
«Вѣвской свободѣ» мы не имѣемъ никакого реального понятія,
и «Вѣвская» играетъ ту же роль, что и въ оперныхъ сценахъ пи-
сателя. Если же вспомнить, что въ стихотвореніяхъ этого толстовскаго
романадную роль играетъ лирика и брызжущія разноцвѣтнымъ
красками въ описаніяхъ природы, то мы должны будемъ
считать историческія стихотворенія Толстого, какъ сказки, гдѣ
типичныя лица лишь символы. Въ этомъ отношеніи стихи Тол-
стого собою напрашиваютъ на сравненіе съ иллюстраціями
Билибина и сказкамъ Билибина. Тѣ же краски, тѣ же празд-
ничные наряды, та же условность рисунка. Какъ на картины Би-
либина можно смотрѣть только опредѣленными глазами, и тогда вы
сталибоваться и отдыхать, такъ и стихи Толстого, вслѣдствіе
ихъ музыкальности, будутъ читаться съ большимъ удовольствіемъ,
но не на то, что историческій элементъ въ нихъ чисто деко-
ративный.

Въ большинствѣ историческихъ произведеній Толстого про-
никаетъ опредѣленная мысль, своего рода философія исторіи.
Жизнь на свѣтѣ не пропадаетъ и каждое слово, и каждое дѣло,
каждая мысль вырастаетъ какъ дерево, и многое доброе и злое,
какъ загадочное явленіе, существуетъ понынѣ въ русской
жизни таитъ свои корни въ глубокихъ пѣдрахъ «минувшаго»
(см. Серебряный).

«Доктрина первороднаго грѣха, пишетъ Толстой Маркенинъ, вовсе не такъ чудовищна. *Nihil est sine ratione cur potius sit, quam non sit.* Ничто не существуетъ безъ достаточнаго основанія существовать. Ну, а что страданіе существуетъ, я въ этомъ вамъ честное слово. Если бы допустили, что мы, не только мы, но и то, что существуетъ, страдаетъ незаслуженно, то это было бы тѣмъ атензмъ, это было бы надругательствомъ надъ логикой, то должны допустить и сами атеисты. Но такъ какъ не только мы благородные отцы, но и ребенокъ, который только что родился и не успѣлъ сдѣлать зла, страдаетъ, то нужно допустить достаточное основаніе для этого страданія, *rationem sufficientem essendi; ne needing ego въ настоящей жизни, мы принуждены искать его въ жизни предыдущей*».

Изображая различныя стадіи русской исторіи, оплакивая несчастія русской земли, Толстой въ балладѣ «Чужое горе» старается опредѣлить болѣзни, приведшія Русь къ одичанію и къ отчужденію отъ Запада.

Въ лѣсную чашу Богатырь при лунѣ

Въѣзжаетъ въ блестящемъ уборѣ...

И свиснулъ безпечно бочась на конѣ:

«Какое мнѣ дѣется горе!..»

Вдругъ съ дуба къ нему кто то прыгъ на коня..

И щупаетъ онъ у себя за спиной

И шарить съ досадой во взорѣ,

Но внемлетъ отвѣтъ: «Я тебѣ не чужой,

Ты, чай, объ *усобицѣ* слышалъ княжой,

Везешь Ярослава ты горе».

Усобицы — первое зло кievскаго, норманскаго періода русской исторіи. Второе — «татарское горе». Толстой вмѣстѣ съ Костомаровымъ придавалъ татарскому игу *исключительное* значеніе. Татарщина, хотя «преходящій *morbis ignobilis* нашей исторіи», но опредѣлившій на долго судьбы Россіи. Монгольскій періодъ Толстой постоянно отождествляетъ съ московскимъ, одинъ изъ князей котораго вновь соберетъ русскую землю, «но самъ же надъ ней будетъ

¹⁾ Впервые у Lirondelle'я, Op. Cit. стр. 474.

и Толстой даже утверждаетъ, что «московскій періодъ — *наглатавилъ*». Это уже — «Ивана Васильича горе». Такимъ образомъ, усобицами, татарщиной и Москвой, причемъ послѣднія понятія весьма путаются въ сознаниі Толстого, и исчерпывается зло минувшаго; эти три горя заставили насъ, «наглатав-татарщины всласть», «стать къ варягамъ спиной, лицомъ по-тисся къ обдорамъ». Насъ смущаетъ слишкомъ большой ска-тъ усобиць до татарщины. Въ стихахъ Толстого, какъ это важно для обитателя Краснаго Рога, *степь* не фигурируетъ въ смыслъ злого фактора русской исторіи и нѣтъ ни слова о козовыхъ послѣдствіяхъ для кіевщины.

Московскій періодъ, несмотря на ненависть къ нему Толстого, въ имъ тщательнѣе и полнѣе, чѣмъ Кіевскій, а потому изображеніе его, въ общемъ, реальнѣе¹⁾. Изображенію главнаго пред-вѣстия монголо-татарскаго періода, Грозному, отведено у Толстого ширующее мѣсто. Хотя Толстой въ романѣ и трилогіи, въ художественной обрисовки эпохи, далеко шагнулъ отъ истинъ и реторики Загоскина и т. п. романистовъ, но въ изображеніи Грознаго, народа, бояръ и характеристикахъ истори-ческихъ персонажей, вообще, Толстой не избѣжалъ ходульности и оговорок. Царь Иванъ у Толстого недалеко ушелъ отъ Карамзина, а Толстой постоянно пользовался «Исторіей Государства Русскаго», часто только переиначивая выраженія. «Іоаннъ не злодѣй или сумасшедшій, какъ какой-нибудь Неронъ, пи-талъ Толстой,—но у него есть цѣль, онъ даже хочетъ блага для народа, но онъ разумѣется по своему, т. е. первымъ благомъ Россіи счита-етъ безграничное увеличеніе произвола для себя и для своихъ приближенныхъ». «Единственна система Іоанна было ломаніе и уни-женіе всего, что съ поводомъ, или безъ повода, попадало подъ его власть»²⁾. Какъ видно изъ этихъ словъ, Толстой представлялъ Грознаго только тираномъ безъ всякой государственной программы. Вообще, взгляды Соловьева и Кавелина прошли для исто-

¹⁾ Кромѣ Кіевщины, Толстой любилъ Новгородъ съ его вѣчемъ, но въ одномъ письмѣ жалуется, что новгородцы эпохи паденія «были порядочныя свиньи, ко-торыхъ лучшаго не заслуживали какъ упасть въ московскую пасть, какъ Римъ въ пасть Цезаря». (Письма. 21 дек. 1870).

²⁾ Проектъ къ постановкѣ тр. «Смерть Іоанна Грознаго».

рическаго міросозерцанія Толстого совершенно незамѣтно. Вліяніе же Костомарова, смотрѣвшаго на Грознаго болѣе чѣмъ отрицательно, какъ на лучшую иллюстрацію вліянія татарщины, тоже не могло, конечно, помочь Толстому въ этомъ отношеніи. Такъ же было старо (и для своего времени) представленіе Толстого о боярѣ Грознаго съ боярами. «Іоаннъ казнилъ ихъ отъ страха и отъ мнѣнія отъ страха измѣны, которой не существовало»¹⁾, такимъ образомъ и опричинна у Толстого рисуется исключительно только въ лицѣ «корпуса жандармовъ» и не имѣетъ другаго, болѣе глубокаго, основанія. Что же касается до изображенія народныхъ массъ, то Толстой никогда не могъ похвалиться умѣньемъ въ этомъ отношеніи. Это не пѣвецъ народной жизни, народныхъ радостей или гвѣзды. Народныя массы во всѣхъ произведеніяхъ Толстого похожи на статистовъ, безличны и безцвѣтны. Авторъ не сумѣлъ подмѣтить въ народныхъ волненіяхъ отголоски глубокихъ социальныхъ и экономическихъ кризисовъ, особенно имѣвшихъ мѣсто въ эпоху Грознаго; оттого въ произведеніяхъ Толстого, особенно въ романѣ, выступаетъ только одна сторона народной жизни — психологическая и то только съ одной стороны — угнетаемыхъ. Но психологія угнетаемыхъ Грознымъ у Толстого нѣсколько иная, чѣмъ у Карамзина. У историка долготерпѣнію народному нѣтъ конца — для него это терпѣніе столько же похвально, сколько удивительно. У Толстого весь романъ есть общественный протестъ противъ абсолютизма и негодованія на русское долготерпѣніе.

Индивидуальныя фигуры не всегда удаются Толстому. Если откинуть безподобнаго Феодора и такія яркія, хотя и односторонне очерченныя, фигуры, какъ Грозный и Клешиный, мы увидимъ, что жизненность историческихъ персонажей затушевывается мѣстами выдумкой и риторикой. Уже указывалось критиками (Венгеровыми), что Годуновъ преобразился у Толстого въ идеальнаго царя, въ словахъ котораго нѣтъ никакого пятна. Устами Годунова излагается нѣблая политическая и государственная программа, оттого такъ скучны его монологи и разговоры (напр. съ Приной). Еще болѣе ходульно главное дѣйствующее лицо въ неоконченной драмѣ «По-

¹⁾ Проквъ къ пост. траг. «Смерть Іоанна Грознаго».

...», которое для Новгорода XIII вѣка является далеко не чуждымъ.

Вотъ наша воля. Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти чужія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь нашъ, Новгородъ, велить —
Вотъ воля въ чемъ. А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, что въ голову взбредетъ —
Нѣтъ, то была-бъ не воля, неуряде
То было бы.

Вѣщу внѣшней, декоративной красоты, Толстому плохо удавалось схватить въ человѣческой натурѣ черты, придающія изображеннымъ фигурѣ жизненность и правдивость; мѣшается здѣсь и предположительная точка зрѣнія; говоря про Погодинскую повѣсть о Царѣ Иванѣ, въ которой Погодинъ старается снять съ Бориса обвиненіе въ убійствѣ, Толстой признавался: «это мнѣ не годилось; онъ долженъ быть виновнымъ». Въ герояхъ Толстого нѣтъ жизненной гибкости въ этомъ отношеніи образъ царя Θεодора Іоанновича — геніальное заключеніе.

Что же касается до вѣрности историческаго изображенія, то Толстой не отличался выдержанностью въ этомъ отношеніи. Имъ было допускались анахронизмы. Такъ, въ балладѣ «Три побояща» неуклюжаго сопоставленія Толстой приурочилъ смерть Изяслава Владиміровича гибели при Йоркѣ и при Гастингсѣ двухъ Гаральдовъ, норвежскаго и саксонскаго, бывшихъ въ свойствѣ съ русскимъ княземъ домомъ, межъ тѣмъ смерть Изяслава произошла на много позже, именно въ 1073 году. Въ «Князѣ Серебряномъ» Владиміровича и обоихъ Басмановыхъ, случившаяся на дѣлѣ въ 1070 году помѣщена, «для сжатости разсказа», въ 1565 году. Толстой вставленъ апокрифическій эпизодъ — освобожденіе царевича Дмитрія. Серебрянымъ на Поганой Лужѣ изъ рукъ Малюты Скуратова. Все это сознательныя ошибки. Допуская преобладаніе поэтической замысли надъ исторической правдой, Толстой оправдывается тѣмъ, что цѣль его «передать только колоритъ той эпохи».

III.

Поэтъ, несомнѣнно, не первостепенный, Толстой былъ въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ 70-хъ годовъ очень замѣнымъ человѣкомъ. Даже то раздраженіе, съ которымъ нерѣдко имѣя встрѣчалось въ противоположныхъ лагеряхъ русской интеллигентской жизни, свидѣлствуетъ о большой извѣстности; но извѣстность т. ск. не сама по себѣ—ее дѣлали не поэтическія таланты Толстого, а его личность. Частый и благородный человѣкъ, онъ умѣлъ быть другомъ и имѣлъ друзей. Совершенно свободный отъ всякой службы, Толстой много и усидчиво работалъ на литературномъ поприщѣ, недаромъ Тургеневъ какъ-то замѣтилъ, что трудолюбіе этого поэта достойно лучшей участи. Но Толстой работалъ не въ уединеніи, не втихомолку: всѣмъ было прекрасно извѣстно, чѣмъ онъ занятъ, что пишетъ, гдѣ будетъ первое чтеніе и т. д. Въ его письмахъ положительно преобладаетъ личный интересъ: письма на злободневные вопросы встрѣчаются сравнительно рѣдко; Толстой сообщаетъ свои планы, говоритъ о своихъ изданіяхъ русскихъ и заграничныхъ, о постановкахъ своихъ трагедій, объ успѣхѣ своихъ произведеній и дома и за границей. Но его популярность была о двухъ концахъ. Къ Толстому, именно къ нему люди различныхъ направленій были далеко не равнодушны. Каждый хотѣлъ его видѣть своимъ, и та страстность, съ которой боролись за него литературныя направленія, показываетъ, что эта возможность была весьма реальною. Обычно принято говорить про Толстого:

Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный.

Но эта характеристика вѣрна только съ формальной стороны—въ сущности Толстой былъ натура цѣльная. Въ областяхъ, въ которыхъ онъ себя чувствовалъ хозяиномъ, напр. въ искусствѣ, онъ былъ твердымъ и убѣжденнымъ дѣятелемъ, «пѣвцомъ, державшимъ стягъ во имя красоты»; этотъ «стягъ» Толстой никогда не покидалъ и совершенно напрасно упрекъ (Лирондель), что въ своихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ онъ измѣнялъ своимъ эстетическимъ принципамъ: Его «Потокъ Богатырь», «Баллада съ тенденціей» и др.,—только полемика, облеченная въ художественныя формы, какъ тѣ остроумныя стихотворенія—бездѣлушки, которыми пестрятъ его письма и на которыя онъ былъ такой мастеръ.

ся бѣда Толстого, какъ поэта, заключалась въ той эпохѣ, въ той онъ жилъ. Крымская война, освобожденіе крестьянъ, су-
 и др. реформы, общественное пробужденіе, а съ нимъ на-
 тескія теченія со своими эксцессами, а на Западѣ — социализмъ,
 Наполеона III, коммуна и т. д. — все это историческіе моменты,
 которыхъ рушились міросозерцанія, слагавшіяся вѣками. Толстой
 путешествовалъ за границей, подолгу живалъ и дома, въ
 имѣніяхъ, вращался въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ
 русскаго общества, но это было бурное время, а онъ, мечта-
 ный русскій баринъ, любилъ покой и комфортъ и всю жизнь
 кѣ мирной созерцательной жизни въ искусствѣ, одѣвая
 рыцарей-викинговъ въ древне-русскіе парчевые кафтаны.
 Какъ это ни странно, реформа 19 февраля для творчества Тол-
 прошла незамѣтно и личное участіе Толстого ни въ подго-
 твѣ въ проведеніи этой реформы серьезно не проявилось.
 врагомъ деспотизма, «съ какой бы стороны онъ ни про-
 цилъ, Толстой, конечно, былъ искреннимъ сторонникомъ крестьян-
 реформы, но она его застала, словно врасплохъ. Какъ чело-
 вѣкъ, Толстой подмѣтилъ общую растерянность, когда «не-
 вѣжественные, привыкшіе съ раскрытыми дверями и по французски
 объ освобожденіи, но правительство уже такъ секретни-
 чило, что народъ ожидаетъ освобожденія на данныхъ, которыя
 самъ придумалъ. Имѣя самыя смутныя понятія о собственности
 земли желая имѣть ее, народъ рѣшилъ, что освобожденіе будетъ
 землею. И это убѣжденіе выросло сильно и, ежели будетъ рѣзня
 кроткимъ народомъ, то только вслѣдствіе этого незнанія
 отношеній къ землѣ и помѣщику; а правительство секрет-
 ной изъ всѣхъ силъ и воображаетъ, что это внутренняя поли-
 ція поставитъ помѣщиковъ въ положеніе людей, заслоняющихъ,
 тератирующихъ отъ народа милости свыше. И кончится тѣмъ,
 что перерѣжутъ» ¹⁾). Въ приведенныхъ словахъ слышится
 голосъ общественнаго дѣятеля, а скорѣе помѣщика, у котораго
 ахъ передъ катастрофой, такъ раздѣлявшійся при дворѣ, заста-
 вляетъ досадовать на медлительность правительства. «Когда я за-
 нимаюсь въ подробности и увидѣлъ его въ приложеніи, мнѣ

совѣстно вспомнить, что за гиль я говорилъ и слушалъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ отъ всѣхъ *умныхъ* людей объ эмансипаціи. Конечно, расказу всѣмъ все и покажу журналъ моихъ переговоровъ со сходкой¹⁾». Къ сожалѣнію, этотъ журналъ неизвѣстенъ, но извѣстно неумѣніе графа разговаривать съ крестьянами. Русский баринъ, онъ не зналъ крѣпостныхъ русскихъ людей; онъ плохо разбирался въ крестьянскихъ вопросахъ, хотя они трактовались во всѣхъ журналахъ и, горячо привѣтствуя реформу, шелъ за ней послушно, торопя другихъ, лишь бы не оставаться на мѣстѣ. Такъ онъ дожилъ до самаго манифеста, который необыкновенно торжественно и читалъ мужикамъ. Объ этомъ Толстой разсказываетъ безъ юмора. «Они (мужики) ничего не поняли, но они имѣли видъ, что вѣрятъ моимъ разъясненіямъ и, вообще, они вели себя очень хорошо: никакого пьянства, ни отказа отъ работы, но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что въ одной изъ этихъ трехъ деревень они убѣждали своего старосту и десятниковъ и готовы были убѣждать и моихъ лѣсныхъ сторожей, что мы съ батюшкой промѣняли фальшивый манифестъ. Къ счастью, новыя разъясненія съ бумагой въ рукахъ и настойчивыя убѣжденія все успокоили. Это маленькая иллюстрація того, что можетъ случиться, если помѣщикъ не сохраняетъ присутствія духа. Положенія, которыя, такъ сказать, служатъ добавленіемъ къ манифесту, такъ объемисты и такъ сложны, что чортъ ногу сломитъ²⁾».

Толстой не оцѣнилъ великихъ социальныхъ потрясеній и не углубился въ нихъ, несмотря на то, что многіе, въ томъ числѣ Тургеневъ, старались разъяснить ему суть этихъ явленій; они путали Толстого своею «агалитарностью», этой «глупой выдумкой 93 года, которая никогда не существовала ни въ какой республикѣ, и которая, по его мнѣнію, грозила» принципу индивидуальности — личностному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиваться цивилизація вообще и искусство въ особенности». Страхъ передъ всеобщей нивелировкой, передъ безшабашнымъ нашествіемъ нигилизма былъ такъ силенъ у Толстого, что онъ, не боецъ по натурѣ, принялъ

¹⁾ Къ Е. П. Коваленскому 1856.

²⁾ Lirondelle, Стр. 187.

эстетическія теченія, какъ личный вызовъ и до конца своихъ
съ нимъ пылкую, упорную, но далеко не глубокую борьбу.
Онъ, пишетъ онъ Стасюлевичу — «глубокая язва. Отрицаніе
семейства, государства, собственности, искусства это не
чистота — это чума, по крайней мѣрѣ, по моему убѣжденію.
Онъ не забить и не робокъ, онъ торжествуетъ въ значительной
модерного поколѣнія, а невѣрныя, часто несправедливыя, иногда
жестокія мѣры, которыя принимала противъ него адми-
нистрація, несколько не уменьшаетъ вреда и уродливости его ученія.
Его деятельность къ нигилизму для меня непонятна и я ее не
понимаю. Это какое то идолище, сидящее въ терему у Владиміра
и ему служить всѣ безъ исключенія, даже и не хотящія, а
онъ разѣвываетъ ротъ и пожираетъ все, что ему несутъ, пока
не прихлопнутъ его колпакомъ» ¹⁾. Въ своей полемикѣ, ко-
торая началась, главнымъ образомъ, въ ѣдкихъ и остроумныхъ
статьяхъ Толстой, въ основныхъ чертахъ, былъ правъ и въ этомъ
онъ мужественно «гребъ противъ теченія», но нѣкоторыя
изъ этихъ стихотвореній-сатиръ говорятъ объ утерянномъ
духѣ поэта. Въ «Потоки-Богатырь», красивой и очень искус-
ственной пѣснѣ, которую отказалась напечатать даже «Бесѣда»,
особенно обнаружилъ какую-то примитивность мысли.
Его судъ прямо-таки поражаютъ своей нелѣпостью и нело-
говитостью — таковы, напр., выводъ публики о Потокѣ.

Притѣснять хочетъ меньшую братію,
Ничко потому что сказалъ по поводу оправданія:
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ (?),
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру. . .
Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ. и т. д.

Самый языкъ этого неудачнѣйшаго произведенія Толстого въ
поэтической части очень вульгаренъ и до отвращенія прозаиченъ.

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ и т. д.

¹⁾ Стасюлевъ, и его современники • т. II. 1 окт. 1871. Къ Стасюлевичу.

Толстой чувствовалъ, что въ этомъ стихотвореніи онъ былъ былиннаго тона выпаль давно» и признавался Стасюлевичу, ¹⁾ не приписывалъ, этой былинѣ «никакой важности», хотя и зывалъ также, что въ ней высказано его credo. Ополчаясь за защиту жизненныхъ условій искусства, Толстой обнаружилъ, действительно, опредѣленные убѣжденія, тогда какъ въ другихъ областяхъ жизни конкретно схватить убѣжденія Толстого—дѣло большой трудности. Онъ былъ характернѣйшимъ либераломъ того времени, предѣльно любилъ личную свободу, въ физическомъ смыслѣ, не вельзя стѣснялся службы, хотя бы самой легкой, былъ непотопленнымъ апостоломъ свободы слова и не выносилъ деспотизма. Моя вина, если изъ написаннаго мною ради любви къ искусству само собою вытекаетъ, что деспотизмъ никуда не годится. Типъ хуже для деспотизма. Оно вездѣ скажется, во всякомъ художественномъ трудѣ, оно выскажется даже въ Бетховенской симфоніи.

Защита принциповъ индивидуальной свободы, проводимая Толстымъ откровенно и смѣло, бросала его въ другой лагерь русской общественности, противоположный «Русскому Вѣстнику» ²⁾.

Апология свободы слова роднила его съ славянофилами, съ которыми у него, дѣйствительно, было много общаго, но не забывать, что это сходство было вѣншнее, болѣе по мотивамъ, чѣмъ по содержанію, и Хомяковъ ошибался во второй половинѣ своего утвержденія, говоря, что у Толстого «не только русская форма и русскій ходъ мыслей». Ходъ мыслей у Толстого былъ европейскій, какъ это выяснено выше. Я уже приводилъ критику Толстого самобытности русскихъ началъ искусства. «Отъ славяно-

¹⁾ «А написалъ потому, что написалось; когда же увидѣлъ, что иные смѣются, а другіе сердятся, то и напечаталъ. Вообще это не мой генре и выступить на литературную дорогу я не намѣренъ. Но отъ Потока не отказываюсь и насколько сожалею, что его напечаталъ, равно и Пантелея». «Стасюл. и его совр.» т. II. 1 окт. 1871 г.

²⁾ Въ «Снѣ Попова», лучшемъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній, Толстой далъ превосходную картину дѣятельности третьяго отдѣленія. «Снѣ Попова» имѣлъ громадный и вполнѣ понятный успѣхъ. «Въ Константинополѣ онъ произвелъ скандаль и пишетъ Толстой, и былъ поводомъ къ перепискѣ родственниковъ Игнатіева съ Петербургомъ. Не знаю, собственно, какое придали ему тамъ значеніе, борьбы и славянскаго элемента съ турецкимъ или преобладаніи греческой державы надъ болгарской. Въ штанахъ, кажется, увидѣли намекъ на Босфорскій проливъ, что ихъ особенно напугало». «Стасюл. и его совр.» т. II. 18 ноябр. 1873 г. (къ Стасюлеву).

Хомякова меня тошнитъ, когда онъ ставитъ васъ выше
нашего православія» ¹⁾.

марта 1869 г. въ Одессѣ, въ Англійскомъ клубѣ Толстой
тостъ «за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, къ
національности они не принадлежали». Въ реакціонномъ
коризненно закачали головами, и Толстому пришлось соб-
свои стрѣлы и, какъ вѣкогда противъ нигилистовъ, обру-
на воинствующій націонализмъ Каткова и ему подобныхъ.
шпетъ онъ Маркевичу, говорите, что нельзя допустить
національности въ могущественнѣйшемъ государствѣ. Милые
смотрите въ лексиконъ, что такое національность. Вы смѣ-
государство съ національностями. Нельзя допустить разныхъ
два; но не отъ васъ зависитъ допустить или не допустить
ность. Армяне, подвластные Россіи, будутъ армянами,
татарами, нѣмцы—нѣмцами, поляки—поляками. Несмотря
отраженіе къ ссылкамъ на самого себя, я не нахожу луч-
мента, какъ слова Лепорелло изъ Донъ Жуана.

говорилъ, что мавры и мориски народъ полезный былъ и
ихъ не слѣдовало гнать и жечь, [работящій,
коль они исправно платятъ подать,
того довольно королю» ²⁾.

время польскаго возстанія Толстой, оставаясь вѣрнымъ своимъ
мъ, порицалъ Муравьева за его рѣзкую политику и, по сло-

западникъ съ ногъ до головы и настоящій славизмъ—западный, а не
28 дек. 1869.

его шуточное стихотвореніе «Единство», гдѣ, между прочимъ, пѣются
стироки:

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкирцы и армяне
И даже калмыки.
Недавно и таикентцы
Живутъ у насъ въ пѣну;
Признаться-ль? Есть и нѣмцы,
Но это entre nous!
Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепчу,
Что есть у насъ поляки,
Но также entre nous! etc.

вамъ кн. В. Мещерскаго, требоваль отъ Россіи не энергіи Муравьева, но признанія у поляковъ элементовъ культуры и цивилизаціи, стоящихъ выше нашей. Отсюда вытекало у него и желаніе, чтобы вѣческое отношеніе было противопоставлено жестокости: ¹⁾. Но дальнѣйшій проповѣди идей индивидуальной свободы Толстой не идетъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ похожъ на старыхъ французскихъ либераловъ предреволюціоннаго періода, пѣвшихъ гимны свободѣ и человѣку въ ужасѣ остановившихся передъ призракомъ народовластія Ж. Ж. Руссо. Проповѣдуя (нѣсколько, правда, идилично) декларацію «права человека», Толстой очень неохотно толковаль о правахъ гражданъ и въ томъ, что раскрылось цѣннаго за европейскими социальными катастрофами, Толстой плохо разбирался. Онъ, дѣйствительно, представляль изъ себя нѣсколько устарѣлый типъ европейца, консерватора на либеральной подкладкѣ.

Толстой очень случайно выступаль въ роли трибуна и проповѣдника и это особенно бросалось въ глаза въ то время, когда писателя открывалось широкое и, въ своемъ родѣ, единственное поле для общественнаго протеста. Не прощальсь это Толстому и въствіе его громадныхъ связей при дворѣ и личной дружбѣ съ Государыней. Товарищъ дѣтскихъ игръ императора, сохранившій съ нѣмъ до конца своихъ дней дружескія отношенія, Толстой былъ своей тѣнью въ императорской семьѣ. Государыня Марія Александровна была преданная почитательница его таланта; нерѣдко, въ ея салонѣ впервые прочитывались Толстымъ или постояннымъ чтецомъ его стихотвореній Б. Маркевичемъ, еще не появившіяся нигдѣ стихотворенія и пьесы. Толстой былъ въ перепискѣ съ государыней, и она его дружественно звала Алешей.

Къ службѣ Толстой изавна питаль отвращеніе, самыя легкія и временныя служебныя обязанности его тяготили. Будучи назначенъ въ комитетъ о раскольникахъ, онъ жалуется въ письмахъ на затрудненіе примирить собственныя принципы религіозной терпимости съ направленіемъ правительственной политики и скорѣй бросаетъ комитетъ. На неоднократныя предложенія Государя занять ту или другую высшую должность, Толстой отвѣчалъ отказомъ. «Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природѣ, пишетъ онъ Государю

¹⁾ Lirondelle, стр. 225.

дру П., — я сознаю, что всякій, по мѣрѣ силъ, долженъ быть имъ. Способъ указанный мнѣ Провидѣніемъ, — мое литературное и всякій другой путь для меня невозможенъ. Я всегда плохимъ администраторомъ, плохимъ чиновникомъ, но думаю, въ самообольщенія могу сказать, что я хорошій писатель», «заба и искусство несовмѣстимы». Но Толстой сознавалъ, что дарный талантъ и дружба съ Государемъ обязываютъ, и онъ что имѣетъ способъ служить особѣ Государя и нести эту работу съ честью, это — «быть безстрашнымъ сказателемъ правды», «свободная должность, которая ко мнѣ подходитъ и, къ счастью, не требуетъ мундира». Знала ли русское общество про это письмо — все равно, но въ широкихъ литературныхъ кругахъ эта личность, какъ адвоката русскаго прогресса, сама собою опредѣляла его положеніемъ. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы сказать, въ какой степени Толстой использовалъ это своеобразное демонстрацій, но можно предположить, что случаи не были въ пятидесятихъ годахъ Толстой хлопоталъ за молодого человека, а послѣ поѣздки Костомарова для чтенія лекцій въ Новгородъ и Псковъ, Толстой, по просьбѣ знаменитаго ученаго, обратился къ государю съ письмомъ по поводу разрушенія памятниковъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Письмо дышитъ негодованіемъ на наше невѣжество и некультурности, не щалящихъ церковныхъ памятниковъ XIV и XI вѣка¹⁾. «И всѣ эти варварства происходятъ въ наше время на Руси на глазахъ и съ санкціи губернскихъ и высшаго духовенства. Въ особенности духовенство открещивается отъ себя въ правѣ разрушить то, что нужно хранить, сколько оно является стойкимъ защитникомъ рутины и чужды идеи, настолько ревностнымъ противникомъ памятниковъ. Оно возлагаетъ на себя задачу доканать все, что татары и пожары не сожгли. Развѣ раскольники были просвѣщеннѣе митрополита? Я знаю, что Ваше Величество не останется равнодушнымъ къ уничтоженію древнихъ памятниковъ, которыхъ, сравненныхъ другими странами, у насъ такъ мало».

Извѣстенъ одинъ случай, гдѣ Толстой обнаружилъ въ разговорѣ съ Государемъ нѣкоторое гражданское мужество. Однажды, на охотѣ, въ разговорѣ съ Государемъ, почему Толстой ничего не пишетъ, онъ отвѣтилъ, что литература носить трауръ по невинно осужденному Чернышевскому. Этотъ разговоръ съ Государемъ кончился легкой размовкой.

Толстой представлялъ изъ себя одного изъ типичныхъ обитателей 70-хъ годовъ, просвѣщеннаго, кристально—честнаго, рациональнаго, но наивнаго и добродушнаго въ своемъ леберальномъ. Въ партійномъ отношеніи онъ былъ «дикимъ», но эта дикость вытекала у него не столько изъ теоретическаго непониманія дѣйствительности, сколько изъ органическаго отвращенія къ ней. Будучи органическимъ сторонникомъ просвѣщенныхъ людей, Толстой зналъ, что съ ними дѣлать въ жизни, которая его пугала своей сложностью и разнообразіемъ общественнаго настроенія. Онъ былъ служакой, но онъ былъ воспитанникомъ той государственной школы, запоздалаго просвѣщеннаго абсолютизма, которая, мысленно сознавая правду, боялась съ ней встрѣтиться въ дѣйствительности. Толстой не былъ двуличенъ, но у него въ натурѣ былъ родовой недостатокъ—страхъ передъ призраками дѣйствительности, особенно замѣтный и не прощаемый въ эпоху общественнаго пробужденія.

Н. Кноррингъ.

1. Лицевая сторона.

2. Обратная сторона.

АПУЛІЙСКАЯ ВАЗА.

Апулійская ваза ¹⁾.

въ Собраніи античныхъ сосудовъ Музея Изыщныхъ Искусствъ Императора Александра III при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Вышина безъ ручекъ. . . . 90 см.

Вышина съ ручками . . . 103 см.

Верхній діаметръ. . . . 46 см.

Ваза дошла до насъ въ сильно фрагментированномъ видѣ, части не сохранились и замѣнены гипсовыми вставками, на рисунокъ является, конечно, не античнымъ ²⁾.

Реставрировано на лицевой сторонѣ слѣдующее: часть верхней вазы, часть платья стоящей женской фигуры (треугольное пространство между основаніемъ скалы, опахаломъ и бубномъ), у центральной женской фигуры вся лѣвая рука отъ плеча (античнаго происхожденія), у стоящей мужской фигуры — плечо и кисть правой руки, лѣвая рука съ плащомъ и вся нижняя часть тѣла, начиная съ живота; у правой сидящей женской фигуры античными являются только голова, лѣвая рука (безъ плеча) и лѣвая грудь и оба колѣна.

Принятою глубокою, сердечною благодарностію г. Директору Музея Изыщныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ, проф. Вл. К. Мальмистову любезное разрѣшеніе описать эту вазу и за его, какъ всегда, цѣнные совѣты.

Предѣлать реставрированныя и вновь прибавленныя мѣста было очень трудно, такъ какъ они были только раскрашены черною, красною или бѣлою краскою, имѣвшими ровнаго блеска подлинныхъ сосудовъ; кромѣ того, рисунокъ, который, сразу выдавалъ позднѣйшія вставки, встрѣчался и явные несообразности. Въ сомнительныхъ случаяхъ приходилось пробовать вазу перочиннымъ ножомъ, легко удалявшимъ на гипсъ окраску и обнаруживавшаго истинный гипсъ, въ то время какъ на подлинныхъ частяхъ остріе ножика не оставило царапины.

Въ настоящее время всѣ соскобленныя мѣста тщательно и удачно закрашены императоромъ по художественной части Музея, В. Д. Суховымъ.

Что касается нижняго ряда, то у лѣваго грека реставрирована лѣвая нога, у первой амазонки—лѣвая нога от колѣна, у второй—вся нижняя половина. Слѣдующій грекъ, за исключеніем гребня, шлема и части развѣвающагося плаща,—не античенъ; его противницы сохранилась лишь кисть правой руки и кусок (лапа) звѣриной кожи, отъ коня амазонки—уши и челка. Полки за исключеніемъ щупальцевъ, дорисованъ; не античны щитъ и копья подъ лѣвою амазонкою и тенія между вторымъ грекомъ и правой амазонкою.

На оборотной сторонѣ у правой мужской фигуры верхняя часть реставрирована средняя часть правой руки, лѣвая рука от середины плеча и вся нижняя часть тѣла, кромѣ праваго колѣна и лѣвой ступни, а также весь плащъ подъ юношею. У центральной фигуры дополнены ноги от колѣнъ и нижняя половина щита. У лѣвой мужской фигуры нижняго ряда реставрированы ноги и лѣвая рука; вся правая женская фигура, кромѣ правой стороны головы, бюста и лѣвой руки съ вѣнкомъ, реставрирована. Не античны нижняя половина эдикула, мячъ и вѣтви подъ стилобатами. Можно сказать, что почти вся нижняя половина вазы новѣйшаго происхожденія, что относится и къ высокимъ ручкамъ съ масками.

Нашъ сосудъ представляетъ обычную форму апулійскаго кратера съ двумя высокими ручками, прикрѣпленными своими волютами, къ которымъ прилѣплены маски, къ верхней части вазы, и нижними раздвоенными концами—къ плечамъ вазы; на выступѣ образующемъ переходомъ широкаго корпуса къ болѣе узкой шейкѣ мы видимъ четыре симметрично расположенныхъ головки воляныхъ птицъ (гусей?); орнаментъ—типиченъ для такихъ сосудовъ¹⁾. По краю кратера идетъ орнаментъ изъ овъ, подъ нимъ—крючковидныя

¹⁾ По орнаментикѣ описываемый кратеръ имѣетъ почти полную аналогию съ апулійскимъ кратеромъ въ Берлинѣ; см. *E. Gerhard. Apulische Vasenbilder des Königl. Museums zu Berlin*. Berlin, 1845, табл. X. Отличіе нашего кратера отъ берлинскаго, который Gerhard (тамъ-же, стр. 11, примѣчаніе 1, называетъ „*Amphora mit Voluten*“) состоитъ въ томъ, что у берлинскаго на несложившихъ волютахъ нѣтъ масокъ. См. также *E. Buschor. Griechische Vasenmalerei*. München, 1913, рис. 148 на стр. 203 и *Fowler, Wheeler and Stevens. A Handbook of Greek Archaeology*. New-York. Cincinnati. Chicago, 1909 г., рис. 402 на стр. 516, гдѣ изображенъ апулійскій кратеръ (находится въ Бостонѣ), орнаментика и особенно форма котораго почти подобны описываемому.

ниже данъ рядъ точечекъ, подъ которыми—лавровые
полѣе широкіе на оборотной сторонѣ (на лицевой сторонѣ
листья — розетка).

На оборотной сторонѣ шейки среди пальметтъ — женская го-
ловка въ профиль влѣво, на лицевой — тоже женская головка, по-
которой — двѣ сирены, представляющія значительный инте-
ресъ. Ихъ крылья прикрѣплены къ спинѣ, а не примыкаютъ къ
птичьей части тѣла, что встрѣчается въ болѣе позднихъ
вѣкахъ; кромѣ того у нихъ руки. У Baumeister'a ¹⁾ мы ви-
дѣмъ изображеніе надгробной сирены съ крыльями на спинѣ и тоже
руки; Baumeister ²⁾ про эту сирену говоритъ, что она «bietet
schematischen Formen gewiss den Typus der besten Zeit»;
Д. К. Малъмбергъ относитъ ее къ V ст.. Подобные типы
мы видимъ и на нѣкоторыхъ другихъ глиняныхъ сосудахъ ³⁾.

Всѣ вазы покрыты орнаментомъ, состоящимъ изъ черныхъ
полосокъ, чередующихся съ болѣе широкими; тѣ и другія
несколько расширяются. Ниже — овы; внизу надъ ножкою —
Бока кратера подъ ручками украшены пальметтами; подъ
ножками ручекъ помѣщено по розеткѣ.

Вазы выполнены въ красно-фигурной техникѣ съ примѣне-
ніемъ красной краски, мѣстами хорошо сохранившейся. Бѣлой крас-
кой (сплошь) покрыты (на лицевой сторонѣ): сирены, женская
голова, между ними, весь лиственный орнаментъ, часть скала,
голова Эроса, петаса сидящей мужской фигуры, шлемъ сидящей
женской фигуры, скала, на которой она сидитъ, опакало, сгибы
панталона Ники, бубень, шлемъ и щитъ лѣваго грека, шапка, за-
вязываясь, перевязи, шаровары лѣвой амазонки, шлемъ сред-
няго грека, щупальцы спрута, запястье правой амазонки, лапа
и хвостъ шкуры, надѣтой на амазонку, и челка правой лошади.

На оборотной сторонѣ бѣлая краска видна на волосахъ, оже-
вѣ, сѣзѣ шеи орнаментальной женской головки, на орнаментѣ

¹⁾ Baumeister. Denkmäler des klassischen Altertums. München und Leipzig,
т. I, рис. 1701.

²⁾ Тамъ же, стр. 1644.

³⁾ Furtwängler und K. Reichhold. Griechische Vasenmalerei. Serie III. Text.
т. I, рис. 26 (на кампанской гидрии въ Берлинѣ); Reinach. Répertoire des
vases grecs et étrusques. Paris, 1899, t. I, стр. 34 (5), 42, 52.

шейки вазы; весь эдикулъ покрытъ бѣлою краскою, которая замѣтна на петасѣ центрального юноши, на его щитѣ, въ волосахъ лѣвой женской фигуры, въ вѣнкѣ лѣваго юноши и т. д.. Впервые кратеръ былъ описанъ А. Н. Шварцемъ въ бытность его профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета ¹⁾. Приведемъ полностью его слова: «Бѣлая апулійская амфора. В. 0,89; об. 0,99. Амфора снабжена высокими ручками, образующими обычный завитокъ съ изображеніями на нихъ масками.

Красныя фигуры по черному полю.

Лицев. стор.: По туловищу сосуда, внизу изображена битва грековъ съ амазонками; къ сражающимся спускается Ника съ пѣніемъ. Выше, надъ этой сценой, повидимому, судъ Париса: посреди сидитъ Аѳина, характеризуемая шлемомъ, который она держитъ въ рукахъ, съ петасосомъ за плечами и копьемъ, разговаривая съ Гермесомъ; надъ Аѳиной Афродита, характеризуемая упавшимъ къ ея ногамъ зонтикомъ; направо Гера въ простомъ одѣяніи. Между Афродитой и Гермесомъ паритъ обычный апулійскій Эроть, между Аѳиною и Герой стоитъ Парисъ. Еще выше, на шейкѣ сосуда, голова съ парящими по обѣимъ сторонамъ ея фигурами.

Оборотн. стор.: Сцена поминанія умершаго. Посреди въ обычномъ эдикулѣ геронизованный покойникъ съ хламидой на плечахъ и съ какимъ-то неяснымъ предметомъ въ лѣвой рукѣ; по бокамъ храма четыре фигуры приносящихъ жертвы, съ разными принашеніями (патерами и вѣнками) въ рукахъ.

Свободныя мѣста полей, пространство подъ ручками и шейкой сосуда богато расписаны полихромными апулійскими орнаментами весьма грубой работы.

Стиль рисунковъ позднѣйшій, небрежный и аляповатый. Краски обычные въ апулійскихъ сосудахъ, мѣстами расплывшіеся въ пятна. Нѣкоторыя части сосуда новѣйшаго происхожденія.

Приобрѣтенъ въ Римѣ при посредствѣ д-ра Гельбига въ 1872 году.

Съ толкованіемъ А. Н. Шварца верхней полосы лицевой стороны нельзя во всемъ согласиться. Лѣвую женскую фигуру.

¹⁾ А. Н. Шварцъ. Краткое описаніе древне-греческихъ глинныхъ сосудовъ, принадлежащихъ Императорскому Московскому университету. Москва. 1880. стр. 40—41.

вакутанную въ одежды и опирающуюся на скалу ¹⁾, А. Н. считаетъ на основаніи зонтика (вѣрнѣе опахала) ²⁾ за женскую; скорѣе Эротъ съ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ и дѣтскимъ животнымъ въ правой ³⁾ можетъ характеризовать женскую фигуру, Фродиту, хотя лучше оставить ее безъ точнаго наименованія, такъ что на позднихъ вазахъ часто фигуры привлекаются въ рядъ декоративныхъ ⁴⁾. Далѣе мы видимъ сидящую мужскую фигуру въ плащѣ, съ петасосомъ за плечами и въ высокой обуви; видимому, Гермесъ. Направо отъ него сидитъ Аѳина, хранимая шлемомъ въ лѣвой рукѣ и копьемъ; на головѣ Аѳины повязка, концы которой А. Н. Шварцъ ошибочно признаетъ за волосы. Стоящую направо отъ Аѳины мужскую фигуру А. Н. принимаетъ съ оговоркою за Париса. Въ данномъ случаѣ мы не имеемъ же ошибку, что и при описаніи великолѣпнаго кратера изъ принадлежавшаго Кабинету Изящныхъ Искусствъ при Московскомъ Университетѣ ⁵⁾. Рейнакъ ⁶⁾ и профессоръ Вл. К. Мальмбергъ ⁷⁾

краткую сказку мы видимъ у *Gerhard'a*, тамъ же, табл. VIII и X.

На фотографіи нѣсколько туманно вышли ручка опахала и вѣнокъ въ лѣвой Фродиты (?), въ оригиналѣ ихъ все-таки можно разобрать; то же самое сказать и про вѣнокъ въ лѣвой рукѣ Ники.

Эротъ (у Эрота) см. *Furtwängler und Reichhold. Griechische Vasenmalerei*, т. I, рис. 76; *Reinach*, тамъ же, т. I, стр. 61 (2), 290 (3); т. II, стр. 42; (у Эроса) см. *Reinach*, тамъ же, т. I, стр. 420; *Baumeister, Denkmäler des klassischen Alterthums*, B. II, рис. 833; (у Ганимеда) см. *Reinach*, тамъ же, т. I, стр. 335 (3). *Вл. К. напеч. А. von Salis. Der Altar von Pergamon. Ein Beitrag zur Kenntnis des hellenistischen Barockstils in Kleinasien*. Berlin, 1912 г., стр. 111; упоминаемая въ этомъ мѣстѣ про гидрію съ изображеніемъ Елены и Пандароса находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, рис. у *Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei*, таб. 79,1 и у *Reinach. Répertoire des vases...*, т. I, стр. 9,2), говоритъ, что картина на этой гидріи, характерной для такъ называемыхъ ефесскихъ вазъ, является, подобно всѣмъ продуктамъ поздне-аттического вазопроизводства, лишь просто мозаикою изъ изолированно возникшихъ типовъ, не имѣя раньше никакого другъ къ другу отношенія, искусственно введенныхъ въ общую композицію и только отчасти оправдывающихъ свое декоративное назначеніе.

Изъ трудовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, см. *А. Н. Шварцъ. О нѣкоторыхъ греческихъ расписныхъ вазахъ, принадлежащихъ Императорскому музею изящныхъ искусствъ*. См. также *А. Н. Шварцъ. Краткое описание*, стр. 23.

Reinach, тамъ же, т. I, стр. 504 (2).

Изъ изданій Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ. Выпускъ IV, текстъ. *Вл. К. Мальмбергъ. Апулійская ваза*, рис. на стр. 139 и рис. 4 на стр. 147.

вполнѣ сходятся въ томъ, что на оборотной сторонѣ кратера представленъ сатиръ. И на описываемомъ кратерѣ стоящая мужская фигура, въ всякаго сомнѣнія, сатиръ: это доказываютъ, главнымъ образомъ, заостренные кверху уши и некрасивый широкій, изогнутый носъ; очень похожую верхнюю часть сатира видимъ у Gerhard'a ¹⁾. Сидящая направо отъ сатира женская фигура ели Гера: нѣтъ никакихъ атрибутовъ, по которымъ можно было бы считать ее за Геру. Аналогичныя фигуры обычны на позднѣйшихъ вазовыхъ рисункахъ, на которыхъ онѣ являются лицами безымянными. Ниже два грека, сражающіеся съ амазонками: лѣвый грекъ въ остроконечной шапкѣ (*πίλος*) ²⁾ и въ плащѣ, прикрываясь имъ, замахивается копьемъ на амазонку, конь которой пришелъ на лѣвую переднюю ногу; амазонка, безоружная, умоляюще протягиваетъ правую руку, лѣвою хватается за голову. Внизу отъ группы щитъ и два короткихъ копья, брошенныхъ въ отчаянную амазонкою. Направо тоже грекъ, нападающій на амазонку, надъ нимъ летящая Ника съ вѣянкомъ въ лѣвой рукѣ, протягивающая теню ниже направо мы видимъ спрута ³⁾, а подъ опахаломъ Афродиты бубень ⁴⁾, который какъ-бы въ pendantъ къ спруту заполняетъ свободное пространство.

Перейдемъ къ оборотной сторонѣ. Въ центрѣ возвышается эдикулъ: на высокомъ двуступенчатомъ стилобатѣ покоятся два илестра съ іонійскими (?) волютами; эдикулъ увѣнчанъ фронтономъ съ бѣлымъ кружкомъ въ серединѣ. Въ эдикулѣ стоитъ обращенный вправо обнаженный юноша (героизированный усопшій) съ плащомъ и петасомъ за спиной; въ лѣвой рукѣ щитъ, а правую героизированный усопшій опирается на высокое копье, слѣды котораго еще сохранились на вазѣ; надъ лѣвой рукою виситъ тенія. Въ верхнемъ ряду направо отъ эдикула сидящій юноша съ плоской чашей въ правой рукѣ; около колѣна его правой ноги тенія; надъ нимъ сидящая женская фигура съ ящикомъ въ правой рукѣ и большимъ

¹⁾ Gerhard, тамъ же, табл. В, 1 и 2.

²⁾ Gerhard, тамъ же, стр. 3, называетъ такую шапку «Die eiförmige Mütze» см. табл. I.

³⁾ Спруты показаны, напр., у Gerhard'a, тамъ же, табл. VII.

⁴⁾ Ср. Gerhard, тамъ же, табл. XV.

въ лѣвой. Надъ лѣвой рукой четырехконечная звѣздочка, надъ этой рукой лежитъ корзинка съ плодами ¹⁾.

Въ нижнемъ ряду: направо женская фигура съ корзинкой въ поднятой рукѣ, опирающаяся на скалистое возвышеніе; лѣвой отведенной въ сторону рукой мячъ; налѣво отъ эдикула стоящая фигура юноши въ плащѣ съ вѣнкомъ въ правой рукѣ.

На оборотной сторонѣ, какъ видимъ, изображена сцена погребельнаго характера. Какъ сказано выше, рисунокъ кратера не весь того происхожденія. На лицевой сторонѣ, напр., копые Аяины согнуто по ту сторону ея согнутой лѣвой руки, что, конечно, нелогично, т. к. въ такомъ случаѣ у копыя нѣтъ опоры для верхней части: копые должно опираться на сгибъ лѣвой руки (рис. 1).

У сатира лѣвая рука некрасиво скрывается за правой фигурой. Для восстановленія первоначальнаго рисунка помочь фигура сатира, изображенная у Gerhard'a и приведенная выше: лѣвая рука сатира была, вѣроятно, поднята выше и согнута, т. что лѣвое предплечье все было видно; сгибъ правой руки тоже былъ, повидимому, круче, и тогда она приходила какъ разъ по срединѣ между лѣвымъ коленнымъ и шлемомъ (рис. 2).

У коня лѣвой амазонки не дорисованъ хвостъ; щитъ подъ нимъ нарисованъ правильно ³⁾. Средній грекъ реставрированъ неудачно, особенно правая рука съ угловато нарисованными пальцами ⁴⁾. Правая амазонка и ея конь восстановлены неудачнѣе всего говоря уже о головѣ амазонки, щитъ ея имѣетъ очень нелѣпую форму. Относительно головы коня реставраторъ вмѣсто уздечки, проходящаго надъ глазами, просто нарисовалъ у коня брови; крайне некрасивы заднія толстыя и безжизненные лошади, болѣе похожія на окорока ⁵⁾. На оборотной сторонѣ

¹⁾ Ср. Gerhard, тамъ же, табл. XII.

²⁾ Ср. Gerhard, тамъ же, табл. XIII.

³⁾ Ср. Gerhard, тамъ же, табл. III, IV, V и VIII.

⁴⁾ Можно было бы предположить, что грекъ первоначально былъ изображенъ иначе, — мы видимъ, что Ника протягиваетъ вѣнокъ и бросаетъ тенію впередъ по развѣивающей плащъ грека говоритъ, что движеніе послѣдняго было рывкомъ стремительно впередъ.

⁵⁾ На кратеръ въ музеѣ Iatta въ селѣ амазономахіи (Monumenti inediti pubblicati dall' Instituto, vol. X, табл. XXIII) у первой лошади справа въ верхнемъ ряду видимъ такіе же малорасчлененныя, слишкомъ прямые, вялые и некрасивые лошади.

непріятно поражаютъ слишкомъ длинныя ноги усопшаго, выходя стилобать и вѣтви подѣ нимъ. Приведенная у Gerhard'a апулийская ваза ¹⁾ позволяетъ, думается, отчасти понять первичную композицію на оборотной сторонѣ нашего кратера: у Gerhard'a вмѣсто вѣтвей изображены двѣ фигуры. Если мы вспомнимъ, что нижняя половина оборотной стороны нашего кратера позднѣйшаго происхождения, то будетъ ясно, что реставраторъ, можетъ быть, умышленно или по незнанію нарисовалъ ноги усопшаго длиннѣе, стилобать выже и меандръ шире. Стоить сдѣлать пропорціи юноши болѣе правильными, срѣзать стилобать и ленту меандра нарисовать уже, чтобы помѣстить вполне достаточно мѣста для двухъ фигуръ, сидящихъ или въ полулежачемъ положеніи, какъ у Gerhard'a; во всякомъ случаѣ, эти фигуры были бы умѣстнѣе болѣе чѣмъ странныхъ вѣтвей. Та же ваза очень убѣдительно говоритъ за то, что правая женская фигура была представлена стоящей, а едва-ли опиралась правой ногою; этотъ мотивъ чаще встрѣчается въ изображеніяхъ мужскихъ фигуръ. На той-же вазѣ мы видимъ, что мячъ помѣщается надъ корзинкою, но на нашемъ кратерѣ ему не было-бы мѣста надъ нею. Лѣвый юноша въ лѣвой рукѣ держалъ, вѣроятно, посохъ, какъ это мы видимъ на нѣсколько разъ уже приведенной берлинской вазѣ; лѣвой ногою юноша опирался на скалистое возвышеніе, которое ошибочно нарисовано на описываемомъ кратерѣ подѣ ногою правой женской фигуры ²⁾.

Рисунокъ даннаго кратера, небрежный, мѣстами грубо-ремесленный, позволяетъ отнести нашъ сосудъ скорѣе ко второй половинѣ IV ст. до Р. Хр., чѣмъ даже къ серединѣ этого вѣка. Возможно, что кратеръ изготовленъ въ самомъ Тарентѣ ³⁾.

Н. Щербаковъ.

¹⁾ Gerhard, тамъ же, табл. XVI; см. также рисунокъ на оборотной сторонѣ вазы съ Медузою въ Мюнхенѣ (*Furtwängler—Reichhold Griechische Vasenmalerei* Serie II, Text, рис. 54 на стр. 162).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Ср., напр., рисунокъ коня и особенно его головы на тарентинской вазѣ, изображенной у C. Robert. *Die antiken Sarkophag-Reliefs*. 2. Band. Berlin, MDCCCXC, стр. 77.

